

1
2010

МИБА

Л. Костевич. Все совпадения случайны (роман о лицах)

Б. Канапьянов. Удар вне ринга (повесть)

Ю. Поминов. Хроника смутного времени
(книга вторая, продолжение)

В. Бойко. Сюжеты и портреты

З. Мукашев. Содержательная логика как оппозиция
марксизму - ленинизму

С. Ананьева. Истоки дружбы двух народов

В. Третьяков. Туча (фантастическая повесть)

№ 1
2010

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ**
(г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ**
(г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы),
В. Г. ШЕСТЕРИКОВ (г. Петропавловск).

В номере:

Поэзия

А. Матвеев. «Другие на смену придут поколенья...». *Стихи* 3
О. Григорьева. «Душа моя, озябшая синица...». *Стихи* 51
Из немецкой поэзии XX века.
Перевод на русский язык Виталия Штемпеля..... 81

Проза

Л. Костевич. Все совпадения случайны. *Роман о лицах*..... 13
Б. Канапьянов. Удар вне ринга. *Повесть*..... 57

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.
Записки редактора. Книга вторая (продолжение) 87

© «Нива», 2010, Астана

Культура. Общество. Личность

В. Бойко. Сюжеты и портреты. *Записки неопределённого жанра. Главы из книги (продолжение)* 111

Философские беседы

З. Мукашев. Содержательная логика как оппозиция марксизму-ленинизму 136

Летопись Евразии

С. Ананьева. Истоки дружбы двух народов 150

Критика и литературоведение

И. Матвеева. «Нет, не дремлет молва...» 156

Искусство

О. Пашко. Яркие приметы времени 159

Параллели и меридианы

К. Первушин. Свет и тени исторической родины. *Путевые заметки* 162

Приключения. Детектив. Фантастика

В. Третьяков. Туча. *Повесть* 170

Сатира и юмор

С. Тюнёв. День бегуна; О полноте; Шампусик; Эпидемия. *Юморески* 188

Изоальбом «Нивы»: из работ Василия Мартынцева.

Александр МАТВЕЕВ

*“Другие на смену
придут поколенья...”*

Не верь, не бойся, не проси...

Прижавшись лбом к стеклу балконной двери —
Там снежных хлопьев кружевной полёт.
Все семьдесят я вроде бы примерил...
Где ж тот бальзам, что молодость вольёт?!

Однако же ни капли не отведал:
Найти по блату, — Боже упаси!
По бартеру, — и недруга б не предал...
Есть высший смысл — не бойся, не проси.

Не выслужил себе высоких званий,
За сонмищем предательств и потерь.
В глубинном смысле разочарований
Уверовал, как в должное — не верь!..

Под звуки шума городского

Как хочется покоя, тишины,
Но постоянно выше всех пределов
Шум улицы с проезжей стороны —
По перепонкам хлещет децибелом.

Автомобиль! — Твой дьявольский напор
Явил понятия пробок и заторов:
Благам и жизням прёшь наперекор,
Сотраждане — заложники моторов.

Увы, цивилизации итог
Таков отныне присно и вовеки.
Мы дышим, поглощая едкий смог.
Так в чём же сущность?! — люди, человеки.

Жажда странствий

Есть в жизни каждого начала,
Что ниспошлёт тебе Творец...
... Вот судно в бухте у причала —
Летит бросательный конец.

Лишь только закрепив швартовы,
Отдаться б вольнице-гульбе...
А в городе большом, портовом —
Всё для тебя, всё по тебе!

Таких ни в чём не озаботит
Материковый уют...
Плыть по теченью или против?! —
Проблем себе не создают.

Презрев шторма и непогоду,
С готовностью — до полчаса:
Обрубят цепь — и якорь в воду,
Чтоб ветры галсам в паруса!

Ни яви не страшат, ни мифы:
Будь — шхуна, яхта или бриг.
Под килем бездна или рифы —
О, упоенья сладкий миг!

Легко любые сверхзадачи —
Перекроют, перекуют...
И — снова там, где всё иначе,
Где вольно дышат и поют.

Два города, где части света
Мне предстают наоборот.
Чем объяснить небесный этот —
Неадекватный разворот?..

Не патология, но всё же,
Не разумею ни черта:
Ведь даже в мелочах не схожи —
Владивосток, Алма-Ата.

Идём на базу. Всё нормально:
Ориентирует компас.
На горизонте визуально —
Земля... Погодка — высший класс!

Вот-вот реально, а не мнимо,
Отрину корабельный гнёт.
Но будет миг неуловимый,
Пространство будто б развернёт..

Скрывая, просвещал кого-то:
(Залив, где бухта, как фиорд)
“Мол, зюйд — где южные ворота,
А выход, северный, — на норд...”

В Алма-Ате всё в том же роде,
(Сам факт не шибко достаёт),
Садится солнце там, где всходит.
На западе — оно встаёт?!

За город выеду иль выйду:
Всё, как на родине у нас...
Любимый город, не в обиду, —
Так возвращаюсь всякий раз...

Выход в море

Лодка изготовилась к походу...
Вот вспорол форштевень в бухте воду.

На моторах походила малость.
Поныряла — дифферентовалась.

Дизеля вдруг, вздрогнув, застучали.
Всё за дымкой скрылось на причале.

За кормой остались с сетью бонны —
От ударов волн в цистернах стоны.

Нулевую приняла плавучесть:
Да минуи, в пучине, — злая участь!

Эхо первой любви

Я становлюсь на родине известным,
Как пишущий прозаик и поэт.
Вдруг, позвонила бывшая невеста —
Тебя здесь знают через Интернет.

И, радуясь свалившейся удаче:
“На склоне лет, но всё-таки наша!
... Не получалось как-то жить иначе —
Хотелось жизни... А она прошла...”

Теперь всё отдала бы без остатка,
Но не судьба, и в этом, видно, суть.
Признаюсь, что — жилось не шибко сладко.
Как говорят — былого не вернуть.

Давно окольно доходили слухи,
Что ты всерьёз над книгами корпел.
Рос, продвигался, что-то в этом духе —
Как видно, состоялся, преуспел...”

— Скажу тебе, хвалиться вроде б нечем.
Напрасно за идею нервы рвал,
Излишками семью не обеспечил:
Поскольку не стяжал, не воровал.

Поверишь ли?... От той любви осталась
(Которую сгубили на корню),
Чистейшая искрящаяся малость, —
Как эталон, в душе её храню.

Танцующие берёзы

Поразил нелепицей — не скрою,
Аномальный редкостный курьёз:
На курортной зоне Боровое
Хоровод “танцующих” берёз.

Редкая природная реальность.
Может, оттого, что на ветрах:
Выгибались, корчась, не ломались,
Чтоб не превратиться в тлен и прах.

Всё же их земля, как мать, взрастила
В лоне своей жизненной среды.
Может, корни хворью повредило,
Или недостаточно воды?!

Зрелищное редкое уродство,
Увидав, воскликнешь: ё-моё!..
С судьбами людскими в чём-то сходство:
Всё как в жизни... Каждому — своё...

“Душман”

*Майна — птица семейства скворцов.
Из Южной Азии через Среднюю Азию
проникла в Казахстан.*

“БСЭ”

Он накатил, как грязная волна:
Нахрапистый, жестокий забияка —
Скворец из Азии — такая сатана,
Для птах он злей, чем кошка и собака.

Не знать и впредь бы этих наглецов —
В повадках их агрессии излишек.
Опустошают грядки, бьют птенцов:
Синиц, вьюрков, скворцов и воробышек.

Не стало прежней певческой среды.
Затихло всё: чирикания и трели.
Почти исчезли чёрные дрозды
И горлинки (а их бомжи поели).

Нет иволги... Под затуханье звёзд
Распевки начинала утром рано.
... Лишь слышится у бывших птичьих гнёзд
Противный скрежет серого “душмана”.

Верны ли поверья?..

Предновогодье, а земля гола...
 В окно купе присвистывают ветры.
 А осень норов свой остерегла —
 На румбах чернотропа километры.

Зашторил куржаком стекло мороз.
 С намереньем столичного профана
 Позволю сформулировать прогноз:
 Бесснежье зим — на теле пашен рана.

То крах надежд на новый урожай:
 Жара и засуха — проблем бездонных море.
 Как ни крутись, ищи, соображай,
 Но оскудеет сельское подворье.

О, Господи! — яви благое лето,
 Чтоб осень привнесла нам на весы ...
 Людского бескультурия пакеты —
 Сплошь по земле вдоль лесополосы.

Поезд Алматы — Астана.

Монолог с фотографией

Из альбома глядит на меня
 Диво юное в кофте из ситца.
 Полстолетия с лишним хранится
 Этот образ, в бывшее маня.

Будто б снова навстречу идёшь
 В голубой расклешённой юбчонке.
 Нам завидуя, смотрят девчонки.
 От волнения в голосе дрожь.

Два упругих овала груди,
 Декольте с откровенной ложбинкой.
 И над верхней губою — “дробинкой”
 Точка родинки. Жизнь впереди...

Исключительной редкости стан.
 Словно соком земли налитая.
 Завлекли тебя чары Алтая,
 Я — в целинный махнул Казахстан.

Только в памяти годы разлуки
 Воскрешают тот трепет в душе,
 На исходном, увы, рубеже...
 У тебя, слышал, взрослые внуки.

В самом сердце твой образ храня,
 Я покоя ничем не нарушу.
 Огражу твою светлую душу,
 Чтоб прошла, не заметив меня.

Бессонница

Незваную приходит, как обычно,
Изматывая думами в ночи:
Мой мир приоткрывался не отмычкой,
Судьбою были посланы КЛЮЧИ...

Сложись бы в детстве жизнь совсем иная:
Возможно, был удачлив и богат.
Как неизбежность сути принимая,
Той жизни по-мальчишески был рад.

... В холщёвой сумке лук с краюхой хлеба,
В ребячьем любопытстве есть резон:
Меня влекло, где я ни разу не был,
Познавьем раздвигая горизонт.

Увидев волны зреющей пшеницы,
Взойдя на самый дальний бугорок,
Сумел, узнав однажды, насладиться
Манящей неизвестностью дорог.

Искал ответ на сложные вопросы,
Желания безмерны и вольны:
Задумчиво в лугах на сенокосах
Взирая на холодный лик луны.

Запоями проглатывались книжки,
Под ругань бабки, что палю огонь.
Влекли к охоте старое ружьишко,
К девочкам тоже — тульская гармонь.

Обрывки памяти, в клубки годов мотая,
Что обронил, по полной — не взыщи.
Да будет славен уголок Алтая,
Где с карты стёрт посёлочек КЛЮЧИ.

В. В.

Где бордовые гроздья рябин
Под фонтанною радугой сквера,
Лобызаются... Что за манера?!
Я был тоже когда-то любим...

Вновь увижу ли дюжину вёсен?
Чистых, искренних, не в муляже.
Мрак предзимья вселился в душе,
Хотя в городе буйствует осень.

И любовь, и надежда, и вера —
Всё прошедшее, всюду один.
Кудри в крупной пороше седин.
Благом кажется высшая мера.

Но я верую в те времена,
С кем однажды войдёт вдохновенье.
... Поджидаю, придёт ли ОНА
И одарит улыбкой мгновенья.

В парке

Прохладою дышат аллеи тенистые.
Лишь шорохи в кронах... Покой, тишина.
Задумчивы клёны, хранители истины.
Во веки веков и во все времена.

Кровавый двадцатый прошёл здесь шалея,
Сметая устои и правду поправ.
Дубы вековые стоят, сожалея,
С желаньем поведать: кто прав, кто не прав...

Здесь будто б стерильно от шума и гама.
Громада собора духовно чиста.
Смиренно идут посетители храма
Душой прислониться к Заветам Христа.

Другие на смену придут поколения
С идеей великой, прекрасной, иной.
Какие события грядут и явленья
В безбрежье галактик и в жизни земной?..

Моцион совершаю один
По аллеям тенистого сквера.
В голове под копною седин
Угнездилась паскуда-химера.

Из потрёпанных жизнью страниц
Выплывает незримо, смиренно
Череда подзабывшихся лиц...
Вдруг по курсу — Русалка, Сирена!

И просев, как под ливнями стог,
И видения мигом развеяв, —
Вот с такою ввязаться бы смог
В бесподобнейшую одиссею.

И к чертям полный штиль в парусах!
Прочь мыслишки: с чего б это ради?!
Как в руне, в золотых волосах
Задохнуться, припавши, их гладить.

Но из истин реальна одна:
Повздыхай да глазами похлопай...
Не Калипсо тебе, брат, нужна,
Потихоньку скрипи с Пенелопой.

Начало отсчёта

Была тому ли версия иная,
Но навсегда себе втемяшил в толк:
Себя впервые в жизни вспоминаю
Со сновиденья — снился страшный волк.

Не искусал меня, не изувечил,
За живностью гонялся по двору.
Повсюду кровь, отбиться было нечем.
Исчез в кошмарах где-то поутру.

Дрожа от страха, я скатился с печи,
Музюкая: куда ж девался зверь?
“Дай Бог, чтоб сон твой оказался вещим, —
Сказала мать, — гость постучится в дверь”.

Коптит семилинейка — помню точно..
По зимнику, измученный вконец,
Невероятно! — в отпуск краткосрочный
Нежданно с фронта прибыл наш отец.

Не знаю года, месяца, ни даты,
Себя бегущего за дровнями вослед.
Но врезались — морозные закаты
И саночки, что мне сработал дед.

В кафе “Якорь”

Устали вусмерть, уморились..
Однако досуг довершить
Мы в “Якоре” приякорились —
Пивка в охотку поглотить.

А для сугреву к пиву водка:
Морепродукты, балыки
И закусь русская, с селёдкой.
На супершпагах — шашлыки.

Штат, упакованный в тельняшки,
В пилотки, в гюйсы — всё как есть.
Такие славные мордашки —
Всю жизнь бы отдавал им честь!

Их груди рвушие матроски
Торчат головками торпед,
Достоинно держатся, по-флотски.
Мы ж — соблюдаем этикет.

Вам “Якорь” — не шалман портовый.
Здесь сервис выше во сто крат.
Стоит на вахте трёхболтовый
Глубоководный агрегат.

Давно не видывал такого...
 Однажды к нам для спеуработ
 Пришлёпал в бухту Конюшково
 Гражданский водолазный бот.

В нём водолаз, мужик не слабый
 (И выражался — напрямик),
 Ему, чтобы дышать, две бабы
 Крутили помпы маховик.

И те молитвы не творили...
 Тогда, обследуя причал,
 Вульгарщиной нас уморили.
 ... А “Якорь” — только укачал.

Опрометчивость

Песни, танцы, разговоры —
 Льётся праздничный елей.
 Шефы, спонсоры, партнёры
 Прибыли на юбилей.

За чиновничью карьеру
 Разухабистый народ
 Пьёт, закусывая в меру.
 Кое-кто наоборот.

Видно, верная привычке,
 Симпатичная на вид,
 Некой фирмы кадровичка
 Мужиков себе “кадрит”.

По-кошачьи похотлива,
 Телеса при ней на ять!
 Это чудо примитива
 Имидж силится поднять.

И флиртует целый вечер,
 Интригует, вводит в грех...
 Ей плевать, что эта встреча
 Повод свидеться для всех.

Через годы...

Получаю письмо, что прислал мне друг Чайников Миша,
 Перечитывал долго — несказанно этому рад.
 Умудрённый годами, — с почтительным трепетом пишет
 Юных дней по РУ и барачной общаге собрат.

Удивило не то, что найтись в наше время не просто:
 Докатались, наверно, туда отголоски молвы...
 Но как это понять, барнаульцы, надёжные в доску,
 Обращаться ко мне стали в вежливой форме, “ на Вы!”

Хоть не виделись мы чуть без малого долгих полвека,
С того самого дня, как дороги-пути разошлись.
Но привычки его, как приятного мне человека,
Память цепко хранит (по статистике) целую жизнь.

Он поведал, как жил, про ребят по совместной учёбе,
О постигшей печали, по рано ушедшим в тот мир.
И совсем ничего о любимой когда-то зазнобе,
Что пила мою кровь, как, смакуя, сосут эликсир.

Я за всю мою жизнь не встречал человека капризней,
Чтобы так не щадить обострённое чувство моё..
Хоть на женщин везло в непростой многоопытной жизни,
Был бы искренне рад знать про женское счастье её.

На обратный отсчёт счётчик наши мотает мгновенья.
Под один знаменатель порядочность, подлость и спесь.
Пусть по жизни пойдут поудачливей нас поколения.
Нам пока обещают: там будем счастливей, чем здесь.

Недоброжелателям

Всё делал от души, а не в угоду..
Терпел в начальстве супердурака,
Но не менял я убежденья сроду —
Ничто не вечно, вечна лишь строка.

Не восхвалял ловцов большой удачи,
На воровстве содеявших уют.
Когда-нибудь особняки и дачи
Сожрут термиты или прогниют.

В самом зачатъе подлых интересов
Гасил, бывало, бунт на корабле.
В стихах не назову моих дантесов —
С их прахом память предадут земле..

г. Алматы.

Леон КОСТЕВИЧ

Все совпадения случайны

Роман о лицах

Моим детям — Марии и Даниилу

Японский дипломат стоял в двух шагах от казаха. Оба молча смотрели друг на друга. У них были совершенно одинаковые чуть сплюснутые лица, жёсткие усы, жёлтая лакированная кожа и глаза, припухшие и неширокие. Они сошли бы за близнецов, если бы казах не был в бараньей шубе, подпоясанной ситцевым кушаком, а японец — в сером лондонском костюме, и если бы казах не начал читать лишь в прошлом году, а японец не кончил двадцать лет назад двух университетов — в Токио и Париже.

(И. Ильф, Е. Петров “Золотой телёнок”)

— ... Я могу дать вам не полтора миллиона, а пять, — предложил сценарист американцу. — И не долларов, а евро.

Табашников говорил долго. Развернувшись на сиденье к Рэйнуотеру, уверенно чеканил фразу за фразой. Лицо охотника за сокровищами из удивлённого стало внимательным, брови сползли к переносице. Он задумчиво произнёс:

— Какая слякотная весна в Москве. Юджин, повторите ещё раз — если я приму ваше предложение, что придётся делать именно мне?

— В том-то и дело, что ничего! — заверил Женья, переполненный внутренним ликованием двоечника, вытянувшего на экзамене билет с лёгким первым вопросом. — Идёте в помещение охраны, надеваете форму, получаете оружие, потом вместе со всеми садитесь в машину.

— Но я не говорю по-русски.

— Деньги повезут утром, почти сразу после того, как вы придёте в банк. До этого будете держаться подальше от всех. На крайний случай вас подстрахует наш парень.

**Леон
Гельевич
КОСТЕВИЧ**

родился 18 декабря 1968 года в Грозном. В трёхлетнем возрасте был привезён родителями в Алма-Ату. Окончил филологический факультет педагогического института (КазПИ). Два года работал в школе учителем русского языка и литературы. После занялся журналистикой.

Прозу пишет 17 лет. Печатался в “Просторе”. В 2008 году был удостоен “Русской премии” за повесть “Графиня, я стрелялся на дуэли” (2-е место в номинации “Малая проза”), опубликованную в “Ниве” (№ 2 за 2007 г.).

— Это серьёзное преступление, — вздохнул американец. — Когда вы начали говорить, я решил, что слушаю шизофреника. Задумался, как бы похитрее сбежать. А потом увидел, вы предлагаете просто ноу-хау. Может получится. Ну а что будет, если не получится?

— Ничего! Если вас раскроют, пока вы на территории банка, преступления ещё нет — деньги на месте. Что вам предъявят? Что хотели ограбить банк? С таким же успехом вас могут обвинить в намерении взорвать Пентагон.

— Это как раз реально. Скажут — проданся террористам. Появится повод лишний раз где-нибудь выгодно позащитить интересы США. А если нас арестуют с деньгами?

— Не арестуют. Если машине дадут выехать, в запасе сразу появится минимум сорок минут. За это время я вас встречу, мы перегрузим мешки, и дальше искать станут уже настоящих инкассаторов. Не вас. Всё будет весело и беззаботно.

— *Merrily and carelessly?* — повторил Томас. Закатив глаза, он пошевелил губами. — Получается, я смогу оснастить яхту лучше, чем предполагал, и отплыть где-то в июне. Вы такой же авантюрист, как и я, Юджин. Давайте попытаемся.

Эту идею, изменившую отношение людей на планете к самим себе и друг к другу, полноватый рыхлый автослесарь из Алма-Аты Андрей Карлин носил в голове без малого три десятка лет. Если кто не знает, названный город знаменит тем, что там во время войны великий Эйзенштейн снимал своего “Ивана Грозного”, а чуть позже родился зело одиозный политик Жириновский. И то, и другое, бесспорно, явления планетарного масштаба, но до замысла, о котором мы говорим, явно не дотягивающие.

Озарение снизошло на Карлина во время учёбы на мехмате, но тогда, в начале восьмидесятых, для практического воплощения его фантазии просто не существовало технических возможностей. Она виделась Андрею лишь интересной игрушкой, которой приятно занять себя на скучных лекциях. А потом стало не до того: сначала аспирантура, потом женитьба, за ней развод, позже — развал Союза и сокращения в университете, где он читал лекции. Однако в то время как техническая интеллигенция сочла за благо залечь в немом протесте на диваны, повиснув на шее у родни, Карлин, включив свои недюжинные мозги, освоил ремонт ходовой части автомобиля и устроился на СТО. Вскоре способный новичок уже мог устранить самую хитромудрую поломку любого железного коня, и на автосервис, где он работал, в очередь стали записываться за месяц вперёд.

Замысел пока ржавел в гараже памяти. Что-то всегда удерживало Карлина от того, чтобы поделиться своим изобретением, он словно берёт идею про чёрный день.

Нельзя сказать, что в его жизни такой час настал. Просто ставший прибыльным автосервис перекупил какой-то дальний-предальний сродник большого-пребольшого казахстанского политика. Набрав туда своих ни бельмеса не смыслящих в машинах родственников, новый хозяин задрал цены. Когда родственники за месяц починили два “Лэндкрузера” и “Хаммер” так, что хозяева машин подали на СТО в суд, к ним перестали ездить. Карлин стал присматривать новое место.

Вытащив в один из дней невольного безделья старую мысль на свет, Андрей осознал — если не попытаться её реализовать, она состарится вместе с ним, как приевшаяся за годы жена, и они умрут в один день. А оставшееся время он так и проведёт в своей малогабаритной однокомнатной квартире с милыми холостяцкими радостями в виде курицы-гриль на ужин или очередной подружки, подцепленной в ходе починки её паркетного джипа. За долгое время ты просто привык к замыслу, говорил себе автослесарь, а это капитал, он не должен лежать под спудом. На Карлина через много лет напала паранойя: ему казалось, если он продолжит бездействовать, то же самое родит кто-нибудь менее инертный, не такой ленивый. Вдруг уже сейчас, именно в этот самый момент один из шести с лишним миллиардов живущих на Земле людей воскликнул “Эврика!” и побежал оформлять права на его, Андрея Карлина, сокровенное. Он думал об этом постоянно — за обедом, перед сном, просыпаясь ночью, читая объявления о вакансиях.

На работе, вдруг перестав слушать клиента, механик всё чаще вмерзал задумчивыми глазами в висевший рядом с электроподъёмником плакат о необходимости своевременной замены масла. “Скажите, — робко вопрошал тем временем лысый дядечка, — это весь мотор менять надо? Мы с сыном ехали, а стрелка температуры вдруг ушла в красную зону. Я остановился, стал на коллектор водой поливать. Потом тихонько до дома доехал...”. Наткнувшись вместо ожидаемых разуверений на озадаченное карлинское лицо, дядечка тоном приговорённого повторял: “Мотор менять, да?..”. “Не забивайте вы себе голову чем попало! — всплывал на поверхность Андрей. — Тут ремень порвался, который крутит помпу, гидроусилитель руля и генератор. Надо менять ремень, прокладку и антифриз!”. Лысый на глазах оживал. Зато Карлин из улыбчивого жизнерадостного человека стал превращаться в мрачного типа — “типка”, как говорила их остроносенькая приёмщица Лора. Мысли о том, что его могут опередить, измотали механика. Отпросившись на неделю у начальства, он купил авиабилет на московский рейс.

Механик был убеждён — ему решительно нужен кто-то с “первой кнопки”: и заплатят больше, и перспективы шире. Реализацию своей идеи он представлял в виде грандиознейшего реалити-шоу. О том, чтобы предложить её местным телеканалам, не могло быть и речи. Если россияне пекли программы по западным лицензиям, то по крайней мере вбухивали туда приличные деньги. Карлинские же соотечественники драли уже у своих российских коллег, а денег вкладывали на порядок меньше.

Конечно, россияне недостатка в реалити-шоу не испытывали — их могло бы выходить и поменьше. У Андрея создалось впечатление, будто концепции большинства подобных зрелищ высасываются из пальца насильственно — сдохни, но сделай. Надуманные ситуации, несимпатичные ведущие, плохие актёры. То, что собирался предложить он, должно было затмить всё и вся. Отправляясь в Москву, Андрей надеялся вернуться небедным человеком.

Автослесарь храбрился. Не теряя веры в гениальность замысла, он понимал — не так-то просто человеку с улицы, да ещё из Тмутаракани, без знакомств и рекомендаций, выйти на влиятельных персон российского телевидения. А выходить надо обязательно напрямую, без всяких третьих лиц, иначе идею как пить дать замылят — такую не стачить грешно. Заранее озаботившись регистрацией авторских прав, он оформил кое-какие бумаги, хотя и понимал — хорошие юристы за деньги делают чудеса на уровне Питера Пэна.

Карлина щекотали амбиции. Он представлял своё имя в титрах, а себя раздающим интервью. В мыслях рисовал, как даст на работу телеграмму: “Увольняюсь по собственному. В расчёте не нуждаюсь”. На кой он нужен, их нищенский расчёт, когда продукт его интеллекта стоит таких денег! Не представляя пока точной суммы, он знал — там должно быть много нулей. И лучше, конечно, не продавать права полностью, а оговорить проценты с каждой ерунды, с каждой мелочи, связанной с его Замыслом. Именно так, с большой буквы, мысленно величал он свою идею.

В самолёте Карлин рисовал себе, какой фурор произведёт его триумф среди знакомых в Алма-Ате. И особенно как пожалеет востроносая дурочка Лора. Почему нельзя жить нерасписанными? Многие так живут. “Нет, ты меня бросишь, и кому я потом буду нужна?”. Да я, если захочу, и со штампом в паспорте тебя брошу!

Устроившись в гостинице, Карлин сразу отправился искать телецентр. Добрался с пересадками на трамваях до остановки “Останкино”. Перейдя через дорогу перед главным входом в парк, свернул налево, засмотрелся на усадьбу Шереметьевых. Проходя мимо церкви и церковной лавки, перекрестился, имея в виду успех предприятия, оставил позади Останкинский пруд и узрел телецентр. Не имея никаких зацепок, действовать решил напрямую, рассудив логически — должны ведь необходимые ему люди появляться в этом здании: не по воздуху же они туда проникают.

У центрального подъезда телецентра алмаатинец приуныл — так много толпилось здесь всякого рода жалобщиков, просителей и просто охотников за автографами. Время от времени мимо как можно быстрее старались прошмыгнуть узнаваемые журналисты, телеведущие или приглашённые в эфир знаменитости.

На проходной зажали ведущего передачи “Человек и закон”. Борясь за внимание пленника, ему наперебой пихали официальные бланки с печатями, периодически восклицая одни и те же слова: “взятка”, “адвокат” и “обжалование”.

Пройдясь вдоль здания, Карлин понаблюдал, как у семнадцатого подъезда воинственный дед, одетый в мятые брюки и линялую гимнастёрку, требовал встречи с руководством Первого канала, грозя устроить самосожжение. Да, шансов, что его воспримут всерьёз, у Андрея было негусто. Поэтому он постарался составить свою речь как можно короче и убедительнее.

Ему повезло уже на следующий день. В обед около него остановилась чрезвычайно дорогая машина, откуда с небольшой компанией появился продюсер “первой кнопки”. Собираясь в Белокаменную, Карлин на всякий случай ознакомился в Интернете с внешностью большинства российских телена начальников, но этого хорошо знал и так — часто видел его сидящим в жюри КВН. Глядя себе под ноги, продюсер слушал шедшего рядом человека в плаще. Тот говорил, эмоционально рисуя перед собой в воздухе руками геометрические фигуры. До подъезда “Останкино” оставалось всего ничего, а когда может представиться следующий случай, Карлин не знал, поэтому, смело шагнув навстречу объекту, поздоровался и произнёс первую из заготовленных фраз: “У меня есть идея теле-шоу, каких ещё нигде не существует: оно основано на том, что...”. Остановившись, продюсер озадаченно посмотрел на Андрея. Возможно, он просто был воспитанным человеком или его смутил хороший костюм автослесаря, специально купленный перед поездкой. Эмоционально говоривший собеседник продюсера

осёкся. Ободрённый успехом, Карлин начал было ковать железо, но человек в плаще, не церемонясь, взял члена жюри КВН под локоть: “Просто скажи “да” или “нет”: мне нужно им позвонить и дать ответ”. Поморщившись, продюсер снова повернулся к своему клевету: “Юзик, как я скажу “да” или “нет”? Я не могу на бегу такие вещи решать. На минуточку, если мы это сейчас поставим в сетку, нам потом год расхлёбывать”. Боясь упустить шанс, механик выставил ладони на уровне груди: “Уделите мне всего десять минут, и вы убедитесь...”. Распорядитель Первого канала, сделав знак человеку в плаще секунду подождать, повернулся к Карлину:

— Извините, я уже всё понял. То, о чём вы говорите, давно существует.

— Вы же не слушали!

— В другой раз.

Отодвинув механика чуть в сторону, продюсер со свитой двинулся ко входу в здание. Карлин смотрел, теперь уже со спины, как, скрываясь за дверью, “плащ” продолжает резать рукавами воздух.

На следующий день Карлин хотел повторить попытку, но продюсер “Первого”, узнав его издали, отрицательно замахал головой и что-то сказал сопровождающим. Андрей не решился подойти снова. Далёкий от телевидения человек, он не знал, какую прорву вздора ежедневно приходится выслушивать телебоссам. И весь этот вздор породившим его кажется свежим и талантливым.

Почти такая же история вышла у Карлина и с исполнительным директором Второго телеканала. Судя по некоторым признакам, директор сразу был настроен скептически: не вникнув в суть, сразу стал произносить дежурные фразы и не скрывал желания поскорее отделаться. “Понимаете, — нехотя тянул он, — конечно, при наличии государственного финансирования мы позволяем себе ряд проектов, которые не обязательно основаны на получении коммерческой прибыли. Но сейчас не совсем удачный для этого момент. Давайте выждем полгода, и вы обратитесь с официальным запросом? А сейчас, простите, бегу, бегу”.

После провинциальной, немного сонной Алма-Аты Андрей удивлялся занятым, торопливым москвичам. С примесью обиды объяснял себе, сколько может стоять минута времени небожителей, которых он пытается отловить.

Всё случилось на исходе первой недели его пребывания в городе Москве. К тому времени он успел познакомиться с такими же, как сам, постоянно осаждающими телецентр страждущими. Особенно запомнились ему пожилая воркутянка, задававшаяся целью пригласить непотопляемую программу “Пока все дома” в гости к одному превосходному актёру воркутинского драмтеатра, и прыщавый оболтус со старомодными взглядами из Хабаровского края, мечтавший поцеловать руку Ксюше Собчак.

Решив, что в этот день ему ничего уже не светит, механик не торопясь отправился в гостиницу. Шёл, дыша запахами бабьего лета, любясь качающимися в лужах сухими листьями. Он хотел идти, пока не устанет: жаль было тратить удивительный вечер на толкотню в транспорте. Мимо в спускавшихся сумерках проносились машины, пробегали не замечающие окружающей благодати прохожие.

Человека, бесновавшегося на обочине у разверстого капота “Лексуса” последней модели, Карлин тоже хорошо знал по экрану. Вокруг машины скакал глава телекомпании “Лира-ТВ” Константин Юрьевич Мамкин, одновременно ведущий на своём канале политизированное ток-шоу “Золотые слова”.

Отчество, к слову, ему не шло — в без малого сорок Мамкин смотрелся значительно моложе. Карлин, всегда выглядевший на свои, с завистью отмечал тенденцию последних десятилетий, когда многие его ровесники казались мальчишками. Чем сие объясняется, он не понимал — возможно, повышением уровня жизни и возросшей как следствие инфантильностью сильного пола. Андрей хорошо помнил своего отца и его друзей — уже в тридцать это были семейные рассудительные мужчины, — с серьёзными лицами, животами и обозначившимися лысынами, поголовно носившие костюмы и галстуки. Зато женщины по наблюдениям Карлина взросли и старились как прежде. Очевидно, мир и верно придуман сильной половиной человечества, с годами облегчившей часть деятельности, традиционно считавшуюся мужской.

Прекратив скакать, Константин Юрьевич извлёк из жёлтого пижонского портфеля сотовый телефон, словно давая Андрею возможность ещё раз прокрутить на языке заранее подготовленную речь. Правда, “Лира-ТВ” не принадлежала к первому эшелону российских телеканалов, о которых мечтал автослесарь. Не принадлежала она и ко второму. Мамкин сидел на средних позициях. Но сидел крепко, то выстреливая сериалом, неожиданно для всех завоёвывавшим всенародную любовь, то запуская сильный социальный проект: “Пока мы живём в России, — любил повторять он, — у хорошей социалки всегда будут рейтинги”. И если бы не патологическая жадность, заставляющая Константина Юрьевича экономить на всём подряд, он наверняка потеснил бы и ОРТ, и РТР. Тем более что опыт, начиная в одно время с ними, имел.

При СССР Костин папа заведовал секцией детской одежды одного из крупных московских универмагов. Тем, кто застал времена проклятого тоталитаризма, понятна степень влияния, которой обладал Мамкин-старший. Благодаря связям, он мог подтолкнуть мальчика хоть в дипломатию, хоть в большую торговлю. Но самостоятельный сын выбрал журфак — в семье не без урода. Годы учёбы пришлись на начало девяностых, совпав со страшным бардаком в стране. Положение папы пошатнулось. Стремясь обезопасить свои сбережения, на часть из них он купил сыну телеканал. Точнее, частоту и передатчик. Окружающие шутили, что пока Костя был маленький, отец приносил ему зайчиков и кубики, а теперь пришёл черёд игрушек подороже. Но как оказалось впоследствии, это было единственно верное папино вложение: основанный им банк лопнул, а купленные ценные бумаги превратились в бумаги обычные.

Зато журналистом Костя оказался талантливым, если только слово “талант” может сочетаться с такой профессией как журналистика. Незадолго до окончания вуза женившись на девушке по имени Лира, парящий на крыльях любви Мамкин не нашёл препятствий к тому, чтобы назвать в её честь новорождённое акционерное общество, а вскоре и сам канал.

“Лира-ТВ” начиналась на обычных взхаэсных магнитофонах. Монтировали как умели. Ютились все в одной комнатёнке — и начальство, и бухгалтер, и журналисты, и оба водителя. Первый “Бетакам” обмывали неделю. Подавали себя как молодёжный канал. В редакции толклись представители всех направлений тинэйджерской субкультуры.

Однако скоро Мамкину стало тесно среди хиппи и металлистов — захотелось в истеблишмент и политику. Сбрив густые пшеничные усы, он стал якшаться с ньюсмейкерами экономических изданий.

Тою же порой у хозяина “Лиры-ТВ” стали отмечаться первые признаки скарденности, быстро ставшей его визитной карточкой. В профессиональных

кругах шутили — если случилось так, что вам не о чем поговорить с человеком, работающим на “Лире”, а беседу поддерживать надо, скажите что-нибудь вроде “А вот ходят слухи, ваш Мамкин не очень любит платить...”. И в ближайшие полчаса вам не дадут слова вставить. Костя мог закатить начальнику отдела новостей истерику за внепланово выписанные внештатнику сто долларов гонорара, а на следующий день за девяносто тысяч купить последнюю модель BMW; искать для ребёнка дешёвую няню в Подмосковье, проигрывая тридцать тысяч “зелёных” за ночь в казино. Не допуская и мысли экономить на престиже, он сам контролировал всю бухгалтерию. Умудрялся находить плюсы в любом негативе. Удручённо объявлял журналисту, вышедшему на работу после недельного запоя: “Прости, старик, но четверть зарплаты в этом месяце я у тебя удержу”. Выработал систему — предмет собственной гордости: поставив во главе отдела крепкого профессионала, которому платил относительно приличные деньги, окружал его середняками, согласными работать чуть ли не за так. Требуя, чтобы начальник отдела пресовал середняков как семечки подсолнечника при холодном отжиме, досадовал на качество телепрограмм, не дотягивающее до CNN. “Да ты за копейку Жанну Д’Арк сожжёшь!” — не сдержался как-то один из старейших сотрудников канала. Костя его уволил.

Забурев, Мамкин не хотел себе в этом признаваться. Он позиционировал себя молодым перспективным бизнесменом, болеющим душой за Россию. Над его столом в кабинете висела большая фотография: президент пожимает главе “Лиры-ТВ” руку, вручая почётный диплом. Костя хотел оставаться своим парнем — к нему мог зайти любой сотрудник канала. Некоторым из тех, с кем когда-то начинал, он купил квартиры. Однокомнатные, самые дешёвые, в районе Южного Бутова, но купил. И привязал ими ребят к “Лире”, как крепостных.

От рутины бизнеса Костю снова потянуло к творчеству, за которое он искренне почитал журналистику. По субботам (само собой, в прайм-тайм) он вёл ток-шоу “Золотые слова”, где обсуждались, применяя его же штамп, актуальные проблемы жизни страны. Звал преимущественно видных представителей власти и авторитетных политологов. Но самые значительные персоны российской политики хоть и принимали приглашение, хозяйина студии не уважали: чрезмерно подлаживаясь под них, Мамкин слишком страшился задавать острые вопросы. Коллеги же, интересующиеся в первую очередь профессиональной стороной дела, как ведущего называли Мамкина “мёртвым” за всегдашнюю боязнь перебить сиятельного визави в прямом эфире, отчего беседа теряла темп, и ток-шоу выходило вялым, как секс после шестидесяти пяти. Хотя внешне Костя вёл себя достойно: удобно расположившись перед камерой в костюме от Армани, понимающе шурил глаза и многозначительно кивал.

Отняв от уха мобильник, Мамкин сунул его обратно в карман жёлтого портфеля. Посмотрев на часы, пнул по колесу “Лексуса”.

Карлин всё взвесил. То, что это не ОРТ и даже не РТР, конечно, кисло, но неделя дежурства у телецентра пропала. Где гарантия, что так не пойдёт и дальше, а с работы его отпустили ненадолго.

— Машина сломалась, Константин Юрьевич? — как с вышки в воду шагнул Андрей навстречу Мамкину.

— Вечер добрый, — буркнул телевизионщик. — Вы у меня работали?

— Нет, просто вас по телевизору видел. Так что случилось?

— А вы разбираетесь?

— Есть маленько.

— Встала, проклятущая, и не понятно, какого рожна ей надо. Телега-то новая практически... — Константин Юрьевич сразу сменил тон на искательный: он опаздывал на эфир “Золотых слов”. Уволив очередного водителя, не желавшего за игрушечную зарплату ночь-полночь дожидаться шефа из кабаков и боулингов, Костя всё никак не мог подобрать нового и рулил пока сам.

Карлин нагнулся над двигателем. Владыка “Лиры-ТВ” мешал рядом. Механик вылез из-под капота, обошёл автомобиль:

— Вам кто-то дешёвый бензин заливал, Константин Юрьевич, в баке сетки на насосе забились.

— Что же... у меня времени нет, но я же не могу машину бросить...

Карлин открыл заднюю дверь “Лексуса”:

— Вот тут под сиденьем отверстие специальное есть, насос надо снять и прочистить сетки. У вас инструменты с собой?

— Кажется, там, в багажнике.

Андрей справился быстро. Двигатель работал тихо и ровно.

— Да вы просто Генри Форд какой-то! — обрадовался Мамкин. — Где вы работаете?

— Преподаю на мехмате, — солгал Карлин.

Оба помолчали.

— Сколько я должен? — в интонациях Кости сквозила надежда на ответ “вы меня обижаете”.

— Десять минут вашего времени. Я хочу, чтобы вы меня выслушали.

— Я спешу в “Останкино” — нам по пути?

Автослесарь сел в машину.

— У меня есть идея шоу, каких ещё не существует нигде на всём земном шаре, — выпалил он, когда “Лексус” тронулся с места.

Мамкин не смог сдержать улыбки.

— Сейчас я докажу, что вы улыбаетесь зря. — Перепутав от волнения последовательность тезисов своей грамотно составленной речи, Карлин просто старался ничего не забыть. — В мире существует много конкурсов двойников, которые вызывают огромный интерес и приносят их организаторам сверхприбыли. Это так здорово — быть похожим на Бэкхема или Элвиса Пресли: двойников показывают по телевизору, их фотографии печатают в газетах. А что делать тому, кто не похож ни на кого из знаменитостей? Ждать, пока прославится похожий на него человек? На Земле полно людей, не обладающих никакими талантами: им очень скучно живётся и до смерти хочется раскрасить свою серую жизнь!..

По мере того как механик разгорался, лицо Мамкина становилось строже. Припарковав машину на стоянке телецентра, он спросил:

— Как вы, говорите, вас зовут? Андрей? Андрей, у вас есть два часа? Автослесарь кивнул.

— Видите тот подъезд? Вот ровно через два часа ждите меня там. Мы поедem ко мне в офис и поговорим.

Хозяин “Лиры” лукавил. Из того, что Карлин успел сказать по дороге, Константин Юрьевич понял — случайный человек, приехавший оттуда, куда раньше ссылали людей и где по семейному преданию рода Мамкиных, а именно в АЛЖИРе, сгинула сестра его деда по материнской линии Лукерья Егоровна, нежданно-негаданно привёз ему славу, запредельные

рейтинги и столько денег, сколько, возможно, никогда не пригодится ни ему, Косте, ни его детям, ни внукам.

Константин Юрьевич думал об этом, идя по коридорам телецентра. Думал, сидя на гриме. У него даже подскочило давление.

В этот вечер эфир вышел особенно неудачным. Вяло пикируясь со знаменитым депутатом Думы, а по сути играя с ним в поддавки, Мамкин перепутал объёмы российского экспорта леса, а цитируя Путина, назвал его Владимиром Александровичем. Когда камеры выключили, Костя, не попрощавшись с гостем, бросился из студии.

Карлин ждал его у подъезда. Никуда не отлучаясь, все два часа прошагал до автостоянки и обратно. Он с утра ничего не ел. Нашупав в кармане кулёк привезённой из Алма-Аты кураги, помял одну янтарную лепёшку в пальцах. Вынул, положил на ладонь. Курага напоминала кожу на локтях.

Пробыв в Москве всего неделю, Андрей заскучал по городу, где родился. Он неожиданно понял — Алма-Ата всегда казалась ему сшитым по росту костюмчиком. С Москвой, если всё сложится удачно, и он сможет сюда переехать, такого не произойдёт. Москва — костюм солидный, сшитый по моде: широкие брюки, подложные плечи. В таком он станет ощущать больше самоуважения, но чувствовать себя удобно — нет. Сейчас в Алма-Ате тёплая осень. Парк двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев, который он всегда называл “двадцати восьми гвардейцев-однофамильцев”, по щиколотку усыпан ярко-жёлтой листвой. На каждом углу продают арбузы. Андрей всегда приносил домой самые сладкие, потому что не корчил из себя знатного бахчевода-орденоносца, щёлкая арбуз по полосатому боку и яростно сжимаемая его около уха, а подкупаяще признавался продавцу: “Я ничего в них не понимаю, выберите мне, пожалуйста, самый хороший...”.

— Устали, говорите? — участливо спросил его появившийся из подъезда Мамкин. — Извиняйте, такая работа.

Когда они попали в офис “Лиры-ТВ”, стоял поздний вечер. В холле торчал равнодушный охранник, секретарша давно ушла домой. Генеральный директор канала сам налил в чашки кофе, поставил на стол вазочку с печеньем:

— Так на чём мы, говорите, остановились?

— Я очень волнуюсь, — не стал скрывать Карлин. — Если вы не против, можно я начну с начала?

Женя Табашников обожал смотреть, как собаки занимаются тем, ради чего их, в общем, и выводят каждый день на прогулку. Это не было у него одним из многочисленных, подробно описанных в медицинской литературе извращений: просто Табашников любил собак.

Делая вид, будто остановился оглядеться, он наблюдал за долго выбиравшей место и наконец присевшей у трансформаторной будки таксой. Он давно подметил — в такие моменты на морде любой псины, независимо от породы, возраста и темперамента, написано понимание того, что всё в мире тлен и суета. Даже самая злющая, свирепая особь, по которой плачет эсэсовский питомник, хоть на десять секунд да осознаёт — годы кинологической муштры отняли у неё всё человеческое и разрушили её как личность.

Но утомлённый ожиданием своей нерешительной питомицы хозяйин таксы, в трико и с обмотанным вокруг ладони поводком, похоже, созерцал процесс в менее философском настроении.

Невдалеке от трансформаторной будки стоял узкий шестнадцатитрёхэтажный дом, облицованный коричневой плиткой. В этой башне в отдалённом районе Москвы прошла большая часть Жениной, не очень ему самому нравившейся, жизни. Когда Табашникову было четыре года, отцу дали тут квартиру от Завода никому не нужной продукции, переманив с прежнего места работы на должность главного инженера. Квартира-то и стала для отца решающим фактором — прежде они стукались лбами с соседями по коммуналке. А Заводом никому не нужной продукции отцовское предприятие стал именовать Женья, когда, повзрослев, научился немного разбираться в окружающей действительности. Выпускаемое там непотребство не шло дальше магазинных прилавков. При этом рабочие с энтузиазмом первых пятилеток боролись за качество, индустриальный гигант мёртвой хваткой удерживал переходящее Красное знамя, а сам папа был без дураков грамотнейшим специалистом.

Башню завод построил для своих тружеников, и Женья с младых ногтей имел роскошь человеческого общения с передовым классом советского общества. Наблюдая за жизнью всех шестнадцати этажей, он мог спорить на что угодно — где мы точно обогнали и перегнали Америку, так это по уровню демократии.

Уехавший в Перестройку к родственникам жены в Германию, угрюмый заводчанин дядя Гена Сторчило любил вечерком заходить к Табашникову-старшему “по работе”. Отрываясь от технической документации, взятой домой для доработки, Семён Александрович с виноватой улыбкой внимал строгим разглагольствованиям соседа. Раз Женья случайно подслушал, как дядя Гена говорил около гаражей — инженер, кто бы спорил, мужик толковый, но терять связи с жизнью ему давать нельзя, пускай рабочего человека послушает, который вот этими вот руками... И для наглядности поднимал на уровень лица обе пятерни с навечно въевшимися в кожу химикатами.

Сын дяди Гены, Санька, подсел на наркоту задолго до отъезда в фатерлянд. В памяти Жени запечатлелась картина: прозрачным июльским утром, когда солнце блестит на покрытых росой листьях большущих одуванчиков, Санька, выходя из подъезда, мечтает вслух: “Сейчас бы раскумариться и ходить диском...”. Мать Сторчиловы, однажды устав бороться, сама поставила сына на учёт в наркодиспансер. Потом, при оформлении документов в Германию, сей неприглядный факт за взятку удалось скрыть. По долетающим из-за “бугра” вестям, со своей пламенной страстью Санька не распрощался и там. Об этом простодушно рассказывал Сторчило-дед, наотрез отказавшийся ехать “к фашистам” по убеждениям. “Я воевал с иъмя, — кряхтел патриарх-Сторчило, произносивший звук “и” в начале любого слова с твёрдым знаком, — а теперь приеду: здравствуйте, встречайте...”. Кроме того, в свои почтенные годы погуливая от законной старушки к бабушке в соседнем дворе, старый прелюбодей не был уверен, что на родине Гёте ему предоставят равноценный ассортимент.

Женья не помнил точно, когда у них в районе появились наркотики. Но мало кто их не попробовал, а многие и втянулись. Что обидно, часто очень неглупые ребята. Возвращаясь морозной зимней ночью под кайфом домой, обнял столбик, подпирющий козырёк подъезда, добросердечный татарин Эльдар, да так и заснул навсегда тёплым беспечным сном. Потомок смачно описанных в литературе старых московских дворников, говоривших

со смешным акцентом, Эльдар учился на истфаке МГУ. Прочитав полное собрание сочинений Ленина, вставлял к случаю цитаты основоположника. Никогда не лгал. Во дворе его любили. По мусульманским обычаям тело Эльдара завернули в цветастый старинный ковёр и отвезли на кладбище.

От передоза умер Володька Бузлаев. Загодя зарядил шприц, завернув в белоснежную салфетку. Дождавшись, пока все в квартире уснут, зашёл в ванную, разложил причиндалы на стиральной машинке “Сибирь”. Даже дверь на шпингалет не запер. “Выхожу под утро по нужде, — плакал на похоронах дядя Кеша, — а он на полу лежит, холодненький, мой сыночек”.

Женя, только раз в жизни попробовавший анашу, как ни силился, не мог постичь, почему Володька, окончивший школу с золотой медалью и подписывающий всему двору открытки своим каллиграфическим почерком, стал колотиться? Почему его не остановила даже тюрьма, куда он попал за найденный в кармане спичечный коробок “пластилина”, и откуда потом писал образцово-показательным почерком письма?

Милиция вообще любила их район, за пределами двора регулярно шмоная его обитателей. Пару раз Женю вызывали свидетелем. Уклончиво отвечая на вопросы следователя, он читал показания попавшихся. Безграмотные опусы напоминали Священное писание, изобилуя неуклюжими конструкциями вроде: “...и подошёл я к нему, и увидел...”, “... и сказал он ей: “Вот нож брата твоего...”. А один раз и вовсе наткнулся на фразу из протокола допроса Витьки Вичуты, давно высушившего мозги дешёвым портвейном: “И подумал я, что это хорошо”.

Правда, Женю это не веселило. Посмотрев впервые “Ключ без права передачи”, он весь вечер прорыдал у себя в комнате. Родителям сказал, из-за тройки по алгебре, но это был катарсис. Его душа плакала светлыми слезами по тем умным детям и тонкоорганизованным учителям, что если и существуют где-то, то далеко-далеко от него, в иной цивилизации. Семён Александрович намеренно не искал для сына привилегий, отдав в обычную школу по микроучастку. Воспитанный на русской классической литературе, папа, к сожалению, понимал великие книги буквально. Со временем Женя стал замечать у себя его рассеянную улыбку. И всё чаще злился, что вопросов в голове становится больше, чем ответов.

Например, он не мог сказать, почему всех дворовых мальчишек тянуло не вверх, а вниз? Отчего они не хотели учиться? Понятно, их отцы: послевоенное поколение, нужно было работать, кормить семью. А что мешало этим? Может, родители с ними миндальничали? Но много лет у Жени в ушах стоял ор пьяного дяди Жоры Вичкуткина: “Витька! Только вернись домой — всю задницу отобью!”. Возвращённый в традициях человеколюбия, маленький Женя и представить не мог, чтобы его мягкий папа Сеня или легкоранимая мама Инна могли ему такое сказать. Не говоря уже о том, чтобы выпороть. Он возненавидел бы дядю Жору и ему подобных ещё в детстве, но папа, поборник высоких идеалов равенства, учил его любить людей.

Отстаивая свою точку зрения, отец часто напоминал: Табашниковы — дворянский род, все предки знали по три языка, до революции владели доходными домами в Петербурге. Став старше, Женя начал делать выводы самостоятельно, а с папой Сеней пошли споры. Читая своего любимого Чехова, юный Табашников убеждался — самые неискренние страницы у писателя там, где он восхваляет народ. Чехов-гуманист давил Чехова-человека: политкорректность девятнадцатого века. И только когда Антон Павлович забывает о миссии писателя, народ выходит у него органично.

— Со времён Чехова эти люди мало изменились к лучшему, — доказывал Женя отцу уже в начале девяностых. — И если брать последние лет сто, то советский период ещё не самый плохой: всех поголовно научили читать-писать, пытались закомплексовать сверху, заставляли равняться на лучшие образцы. Зато в новой России сказали: народ, — ты быдло, и не нужно этого стесняться!

— А интеллигенция у нас — все сплошь Сахаровы? — вздыхал отец.

— Я этого не говорю. Подлинная интеллигенция должна быть настоящая на нескольких поколениях, а откуда такой взяться, если Сталин уничтожил генофонд и наплодил образованцев.

— Ты слишком часто употребляешь слово “интеллигенция”, — рассеянно улыбался Семён Александрович.

Сам он, мужественно перенося издержки воспитания соседей, охотно давал им почитать книги из своей, собираемой с большим трудом, библиотеки.

— Сеня, — морщилась мама, когда за дверью исчезал дядя Жора Вичкуткин, уносивший в кармане пиджака только что полученного за макулатуру Дрюона, — ведь он же не вернёт. И самое печальное, даже не раскроет: ему это не нужно.

— Инна, — возражал папа, — как можно отказать человеку, который просит книгу? Это как нищему хлеба не дать.

Как они уживались — реалистка с идеалистом? Но книг им в основном действительно не возвращали. Оказываясь потом в квартирах приятелей, Женя иногда замечал знакомые переплёты на полках сервантов, за хрусталём и фаянсовыми медвежатами, но потребовать обратно, разумеется, не решался.

Сначала он думал, такие люди окружают его лишь в их дворе или, на худой конец, районе, но становясь старше, обнаруживал — они везде. Они мало чем интересовались, безапелляционно судили о том, в чём не разбирались, могли неожиданно нахамить в метро или в магазине. Они могли даже ворваться в дом: в ответ на просьбу позвать к трубке Алёну Женя не раз слышал: “У тебя чё там, глаза дерматинном обшиты? Номер-то правильно набирай!”.

Из них из всех от души Женя дружил только с Пашкой Бузлаевым. Бузлаевы жили на последнем, шестнадцатом этаже башни. Кроме Пашки у дяди Кешы с тётёй Людой были ещё средняя Светка и старший Володька, умерший потом от передозировки.

С квартирой строптивного дядю Кешу на заводе долго обходили. Не выдержав, тётя Люда написала Терешковой — многодетная семья мается по углам. После того как космонавтка приняла письмо близко к сердцу, дядикешинуму начальнику дали нагоняй, а тот дал дяде Кеше ордер. Но замуровал многодетную семью так высоко, что выше только звёзды.

В новый дом Табашниковы и Бузлаевы заезжали одновременно. Помогали друг другу таскать вещи: лифт пока не пустили. Сразу расположившись к маме Инне, тётя Люда умилялась Жениной рассудительности, ахала, как много у них книг. В свою очередь мама Инна завидовала, что у новой соседки трое детей. Сами они с Семёном Александровичем, собираясь завеста второго, всё не могли решиться. Так, к слову, и прособирались.

Маленькие Женька с Пашкой, бегая около подъезда между мебелью и коробками, с налёту бухались на мягкие узлы. Володька и Светка помогали

взрослым. Это была идеальная советская семья: весёлый глава семейства, домовитая мать, ухоженные дети — картинка из журнала “Работница”.

Вечером, когда все вещи уже находились в квартирах, Табашниковы получили приглашение на новоселье.

— И вы к нам приходите, — прочувствованно улыбнулась мама Инна. — Только мы стулья старые повыкидывали, а новых не купили пока. Стыдно перед гостями будет.

— Эт ничего, Михална, — успокоил дядя Кеша. — После третьей и замечать перестанут, чего там не хватает у тебя.

У Бузлаева-старшего на сгибах пальцев были большие, величиной с перепелиное яйцо, узлы, а двух пальцев — безымянного и указательного на левой руке — не существовало вообще. Набравшись храбрости, Женя полюбопытствовал у Пашки:

— Твой папа на войне был?

— Не-а, — беззаботно ответил Пашка, — он от рождения такой.

Несмотря на физический недостаток, дядя Кеша ловко шнуровал ботинки и, прикуривая, без затруднений зажигал спичку. Только после школы Женя узнал — так Пашкин папаня расплатился за пристрастие своих родителей к зелёному змию. “У него и Райка, сестра, такая же: по пьянке их настругали”, — объясняла тётя Люда, у которой к тому времени накопились к супругу большие счёты. При этом если отсыпающегося с похмелья мужа просили к телефону, она неизменно отвечала: “Он отдыхает”. — “От чего он отдыхает?” — усмехался про себя Женя. Вероятно, в тётю Людином ответе хранилось генетическое уважение к уставшему от тяжёлого крестьянского труда человеку, передававшееся из поколения в поколение с тех времён, когда предки этих Бузлаевых, Сторчил и Вичкуткиных в тёмных от пота рубахах ходили за плугом, а вечером, едва поев, растягивались на скамье, чтобы снова ни заря идти в поле.

Разлад у Пашкиных родителей начался потом. А пока Табашниковы и Бузлаевы, в основном по инициативе тётю Люды, отмечали вместе едва ли не каждый праздник. Щеголявший в белоснежных рубахах чисто выбритый дядя Кеша своими узловатыми пальцами мастерил сыновьям воздушки — к самодельной деревянной ложе крепил механизм, состоявший из велосипедного насоса, жгута и скрученного из алюминиевой шашлычной палочки курка. Стены своей квартиры он украшал картинами, созданными по совершенно особой технологии с использованием разноцветной проволоки, клея и лака.

Но со временем дядя Кеша начал пить, а в один прекрасный день внезапно ушёл к другой. Через год тётя Люда привела в дом хорошего человека дядю Митю. Дядя Митя к Володке, Светке и Пашке относился как к своим, водил тётю Люду в театр и тоже отличался склонностью к рукоделию. Изображал на фанере выжигательным прибором “Узор” то Венеру Милосскую, то “Неизвестную” Крамского. Искусно раскрасив, покрывал лаком, а покрыв, развешивал по стенам на те места, где ранее висели произведения дяди Кеши. Потом исчез и дядя Митя. Зато вскоре вернулся дядя Кеша. В первый же вечер напился и врзал тётю Люде в переносицу так, что она полмесяца ходила с симметричными чёрными кругами вокруг глаз. Надо думать, он её всё-таки любил.

Но все эти перипетии никак не отражались на дружбе Женьки и Пашки. Заигравшись, один часто оставался ночевать у другого, не желая

преодолеть разделявшие их тринадцать этажей. Малоознакомым людям оба представлялись братьями. Никогда не делили вещей, живя по принципу “всё моё — твоё”.

Они, конечно, дружили и с ребятами из двора, но Пашка всегда больше, чем Женя. Женю мальчишки во дворе со смесью иронии и уважения величали Евгением. И то, и другое произрастало из одних и тех же причин: сын главного инженера читал книги, собирался после школы в институт, под разными предложениями от забав, казавшихся ему недостойными. В последнем обстоятельстве он не признался бы ни за что, но они чувствовали. Ребята копировали родителей, при разговоре с Табашниковыми переходивших на другой язык. Таким говорят с хорошими, но чужими людьми.

Тогда Жене казалось, детьми они все были одинаковыми, а разными становились постепенно.

Он часто бегал через дорогу в частный сектор с покоившимися в океане зелени неказистыми домиками и сарайками из старого “тёплого” дерева. Тянул за собой Пашку. В маленьких домиках жили Серёжка и Камо, зачитывавшиеся книгами Фенимора Купера и романами про пиратов. Сдабривая вкусный рассол из-под домашних помидоров красным перцем, они называли получившийся напиток элем. Накопив денег, Серёжка и Камо приобрели в комиссионке поживший сундук, чтобы летом взять с собой в путешествие. Правда, путешествие из года в год откладывалось по уважительным причинам.

Жене нравилось у них бывать. Нравилось, как, прижав к груди круглую буханку, режет её “к себе” большим ножом Серёжкин батя, щуря профессионально большие от сварки глаза. Нравился старший брат Камони, не расстающийся с кассетником и утверждавший, что в знаменитой песне группы “Иглз” поётся: “Приезжайте в отель “Калифорния”, но для бедных здесь нет свободных мест..”.

— Опять, этот, к своим лыжи смазываешь? — ревниво-насмешливо упрекал Пашка.

— Пошли со мной.

— Я уж как-нибудь. Мне с ними, этот, не климатит.

Серёжка и Камо, конечно, сильно отличались от Пашки, но они были близкими Табашникову по духу, а Пашка — всё равно что брат. И потом, Бузлаев тоже читал книги. Правда, всё про пограничников или военную технику.

Потом неказистые домики снесли, зелень вырубил, а обладатели старого сундука переехали на другой конец Москвы. Первое время они часто перезванивались с Женей, но всё реже и реже. А Пашка оставался рядом.

Когда они с Бузлаевым начали отдаляться? Когда им стукнуло по двенадцать, и Пашку отпустили встречать Новый год с ребятами из двора, а Женю оставили дома? Пашка потом рассказывал, как они в подвале пили водку, закусывая апельсинами. По крайней мере тогда маленький Табашников впервые ощутил отчуждение: он не спешил становиться взрослым.

Или разрыв начал увеличиваться, когда Бузлаев впервые уколосся? В тот день его родители куда-то ушли, и Пашка с Юркой Налбухрестиком вываривали в закопчённой поварёшке над конфоркой ханку. Налбухрестиком Юрку стали звать за крестообразный шрам на лбу, появившийся после того, как тот навернулся с качелей.

Постепенно начав колотиться, Пашка сильно переживал, но бросить не мог. Посоветовавшись с матерью Сторчилы, тётя Люда отвела сына в наркодиспансер. Перепугавшийся Бузлаев на удивление всего двора завязал. Запершись в своей комнате, купил ящик водки и со скрежетом зубовным “переломался”.

Но особенно их пути стали расходиться после школы. Женя долго не мог определиться с вузом: у него получалось всё. Его Хлестакова, сыгранного в театральной студии, по слухам, хвалил сам Товстоногов, инкогнито приходивший на спектакль по приглашению режиссёра — несостоявшейся актрисы, некогда учившейся с легендарным режиссёром на одном курсе. Работы Табашникова по математике занимали первые места на всеююзных олимпиадах. Заметки печатала “Комсомолка”. Плюс ко всему он сочинял стихи, подписываясь литературным псевдонимом Викентий Рукав-Мятый.

В десятом классе Женю занимала журналистика. Профессия виделась интересной, а её носители людьми глубокими. Из привычки всё делить с Пашкой, на журфак Табашников позвал с собой и его, устроив благоприобретённому брату необходимые для поступления публикации.

Но готовился Пашка через пень-колоду. По воскресеньям заходила тётя Люда:

— Михална, берите Женю, поедем с нами в Химки на пляж.

— Да ты что, Люда! — вспыхивала мама Инна, — у них экзамен через два дня.

Бузлаев, конечно, не поступил. Ушёл в армию. Грустно сказав во дворе военкомата: “Пиши, братка”, слал потом из учебки письма с бытовым уклоном. Приехав через полтора года в отпуск, повёл студента в фотоателье на углу. У Табашникова сохранилась карточка с надписью: “На память братке Женьке от дедушки СА Павла”.

К журналистике Табашников начал охладевать уже во время учёбы. Не сильно даже понимая, чему его учат, задавался вопросом — зачем люди, читающие ему лекции, тужатся придать такую значимость профессии, которую любой нормальный человек в состоянии постичь на курсах месяца за три? Когда он и ещё несколько ребят с курса ездили по студенческому обмену в Штаты, его товарищи восхищённо примеривали на себя впервые услышанное определение “журналисты — цепные псы демократии”. Но Жене не хотелось становиться цепным псом чего угодно, будь то хоть самое святое дело на свете.

Зато ему понравилась сама Америка — государство, где работают законы, где власть не так цинична, как у него на родине, где все улыбаются. Здесь его обволакивала волна покоя и безопасности. Отдавая себе отчёт в том, что смотрит на страну глазами туриста, а у её граждан тоже существуют проблемы, Женя видел и то, что их сложности очень отличаются от бедствий его соотечественников. Беззаботные нью-йоркские попрошайки с мироощущением хиппи принципиально отличались от своих озлобленных московских собратьев.

И ещё одно открытие сделал Табашников: когда дождь шёл в Вашингтоне, на него снисходило умиротворение, а когда в Москве — тоска.

Из Америки он вернулся с хорошим знанием языка и смутным желанием уехать из России. Семён Александрович к тому времени уже умер: поухать на эту тему было не с кем. Идеалист-папа его бы не одобрил. Отец ухитрялся исповедовать свои идеалы даже по отношению к

коммунистической партии, куда не мог не вступить, будучи главным инженером гигантского предприятия. Например, если он из воскресенья в воскресенье по причине занятости нарушал обещание сходить с сыном в кино, мальчик знал — стоит взять с родителя “честное партийное”, и “Золото Маккены” они посмотрят. Почему Запад делал из коммунистов такое пугало? Человека лучше, порядочнее отца Табашников не встречал.

Разочаровавшись в выбранном деле, Женя по окончании журфака намеревался получить ещё одно, более достойное уважающего себя человека образование. Бросить университет он не мог — не хотел огорчать маму Инну с её давлением.

Но тут случилась любовь. Будущий журналист заболел однокурсницей, на которую три года не обращал внимания. Правда, Алёна, дочь высокого городского начальника, не спешила отвечать взаимностью. Ополумев, молодой Вертер помогал кавказцам на рынке перевыполнять план по продаже роз, надоедал гордячке предложениями руки и сердца, но всякий раз слышал категорическое “нет”. Старался забыть, не мог и снова кидался в атаку. Достижение цели превратилось для него в битву — с меняющимися вариантами стратегии, поражениями и ранами. В период недолгой “ремиссии” он посвятил Алёне стихи:

*Я вернулся с войны, настролявшись, нахаркавшись кровью,
Мне теперь впечатлений до пенсии хватит вполне,
Но меня не убили — лишь маленький шрамик над бровью,
И никто не заметил, как долго я был на войне.*

*Не заметил никто, как я рыл в мёрзлом грунте окопы,
Как молчал на допросах и корчился в госпиталях.
Я прошёл до тебя расстоянье чуть меньше Европы
(Если, глядя на карту, слегка не ошибся в нулях).*

*Я так рвался к тебе, так хотел этой трудной победы,
А ночами смотрел чёрно-белые тихие сны
И губами сухими шептал твоё имя до бреда...
Я тебя обманул: я ещё не вернулся с войны.*

Какое женское сердце могло остаться равнодушным? Но выпестованная в номенклатурных эмпиреях, красавица присматривала более выгодную партию.

Уступила девушка только перед сдачей диплома, сразу дав понять ошалевшему от счастья жениху — терпеть его искания, а следовательно и сопутствующие им материальные лишения она не намерена. И Женя стал работать в газете.

Быстро оценив оригинальный стиль нового сотрудника, начальство помогало ему расти. Вскоре способного молодого журналиста переманила другая газета, потом ещё одна. Будучи не самым заметным студентом, Табашников быстро перерос усердных бездарей, учившихся с ним на журфаке: выяснилось, прилежание не синоним таланта.

Но проявляемый к нему интерес не радовал: казалось глупым тратить силы на статью, подобно мотыльку живущую всего день. О ком он только ни писал — о рабочих и колхозниках, о новых русских и светских львицах, о лёгчиках и священнослужителях.

Работа не нравилась. В душе большинство журналистов Женя считал козлами. Да они и были козлы: сегодня лили грязь на тех, кого славословили вчера, а завтра готовы были разорвать, кого прикажут. За редкими исключениями — ограниченные, нахватавшиеся верхушек существа. Журналистика, и в этом Табашникова никто не мог разубедить, была ремеслом посредственностей. Просто адептам четвёртой власти природа дала больше, чем его соседям по шестнадцатизэтажке, но меньше, чем, допустим, неплохому писателю. Амбиции уже есть, а таланта ещё нет — классическая схема творческой импотенции.

Однажды его заметил Костя Мамкин и пригласил на “Лиру-ТВ”. По началу в “Новости”. Мало напоминавшая газетную возню телевизионная работа на годы отвлекла Табашникова от невесёлых раздумий. Он снимал сюжеты, появлялся на экране в “стэнд-апах”. Его стали узнавать на улицах. Ребята во дворе уважительно пожимали руку: “Видели, видели, Евгений, как ты по телевизору выступал...”. Но Женю тянуло в публицистику. Когда на “Лире” стали снимать документальные фильмы, Мамкин назначил Табашникова писать для них сценарии. Не желая хорошо платить ценному сотруднику из собственного кармана, подкинул халтуру: придумывать и разрабатывать сюжеты для ситкомов одной известной продюсерской компании. Когда Женя исчез с экрана, на улицах его перестали узнавать так же быстро, как начали.

Следуя своей гениальной методе, Костя поставил Табашникова во главе отдела сценаристов-документалистов, дав в подчинение пяток “негров”. Прежде чем тексты “негров” приобретали удобоваримый вид, Жене приходилось несколько раз проходить по напечатанному с бороной.

В целом он зарабатывал приличные деньги. Их хватало, чтобы хорошо одеваться, раз в год вывозить жену и маму Инну на заграничные пляжи, да немного откладывать на депозит. Что и говорить, Женины коллеги на том же ОРТ получали много больше, но на ОРТ хватало своих. Чтобы туда пробиться, ему пришлось бы постараться понравиться многим, не всегда достойным людям, а он этого не умел.

Работая на Мамкина и выпекая для ситкомов сюжеты, очнулся он ни много ни мало через четырнадцать лет. Разменяв четвёртый десяток, Табашников испугался. Зачем он прожил свои сорок лет и почему прожил их именно так? Ещё двадцать, и он кончит жизнь не разбери кем — неглупый и в общем не бесталаный человек. Вспоминая свою жизнь, Табашников не мог понять, где допустил оплошность, где пошёл не так. И как было нужно? Он мог поступить в театральный, но сколько подававших надежды актёров умирают в неизвестности. Мог податьсь в точные науки, но там сегодня даже академики получают меньше, чем он. Журналистика, как ни крути, сладко поила и вкусно кормила. Может, он как раз выбрал единственно верный путь из всех для него возможных? Но если это правда, ему не хотелось такой жизни.

Он сильно устал в свои сорок. Чего он хочет? Жить в благополучной стране, не думая о деньгах, не заботясь о будущем. Уехать, забрав с собой жену и маму при желании можно, но начинать в чужом краю с нуля нет сил.

Табашников очень надеялся, что providение ещё подарит ему что-нибудь. Давным-давно начав зарабатывать деньги не приносящим удовлетворения трудом из боязни потерять красивую привередливую жену, Женя продолжал делать это по инерции. Потом Алёниного папеньку убрали со всех постов, он жил в привилегированном дачном посёлке на персональную

пенсию, а сама Алёна превратилась в стерву, каких поискать. Когда-то Табашников, пойдя у неё на поводу, согласился повременить с ребёнком и сейчас сильно жалел. А теперь, наверно, поздно: он перестал её любить. Но разводиться не решался: и скандалов не хотелось, и уходить не к кому, и устраивать новую личную жизнь с такой работой некогда. Кроме того, хоть он и не вырос, глядя на отца, идеалистом, зато стал чистоплюем: ему претила грязь. А возвращаясь от любовницы, целовать жену — грязь.

Кроме всего прочего, пугала перспектива переделывать быт, неизвестно куда переезжать, снова обустроиваться. За время работы на телевидении Табашников, подкупив денег, продал квартиру в башне и купил другую — в приличном районе, на Большой Грузинской, в двух кварталах от дома, где в последние годы жил Высоцкий.

Теперь Жёня совсем редко бывал у Пашки. Незаметно у них не осталось почти ничего общего. Бузлаев всё чаще поддавал и нет-нет поколачивал мать, тоже приохотившуюся к бутылке. Урезонивать их было некому — Володька ещё когда умер от наркоты, сестра Светка, выскочив за летёху, уехала с ним в Краснодар, а дядя Кеша, смотавшись к очередной пассии и даже не оставив координат, возвращаться, судя по всему, не собирался. Больше всех в семье отца любил Пашка. Переживая безмерно, пытался его искать, но, как известно, найти человека в Москве нелегко.

Работать Бузлаев не хотел. Стреляя у матери с пенсии на сигареты и чекушку, разорился: “Они мне на самосвал предлагают идти за восемь тыщ в месяц — буду я за гроши горбатить!”. Наверное, разными с Табашниковым они всё-таки были сразу, но в детстве это не сильно ощущалось. Так бывает на встрече выпускников, через много лет после школы: ловишь себя на том, что пытаешься показать — я остался прежним, ребята, я такой же, весёлый, общительный, щедрый. Но ты изменился. А Пашка думал, там у себя “на телеке” его “братка” зазнался.

Сейчас Табашников шёл к нему. Такса, сделав свои собачьи дела и довольно виляя хвостом, скрылась за углом трансформаторной будки. Погнутая железная дверь будки выпускала наружу выдранный с мясом кабель, из-под оболочки которого, как пальцы из длинного не по росту рукава, торчали концы разноцветных проводов.

Пройдя двором, Жёня увидел дом своего детства — облицованную коричневой плиткой башню. В некоторых местах плитка поотлетала, обнажив серые прямоугольники. За то время пока он здесь не появлялся, мало что изменилось. Только на месте долгостроя, где ещё до распада СССР заливали фундамент под универмаг, появилось современное здание Белсинкра-банка со светящейся фирменной эмблемой над крышей. Банк окружали газон с не по-нашему короткой салатового цвета травкой и высокий забор.

Миновав новое сооружение, Табашников наткнулся на Илюшу — олигофрена из соседней панельной пятиэтажки. Несмотря на то, что Илюша давно вырос, его продолжали одевать в куцые пальтишки с цигейковым воротником и короткие брючки. Завидя знакомого, Илюша бросился навстречу, попеременно выкидывая вперёд кулаки с оттопыренными большими пальцами и бубня скороговоркой “бо-бо-бо, бо-бо-бо”. Они сами научили его в детстве на вопрос “как дела, Илюша?” отвечать “во!”, показывая большой палец. Общительный и миролюбивый парень, крепко усвоив урок, проделывал номер даже если его ни о чём не спрашивали. Жёня протянул ему конфету, которой его на работе угостили девчонки.

У подъезда торчал Юрка Налбухрестик.

— Евгений, рублёв тридцать нету у тебя? Шланги горят — помру.

Привет.

— Ты как тот хохол из анекдота, — полез за мелочью Табашников.

— Чё за анекдот?

— Солдат пишет матери из армии: “Вышли сала. Здравствуй, мама”.

— И чё?

Жёня слишком долго знал этих ребят, чтобы их вопросы ставили его в тупик.

— Ну, юмор в том, что сначала принято здороваться, а потом просить, а не наоборот.

— А-а, — протянул Налбухрестик, но было видно, он всё равно ничего не уразумел.

— Как там Павло мой? — перевёл разговор Табашников.

— Он теперь нам не чета! На работу устроился, деньги возит.

— Да неужели?

— А он тебе не говорил? Ну тогда не сдавай меня, пускай сам расскажет.

В ответ на звонок внутри квартиры раздался визгливый собачий лай.

— Фу, Пупсик, фу! — крикнул Бузлаев, открывая дверь.

Маленький беспородный собачонок, отступив за полку для обуви, показывал оттуда рычащую морду со сморщенной верхней губой. Пупсик был глупым злобным пустолаем, но Табашников согласился бы и на такого: жена намертво стояла против собаки в доме.

Пашка был один: прирабатывая к маленькой пенсии, тётя Люда ходила мыть полы в хозяйственный магазин за углом. Достав из холодильника две бутылки пива, Бузлаев откупорил их выдавшей вида открывашкой с деревянной ручкой. В ответ на вопрос “как дома?” Табашников рассказал, что маму Инну замучило давление и что он всерьёз подумывает, не завести ли любовницу. Порассуждал о том, какую хотелось бы.

— Не торопись, — возразил Пашка. — Алёна, этот, такая красавица у тебя.

— Не в красоте же дело — с ней ведь жить невозможно. Лучше расскажи, как вы тут. Как тётя Люда?

— Да ну её...

— Чего “да ну её”?

— Да, этот, поддатая опять с работы вчера пришла. Дома-то я слежу, а там ей грузчики наливают.

На вопрос о работе Жёня махнул рукой. Не хотелось впустую перемалывать воздух — Пашка всё равно ничего бы не понял. Приезжая в свой бывший район, Табашников точно вырезал из жизни кусок: его бывшие приятели, став взрослыми, ничем не интересовались, не умели пользоваться компьютером, не понимали, что происходит в мире. Но любили почесать языки “за политику”.

— Я вчера, этот, прочитал в газете, — с независимым видом изрёк Бузлаев, снова наведываясь за пивом в холодильник, — Нострадамус предсказывал — через десять лет в Америке революция произойдёт, они там, этот, все перемочат друг друга. Россия передовой державой станет.

— Ну ты сам подумай, если в США лучшие мозги со всего мира собраны, там передовая экономика, профессиональное правительство, — какая революция?

— Нострадамус предсказал, — снял с себя ответственность Пашка. — И потом, этот, не завтра же — через десять лет.

После трёх бутылок Пашка стал сентиментальным. Вспомнил, как в детстве тётя Люда сажала их обоих в ванну с сугробами дефицитной польской пены. Как в пионерском лагере повара налепили на всех пельменей, и он съел порцию хулигана из их отряда, а тот перепутал, и с фонарём ходил братка. Как они катались в парке Горького на катамаране, Женька полез пальцами к незащищённой щитком цепи, и Пашка нёс его, потерявшего от вида крови сознание, на руках до медпункта. Видения эти вызывали у Табашникова нежные чувства, всплывая в его собственных воспоминаниях, но в Пашкиных устах раздражали.

— А я, этот, на работу же устроился, — рассчитывая на эффект, выпалил Пашка.

— Да ты что?! Куда?

Отставив бутылку, Бузлаев поманил Табашникова на лоджию. С шестнадцатого этажа район напоминал добросовестно выполненный макет.

— Вот в это чудесное здание, — ткнул Пашка в сторону Белсинкра-банка. — Инкассатором.

— И ружжо тебе доверяют?

— А то! Знаешь, какое бабло возим! Во-он наша машина, — новоиспечённый инкассатор с гордостью показал вниз, где у банковского забора стояла маленькая-маленькая “ГАЗель” с эмблемой Белсинкра-банка. — Их на заказ делают, бронированные, этот, с удлинённым мостом. Наш трёхтонник иногда до отказа “капустой” забивают — один раз даже балка лопнула.

— Это сколько же помещается туда?

— Если полная — примерно миллиард евро. А сто миллионов тонну весят, вот и, этот, считай. Правда, есть ограничение — за раз не больше ста миллионов возить. Но если по инструкциям жить...

— И часто нарушаете?

— Бывает, — со значительным видом ответил Бузлаев. — Но ты, этот, смотри, братка, конфиденциальная информация, я подписку давал. А то вам, журналистам, только расскажи.

— А то мы без тебя не узнаем, — засмеялся Женья. — Вот бы такую машину взять, да и угнать, а, Пашентис? Весело и беззаботно, да?

— А потом тебя — угонят. У нас самое современное в России оборудование, самая крутая система безопасности, европейский стандарт. Даже монтировать “гансы” из Германии приезжали.

— Ты прямо спец теперь, — поддел Табашников, — всё знаешь. Слушай, а как взяли-то тебя? Ты же в наркодиспансере на учёте состоишь, да и побухиваешь. Я ведь как понимаю — инкассаторов проверять должны строго, справки требовать.

— Ххо-ох! Ещё как требуют. И из наркологии, и из, этот, психоневрологического, и что не алкаш. Но бухать перед сменой я не бухаю — это строго. А в наркодиспансере тебе за деньги напишут, что у тебя по венам минералка “Перье” струится. Мамка денег дала, и сделали. Видишь, этот, сколько ты у меня не был — банк построить успели.

— Сейчас быстро строят.

Пашка смял пустую пачку “Явы”.

— Вот паяльные яйца! Сигареты кончились! Посидишь, братка, я схожу куплю?

— Только Пупсика закрой в ванной.

Оставшись стоять на лоджии, Табашников смотрел, как заходящее солнце ретуширует всё внизу мягкими тенями. Окна домов блестели золотым глянцем. Рядом ветерок всколыхнул занавеску, закрывавшую стеллаж с сияющими трёхлитровыми банками.

Женя задумался. Чего Бога гневить, всё в жизни, в общем, неплохо, особенно если почаще вспоминать, что все мы однажды умрём. Нужно-то человеку, как это ни банально, только самое необходимое — тарелка супу, немного одежды да интересная книга. И музыка. И собака — чтоб было с кем поговорить без упрёков и сцен.

На солнце медленно наползала серая туча. Золото в окнах подтаяло. Табашников перевёл взгляд на Белсинкра-банк. Точно такой же, тютельница в тютельница, включая газон и забор, он видел в Германии, один и тот же проект.

Слева здание окружали панельные пятиэтажки, справа — ржавые мусорные баки, куда жители этих панелек сваливали свой скучный мусор. Невдалеке торчал продуктовый магазин, окрещённый в девяностых супермаркетом, но по сути оставшийся тем же гадюшником, каким был ещё во дни Карибского кризиса, когда его построили. На ступеньках магазина явственно различался Вичута — сверху были видны даже лампасы на его трико. Размахивая руками, ему что-то доказывала Катюша — когда-то девочка с трогательными рыжими бровками, Женина первая любовь. Теперь Катюша лицом и фигурой сильно смахивала на женщин из программы “Городок” в исполнении артиста Юрия Стоянова, и с октября по май ходила в грязной белой дублёнке.

Окинув пейзаж целиком, Женя подумал, — никакие самые сверхсовременные банки с самыми навороченными технологиями у нас не приживутся, пока их окружают дома с тараканами, дырявые мусорные баки, магазины с запахом квашеной капусты, а главное, пока в этих банках работают наши люди.

Мамкин неторопливо отхлебнул кофе, делая вид, что идея Андрея Карлина интересна ему постольку-поскольку.

— Значит, я начну с начала, — повторил автослесарь, стараясь говорить спокойно. — Вот вы, например, знаете, сколько на Земле знаменитых людей? И не просто знаменитых, а публичных, узнаваемых?

Константин Юрьевич пожал плечами. Разволнованный механик сделал нервный отрицательный жест рукой:

— Возможно, такая статистика вообще не ведётся. Но, как вы понимаете, они — ничтожный процент от без малого семи миллиардов наших современников. Все остальные — обычные, ничем не примечательные человечки, желающие быть похожими на эту горстку. Ну, минус глубокие старики и совсем маленькие дети, все желания которых сводятся к физиологии. Я специально узнавал — в двухтысячном году пожилых людей в возрасте от шестидесяти и старше насчитывалось около шестиста миллионов.

— Ну, почему, — засомневался Мамкин, — в шестьдесят лет многие ещё очень активны...

— Это тем более говорит в нашу пользу. Ну, минус ещё какие-нибудь там, не знаю, дикие племена, пигмеи, бушмены, не смотрящие телевизора и не читающие газет. Но миллиардов пять-то, даже если брать очень

грубо, остаётся, а?! Пять миллиардов здоровых, энергичных мужчин и женщин, большинство из которых не обладают особым умом и талантами, занимаются нелюбимым делом, живут скучной жизнью и не знают, куда себя приткнуть и чем развлечь. Непомерная индустрия работает на то, чтобы занять это пятимиллиардное стадо и выкачать из него как можно больше денег. Но всё, что нам сегодня предлагают, это старые сказки на новый лад, их модернизированные, переименованные версии.

— В машине вы что-то говорили о конкурсе двойников, — напомнил Мамкин.

Карлин быстрыми глотками допил кофе:

— Можно ещё? — он деловито вытер платком пот со лба. — Конкурсы двойников, да. Они ведь тоже проводятся с ветхозаветных времён. Но! Тут есть одна обидная несправедливость — шансы имеет только тот, кто похож на известного человека. Известного, улавливаете? — автослесарь достал из внутреннего кармана пиджака свёрнутые в трубку листки, начал читать: — “В конкурсе приняли участие двойники известных политических деятелей прошлого и настоящего, популярных актёров и разных знаменитостей. Главные призы за наибольшее сходство были присуждены двойникам Аллы Пугачёвой, Иосифа Сталина, Барбары Стрейзанд, Николая Второго и Диего Марадоны”. Ещё: “Объявляется новый фотоконкурс! Мы разыскиваем людей, внешне похожих на известных людей планеты — звёзд эстрады, певцов, пародистов, голливудских и российских актёров, спортсменов, президентов. Присылай нам своё фото, а также фото своего “двойника”. Или вот: “Двойник Владимира Путина найден в Барнауле. Простой барнаульский шофёр Владимир Некрасов никогда не думал, что станет местной звездой”. — Карлин перевёл дух. — Ну кому какое, скажите, на хрен дело до простого барнаульского шофёра, если он не похож на Путина?! Никто и никогда не проявит к нему интереса, кроме его семьи и знакомых. Что же делать тем, кто непохож на знаменитость? Им тоже хочется славы, они тоже мечтают о фотовспышках направленных на них объективов. Уж вы-то должны знать, какое значение придают простые люди даже двум строчкам, напечатанным о них в газете. Особенно, повторяю, если у них нет ни ума, ни таланта, чтобы добиться этого другими путями. А моя идея состоит в том, чтобы дать шанс каждому! Мы уравнием дурнушку с Анджелиной Джоли; чучело, одевающеся в китайский ширпотреб — с Леонардо ди Каприо. Представьте — мы создадим компьютерную программу, которая будет идентифицировать присланные нам фотографии и находить двойников. Остаётся только придумать интересный сценарий. Шоу может называться “Дабл фейс”.

Мамкин не перебивал. Он давно всё понял и теперь соображал, как уладить дело без последующих осложнений. Как внушить этому гостю из далёкой страны, что замечательно всё выходит на словах, а на деле ещё бабушка надвое сказала.

— Вообразите, — вдохновенно и наивно живописал Карлин, — приходит человек на работу... Допустим, он пекарь. Всё как обычно, но те, с кем он сто лет проработал, замечают — не такой какой-то сегодня Иваныч: технологию нарушает, булки лепит не так, имена путает и людей не узнаёт. А за всем этим, конечно, следят наши камеры. — (Как быстро он стал говорить “мы создадим”, “наши камеры”, подумал Мамкин). — И вот когда уже пекарь собираются “скорую” вызвать, всё и раскрывается. Оказывается, никакой это не пекарь Иваныч, а профессор-микробиолог Мустафа из Пакистана. Рейтинги обеспечены!

“Ты даже не представляешь, насколько”, — усмехнулся про себя Константин Юрьевич, а вслух произнёс:

— А можно ещё так: приходит на работу Богом поцелованный хирург Сергей Николаев. И во время операции всё не те части больному отрезает. А когда ассистенты уже собираются тактично намекнуть светилу, что не надо бы селезёнку стебельчатым швом зашивать, выясняется — никакое это не светило отечественной хирургии Сергей Николаев, а наладчик ткацких станков из Туркмении Бердымухамед Гурбансолтанов. Знаете, Андрей, пока ваша идея для меня представляет чисто академический интерес. Вы хотя бы приблизительно представляете, какие средства в неё нужно вложить? При этом гарантии, что я их отобью, ровным счётом никакой. И не забудьте ещё кучу всяких правовых, технических трудностей. А я не ОРТ и не РТР — это у них деньги не считаны. Кстати, сколько вы хотите за свою идею?

— А сколько вы можете предложить? — по-детски начал прошушпывать почву Андрей. Он подозревал, что обнаружив некомпетентность, будет обманут. В свою очередь Мамкин, не зная о степени осведомлённости собеседника в такого рода вопросах, боялся дать больше, чем от него ждут. Костя потеребил нос:

— Пока ведь ничего ещё нет. Давайте так. Вы передаёте мне авторские права на эту, придуманную вами, штучку, а я посмотрю, нельзя ли её куда-нибудь приладить. Если пойдут какие-то деньги, мы соберёмся здесь же ещё раз и поговорим о процентах.

Это было грубо. Даже неискнушённый Карлин понимал — Мамкин мухлюет.

— Возможно, тогда мне лучше обратиться на ОРТ или РТР, у которых деньги не считаны, — решил попробовать блефовать механик.

— Попробуйте, — пошёл на риск Костя. — Но скажу сразу — если ваше предложение им приглянется, вы не получите за него ничего и никогда. Вы для них никто и звать вас никак. В бизнесе у таких китов не существует представлений о порядочности.

— Но у меня оформлены все авторские права...

— С собой?

— Копии...

— Покажите, пожалуйста. — Мамкин просмотрел протянутые ему бумаги. — Им невелика цена: мы живём в разных государствах, а вы же знаете, какой у нас бардак с соблюдением авторских прав. Потом вы в курсе, кто стоит за ОРТ и РТР? Им на все суды плевать, кроме Страшного. Тем более Казахстан не подписал Висбаденскую конвенцию. Так что будете выходить от меня, — за дверью урна стоит, можете опустить ваши филькины грамоты туда.

— Я хочу подумать. Давайте встретимся завтра?

Про Висбаденскую конвенцию Мамкин придумал на ходу, но именно это заставило Карлина окончательно растеряться. Хотя, — и глава “Лиры-ТВ” это видел, — документы были оформлены правильно. Пойти навстречу просьбе автослесаря встретиться на следующий день значило дать ему собраться с мыслями. А сколько стоит предмет торга, какие принесёт прибыли, Мамкин видел.

— Андрей, мы оба умные люди, — польстил он механику. — Я не последний кусок хлеба доедаю и готов рискнуть. Не будем мелочиться. Что бы вы сказали, если бы через час вышли отсюда с чеком вот на такую сумму?

Взяв со стола стикер, Мамкин нарисовал знак доллара и единицу с четырьмя нулями. Общаясь с представителями разных кругов, он давно выработал привычку — предлагая деньги, не произносить сумму вслух.

— Десять тысяч? — на всякий случай переспросил Карлин. Сумма не шла в сравнение с деньгами, грезившимися ему в последнее время. — Да за такие деньги сейчас новую машину не купишь.

— А вы купите подержанную, — жёстко посоветовал Мамкин. — Ещё останется.

— Не для того я вынашивал свою идею, — сварливо парировал механик. — Я цену ей знаю.

“И всё-таки ты не знаешь”, — подумал Костя. Но и сам он пока далеко не в полной мере предугадывал масштаб замысла, которым ему выпадал шанс завладеть.

Если бы Андрей знал о космической скупости своего визави, он несомненно сразу оценил бы изображённую на стикере цифру. Но, оказавшись неблагодарным, он сделал вид, что собирается уходить.

— Хорошо! Я предлагаю вам — вот, — хозяин “Лиры-ТВ” переправил на стикере единицу на тройку. — Но вы официально передаёте мне все права. Это последнее слово.

Андрей задумался. Тридцать тысяч долларов тоже не являлись тем, на что он рассчитывал. Но это были деньги, которые у себя на СТО он зарабатывал за год.

— О чём вы задумались, Андрей? Тридцать тысяч долларов на дороге не валяются, — словно прочитал его мысли Мамкин. — Мне под такую программу только декорации студии заказать выйдет в пять раз дороже. А если смотреть не будут, вы мне убытки вернёте?

— Как не будут? — промямлил Карлин. — Вы же сами видите, идея — блеск.

Заглянув в шкаф, Константин Юрьевич поочерёдно выложил на стол две набитые сверх предела и оттого похожие на дирижабли картонные папки:

— Вот.

— Что это?

— Блестящие идеи. Мне каждый день носят. На бумаге всё хорошо выглядит.

Папки произвели на Карлина впечатление. Он задумался. Что лежит на одной чаше весов? Новая машина. Конечно, не самая лучшая из тех, что он перевидал у себя на автосервисе, но всё-таки неплохая. Машина и возможность месяц-другой передохнуть, пока ищет работу.

Что на другой? Если настоять, чтобы Мамкин дал подумать до завтра, сейчас он выйдет отсюда без денег. А завтра этот тёртый калач может их ему уже и не предложить. Просто возьмёт чужую идею в оборот — сам же рассказывал, такое у них в порядке вещей. Не известно, какие силы стоят за этой “Лирой-ТВ”. Кто они и кто он? Отнимут у него идею, снимут, как шинель с Акакия Акакиевича, иди потом, доказывай. А он-то мечтал стать рантье.

Красивое французское слово “рантье” — недостижимая вершина для людей с купированным воображением. Карлин сидел, уставившись на белеющую в углу вазу с торчавшими из неё сухими стеблями. Мамкин ждал. Наконец Андрей размял своё белое, одутловатое лицо:

— Ладно, я согласен.

— Тогда я отлучусь с вашего позволения.

Выйдя в смежную с кабинетом, оборудованную для отдыха комнату с кожаными диванами, Костя телефонным звонком поднял с постели юриста.

По ночной Москве без пробок тот долетел, как капсула пневмопочты. Высокий, в джинсах и свитере, с лёгким кейсом, он, кивнув Андрею, уединился с Мамкиным. Они совещались почти час. Ещё столько же оформляли документы по передаче авторских прав. Всё было готово к утру. Сидя в кресле, механик опустошённо водил глазами по потолку.

В кабинете стали раздаваться звонки. Односложно отвечая в трубку, Константин Юрьевич отмахнулся от заглянувшей в дверь уборщицы, поздоровался с секретаршей. Только увидев деньги, Карлин поставил подписи там, куда давно указал юрист. Вяло попрощавшись, вышел на улицу, поймал такси до гостиницы. Сейчас ему не хотелось ни о чём думать — только спать. В номере, неряшливо раздевшись, он задёрнул полосатые шторы и одеяло. Засыпая, вспомнил, что забыл выторговать проценты. Но дело сделано.

Проводив Карлина и отправив домой юриста, Константин Юрьевич зашёл в свой персональный санузел, ополоснул холодной водой лицо. Приказал секретарше вызвать к нему некоторых сотрудников, назвав в их числе и Табашникова. Мамкину не терпелось начать.

Когда все пришли, он объявил, что на канале начинается небывалый проект. Ему всегда нравилось слово “проект”. Костя долго с жаром описывал своё видение нового дела, призывая собравшихся в соучастники. Изображая заинтересованность, его подчинённые про себя костерили неугомонного шефа, по опыту зная — за один и тот же оклад на них навалят больше работы.

— Константин Юрьевич, — подал голос смелый телережиссёр, стоявший с Мамкиным у истоков канала, — а как это будет оплачиваться?

— Как же так можно, ребята? — обиделся Костя, воспринимавший слово “оплата” как оскорбление. — Вы же знаете, какое у нас сейчас сложное экономическое положение. — Никто не понял, что подразумевал начальник в этом месте — свой канал или всю Россию. — Я говорю о грандиозном проекте, не имеющим на планете — на всей планете! — аналогов, а вы... Подождите, давайте раскрутим: пойдёт реклама, тогда, конечно, поднимем зарплату.

— Когда нужно сделать? — поинтересовался старший оператор.

— На всю подготовку даю два с половиной месяца.

— Нереальные сроки, — раздался голоса.

— Нужно успеть, как хотите.

Мамкин рассчитывал, выстрелив в начале декабря, накатать шоу к Новому году, чтобы в главный праздник оттянуть с других каналов и аудиторию, и рекламодателя.

— Успеть нельзя опоздать, — съюморил он. — Петя, кому закажем делать студию?

— Кому всегда, — отозвался смелый режиссёр.

— “Кто всегда” дерёт много, — пробормотал Мамкин. — Ты, Петя, особенно не распространяйся там ему, что за проект, а то он совсем чувство реальности утратит. Постарайся поторговаться.

Когда после улаживания всех организационных моментов телевизионщики пошли к выходу, Костя сделал Табашникову знак задержаться.

— Ты от однообразия не устал?

Женя неопределённо вздохнул. Положение дел на работе его устраивало. Выработав за годы набор изящных клише, он фуговал сценарии со скоростью подпольного завода в Вэйфане, плёпающего фальшивые “ролексы”.

— Ваш отдел документалистики мы прикроем, — объявил Мамкин. — На время или навсегда — вопрос открытый.

— А я?

— Ты заштамповался, друг, заштамповался. А можешь ведь писать, как Лев Толстой.

— Вы мне льстите.

— В общем, будешь творить для нового реалити-шоу. Вот, кстати, название ему надо оригинальное придумать.

— “Дабл фейс”!

Костя поглядел с укоризной:

— Ты ещё скажи “Лицом к лицу”.

Табашников улынулся. Он был с Мамкиным одних лет, и демократичный начальник разговаривал с ним почти на равных.

— Подумай, подумай, напрягись, — посоветовал Костя. — Я же тебе плачу за то, чтобы ты думал. “Пилотник” надо сделать очень грамотно. Я так полагаю, с середины ноября начнём анонсы давать.

— А формат?

— Формат? Окончательно я пока не решил, но, наверно, час. Три сюжета минут по десять, остальное — интервью с участниками, обсуждение в студии и тэ-пэ. Думал сначала вообще без двойников знаменитостей обойтись, но это по-любому коммерчески неправильно. Будем делить — один сюжет с двойником звезды, другие — с двойниками обычных, никому не известных людей.

— Может, тогда вообще с обычными не делать?

— Ты не понимаешь! В том-то и фишка, на это ставка делается. Я же только что на планёрке объяснял, ты чем слушал? Шоу двойников знаменитостей хоть отбавляй, в этом ничего нового нет. А мы даём шанс каждому. Теоретически — любому жителю планеты.

— А практически?

— И практически — любому. “Пилот” надо сделать вообще зашибись. Это должна быть бомба! Такая, чтобы все эти Галаховы-Малаховы умылись. И это будет бомбой, потому что идея новье, эксклюзив. Мы должны делать такое шоу, чтобы улицы пустели во время показа.

— Мы у кого-то лицензию купили?

— Чисто наше, родное.

— А кто придумал?

— Кто придумал? Да вот придумали. — Уклончивый вид Мамкина можно было истолковать двояко: или скрывает, или идея принадлежит ему самому. Настаивать Женя посчитал неудобным. Он сменил тему:

— Константин Юрьевич, а сюжеты я один, что ли, писать буду?

— Зачем один? Возьмёшь из документалистов своих, кого захочешь. — В будущем Костя планировал усилить Табашникова “писателями” подороже и посерьёзнее, но пока хотел обойтись имеющимися силами. — И, Женя, пожалуйста, Снесову тоже заberi.

— Константин Юрьевич, на колени встану, только не её!

Ирина Снесова — бойкая, но принадлежавшая к тупиковой ветви журналистики особа, попала на “Лиру” благодаря умению пускать пыль в

глаза. Составляя яркие резюме, при приёме на работу она на любой вопрос отвечала “да”. Когда профнепригодность девицы для всех на канале стала несомненной, ей попытались создать условия для ухода по собственному желанию, но быстро убедились — скорее Ходорковскому вернуть “Юкос” со всеми нефтедобывающими активами, чем та возьмёт в руки обходной лист. Самые рьяные из ступивших на этот скользкий путь стали держать в ящике стола валерьянку. Когда же сам Мамкин (хоть и не царское это дело) собрался объявить журналистке о сокращении её штатной единицы, Снесова попала в серьёзную аварию. Вместо того чтобы сэкономить, Костя по неписаному кодексу руководителя, чертыхаясь, отслонявил родственникам пострадавшей изрядную сумму на лекарства и теперь, дабы не выглядеть последней свиньёй, держал бесперспективную Снесову на канале, не зная, куда её приткнуть. Злые журналисты от бессилия прозвали коллегу Несушкой, но попытки выжить прекратили. “Женя, Снесову — заberi, — завершил беседу Мамкин, давая понять, что не намерен пререкаться. — Это моя личная просьба”.

Подготовка нового реалити-шоу шла проворно. Среди сотрудников “Лиры” объявили конкурс на лучшее название. Приз — бутылка “Хеннеси” из закровов руководства. Победило словосочетание “Лицевой счёт”. Молодой, но рано облысевший видеоинженер, давший имя новой программе, и предполагать не мог, на какие числа пойдёт счёт лиц, когда идея безвестного автослесаря будет раскручена на полные обороты.

Лучший программист Москвы Боря Кербис с сотрудниками собственной компании по разработке программного обеспечения написал совершенно невообразимый софт для идентификации лиц, назвав своё творение “Тантамарески”. За программу Кербис загнул такую цену, что Костя подумал, не дешевле ли обойдётся нанять штат сортировщиков, — ведь человек, глядя, к примеру, на двадцать фотографий, определит похожесть лица всего за пару секунд. Однако рассчитывая на долгую жизнь своего шоу, Мамкин пришёл к выводу, что в итоге сортировщики выйдут дороже.

Боре и его ребятам, подгоняемым заказчиком, пришлось в пожарном порядке перечитать шкаф научных исследований о схожести лиц, пригласить для сотрудничества учёных и криминалистов, но “Тантамарески” вышли безупречными. Испытания прошли на “ура”. Сопоставляя заложенные в компьютер изображения, программа определяла степень похожести в процентном соотношении и с мотивацией результатов. К примеру: Объект-1 совпадает с Объектом-2 на 97 процентов. Два процента теряются за счёт того, что у Объекта-2, в отличие от Объекта-1, на 0,5 см. скошен влево нос. Оставшийся процент утрачен по причине того, что у Объекта-2 на сантиметр ниже расположено правое ухо. Но совпадение на восемьдесят пять процентов уже можно было считать очень хорошим результатом: если не присматриваться слишком пристально, это были, считай, близнецы. Такой же расклад программа давала и по соответствию фигур, что для шоу принципиального значения не имело. Разница в осанке и физические недостатки легко скрадывались одеждой. Но в отношении лиц правилом хорошего тона сразу договорились считать естественную похожесть, не прибегая к косметике или гриму без крайней необходимости.

Компьютер рассматривал как видеосъёмку, так и фотографии. Касательно фотографий требования на сайте гласили: “Человек фотографируется строго анфас, то есть при съёмке смотрящим в объектив. При этом

голова должна быть направлена прямо — не наклонена вниз, не отклонена назад, не склонена к плечу. У фотографируемого должно быть спокойное выражение лица, рот сомкнут, но не сжат. Волосы не должны закрывать ушных раковин”. Тут Боря Кербис руководствовался требованиями, предложенными для фотографирования на документы ещё французским криминалистом Альфонсом Бертильоном в восьмидесятых годах девятнадцатого века. Узнав об этом, плативший за софт немалые деньги Мамкин выразил Кербису сомнения относительно применяемых в столь важном деле старомодных методов. Боря обиделся:

— Да вы что, Константин Юрьевич! Это же чистая антропометрия. Бертильон в полицейской префектуре Парижа сто тысяч преступников обмерил — уши, лбы, носы. Над ним весь участок ржал: точно как вы вот не верили. А оказалось — работает. Между прочим, информация к размышлению: Бертильон убедился, что размеры отдельных частей разных лиц могут совпадать, а вот размеры четырёх или пяти частей тела одновременно одинаковыми не бывают.

— И что?

— Я к тому, что не пролетите ли вы с вашим шоу?

— Пролетим — деньги вернёшь. Шучу. У твоего Бертильона сто тысяч человек было, у нас — весь мир.

На создание эскизов студии, изготовление всех её элементов и окончательный монтаж ушёл месяц. В середине ноября над всеми мало-мальски значительными улицами Москвы появились растяжки реалити-шоу “Лицевой счёт”, а в эфире “Лиры-ТВ” каждые полчаса шли анонсы, заканчивающиеся Интернет-адресом, где потенциальные участники могли узнать условия и разместить свою физиономию.

Мамкина сразу насторожило — количество желающих участвовать оказалось намного меньше ожидаемого. Если пророчество Бори Кербиса сбудется, все затраты, вся работа насмарку. Плюс репутация.

Но состоявшаяся в начале декабря премьера развеяла мрачные мысли. Даже сильно предвзятые конкуренты признавали — последний раз они видели такое в лучшие времена программы “Взгляд”. Распечатка рейтингов, сразу заказанная Константином Юрьевичем, свидетельствовала о нереальном оттоке зрителей на “Лиру” с прочих каналов во время “Лицевого счёта”. Телефонные линии всех стран, куда ретранслировалась “Лири-ТВ”, во время эфира были перегружены — люди звонили друг другу с одним и тем же вопросом: “Ты смотришь?”.

Лицом первого сюжета шоу был Роман Родионов — один из немногих подлинно талантливых молодых актёров, по причине наличия профессиональной и просто человеческой совести принимавший не каждое предложение сниматься в сериалах. Склонный как и большинство артистов к розыгрышам, Родионов согласился сразу. Кроме него самого и его двойника никого в курс не вводили. С режиссёром театра, где он играл, договорились поснимать репетицию будто бы для программы новостей.

На сцене репетировали пьесу модного норвежского драматурга. Режиссёр — отечественный творец с мировым именем, регулярно приглашаемый ставить спектакли за границу, преимущественно русскую классику, подавал реплики, стоя сбоку от сцены в пиджаке, сшитом из разноцветных лоскутков.

Двойник Родионова, сдержанный инженер-технолог из Калининграда, за кулисами общался с артистами, дисциплинированно выходил на сцену. Произнося вызубренный текст, добросовестно старался вживаться в образ, представляя себя, как учил его Родионов, в предлагаемых обстоятельствах. Было заметно, двойника сильно сбивает минимализм сценических средств, идущий от нетрадиционного решения спектакля, отвлекает висящий над авансценой роуль, пугают внезапно появляющиеся и исчезающие музыканты с дудками.

Даже далёкий от Мельпомены человек видел — талантом на театральном поприще природа инженера-технолога обнесла. Или ему просто не хватало школы. Ведь сколько актёров пришли на сцену случайно, поначалу выбрав другую профессию, где могли остаться навсегда. А многие, наверняка, и остались, так никогда и не выучив ни одной роли. Легко представить маленького Высоцкого с карандашом за кульманом, а простоватого с виду Евстигнеева — у слесарного станка. Но в любом случае фразу, которую отпустил бы по поводу игры родионовского двойника Станиславский, из учебников актёрского мастерства наверняка вымарала бы цензура.

Опытный оператор “Лицевого счёта” работал так, что его быстро перестали замечать. Мягко перебегая из зрительного зала за кулисы и обратно, он попутно следил объективом за реакцией режиссёра и актёров. В перерыве, попросив светило российской и зарубежной сцены поотвечать на вопросы, корреспондент задал среди них и провокационный: “Нашим зрителям, безусловно, будет интересно, как на ваш взгляд сегодня репетирует их любимец Роман Родионов?”. Чело мэтра потемнело под сенью мысли. Вытянув губы трубочкой и выдержав паузу, он, наконец, отверз уста: “Сегодня Рома меня удивил. Приятно удивил. Это вне всякого сомнения нестандартный актёр, актёр ищущий. На наших с вами глазах рождается чудо — чудо поиска характера. Ещё третьего дня этот мальчик репетировал совсем, совсем по-иному. О чём это говорит? Это говорит о том, что за прошедшие дни артист не стоял на месте: в его душе происходила сложнейшая работа, великое таинство, благодаря которому мы со времён Шекспира смеёмся и плачем, приходя в театр. Скажу вам по совести, — режиссёр перешёл на доверительный тон, — многие актёры не очень умные люди. Но Родионов — актёр думающий, мыслящий, свидетельство чему мы и видим сегодня. Пока он нас не слышит, поделюсь с вами: в последний раз на моей памяти так работал над ролью во МХАТе Михал Михалыч Яншин, Миша...”. Тут корифей взялся вспоминать, сильно задержав продолжение репетиции.

Актёры же в разговоре с журналистом отмечали некоторые странности Родионова, не водившиеся за ним раньше, но относили их на счёт перенапряжения душевных сил, свойственное каждому хорошему лицедею при работе над сложной ролью: Родионова в театре любили.

Многие из них пожалели о своих словах, когда на сцену вместе с двойником вышел сам Родионов, а корреспондент объяснил подлинную причину интереса, проявленного в этот день телевидением к постановке театра. Оператору даже удалось записать досадливо брошенное режиссёром “это ж надо было так обделаться!”. Поймав телевизионщиков на выходе, столп русского театра очень просил вырезать интервью с ним при монтаже. Ему обещали, но в эфир дали всё, вместе с досадной репликой — в подобных случаях журналисты о порядочности не помнят.

Второй сюжет был больше рассчитан на женскую аудиторию. Из армии к матери вернулся двойник сына. Три дня установленные в доме скрытые камеры фиксировали, как она держала его ладони в своих, как готовила ему его любимый борщ, как они вместе листали дембельский альбом. Парень нашёлся похожий до чрезвычайности: ему только пришлось сделать бородавку на большом пальце правой руки и бледное пятно на бедре, оставшееся от опрокинутой на себя в детстве кружки с кипятком. Бородавку двойник, правда, сковырнул при умывании, но когда мать удивлённо заметила её отсутствие, выкрутился, сказав, что чудесным образом отвалилась сама.

При обсуждении сюжета в студии мнения, как говорится, разделились. Находившиеся по одну сторону психологи и общественные деятели находили его аморальным. Сидевшие напротив “люди с улицы” восторженно одобряли.

— Вот вы, представитель молодого поколения, — обратился ведущий “Лицевого счёта” Игорь Тихонов к студенческого возраста юноше в рваных джинсах, — тоже обвиняете авторов этого материала в аморализме?

“Представитель молодого поколения” потупился:

— А чё, прикольно развели женщину эту.

Находившаяся тут же мать “дембеля”, радуясь возвращению настоящего сына, претензий не предъявляла. Мало что понимая, тарасила то в одну, то в другую сторону глаза с припухшими веками. А когда какая-то толстуха-психолог с неумело накрашенными губами укорила её: “Да как же вы могли не узнать-то его, милая, вы же мать”, просто вздохнула: “Вот как-то смогла...”.

Но воистину скандальным оказался заключительный материал. Снимать его ездили в Питер. Средних лет муж с женой, переживающие кризис первых семи лет супружеской жизни, подумывали о том, чтобы посвинговать. И посвинговали.

Вечером с работы вернулся двойник мужа. Не только внешность — голос, манера себя вести, всё совпадало! Поужинав и посмотрев сериал про бандитов, легли спать. Настоящий муж заранее на всё согласился. Пикантные моменты и звуки в эфире вырезали. Первое и последнее несоответствие с родным супругом женщина заметила в постели. Даже угрожая создателям “Лицевого счёта” и лично Мамкину судом, она признавала — такого порногерманского секса у неё не было не то что давно, а вообще ни разу в жизни. Оскорбило же её, что с ней обошлись, как с вещью. Тем более меняться партнёрами эта морально устойчивая особа, оказывается, соглашалась лишь на словах, в угоду супругу. Константину Юрьевичу пришлось раскошелиться на моральную компенсацию, а его юрист ещё долго улаживал уголовную составляющую скандала. Но такой скандал делал рекламу.

А учёные тогда впервые задались вопросом, почему два внешне совершенно неотличимых мужчины, с идеально совпадающими параметрами, в том числе, как позже выяснилось, и интимных частей тела, по-разному воспринимаются в постели одной и той же женщиной. Наверняка секрет в чём-то, находящемся внутри нас и не измеряемом никакой самой современной техникой. По крайней мере, пока.

То, что началось после премьерного эфира, Мамкин охарактеризовал словом “сумасшествие”. О “Лицевом счёте” писали газеты. Константина Юрьевича ловили в коридорах телецентра, у входа в него, дома на лестничной клетке. Три его мобильного постоянно звонили. У него хотели взять интервью. Его мечтали развести с женой. От него собирались родить. Один

ненормальный (почему-то мужского пола) даже плеснул в Константина Юрьевича кислотой, но не попал.

Если же говорить о заявках на участие в шоу, недостаток коих поначалу нервировал Костю, то теперь создавалось впечатление — вся Россия выстроилась в очередь, как когда-то в первый “Макдоналдс” на Пушкинской площади. Люди присылали на сайт “Лицевого счёта” для верности сразу по несколько заявок, одновременно снимаясь фотоаппаратом, на мобильник и на обычную видеокамеру. Звонили, желая показать живьём. Многие, хоть их никто не звал, ехали из других городов. Сильно незакомплексованные девицы присылали своё видео неглиже, и, судя по объёмам присланного, такая незакомплексованность грозила стать нормой. Один горячий джигит из Грозного требовал найти двойника своего стопятилетнего деда и показать обоих на всю страну.

Каждый последующий эфир только подстёгивал ажиотаж. Как водится, сильнее всех напирали представители бизнеса — те, кого ещё вчера называли новыми русскими. Формулировка устарела, нувориши пообтесались, но естество брало своё. Дорого и безвкусно одетые предприниматели разного калибра за то, чтобы попасть в эфир, предлагали любые деньги как напрямую, так и в формате взятки. В результате, идя навстречу тем воротилам, деятельность которых влияла на подъём экономики и рост ВВП, Табашников сочинял истории о том, как во время празднования юбилея олигарха такого-то гости весь вечер чествовали не именинника, а его двойника, и хоть бы кто заподозрил. И эти простые мужики, жонглирующие миллиардными контрактами, веселились, как гремлины.

Мамкин распорядился пересмотреть прайсы канала в сторону повышения. Теперь новые Костины расценки на рекламу существенно превышали её стоимость на ведущих российских каналах.

Генеральный продюсер “первой кнопки”, вспомнив в свете разворачивающихся событий, что пытался ему втолковать в начале осени около “Останкино” полноватый, немного заискивающий человек в приличном костюме, сложил два и два, и долго клял себя за нечуткость, о необходимости которой так много твердили ему в дни комсомольской юности старшие товарищи из парткома. Но никому, конечно, ничего не рассказал, чтобы не компрометировать себя как профессионала.

Неотразимо привлекательный, но не отличающийся умом, ведущий нового реалити-шоу Игорь Тихонов зазвездил так, словно получил Нобелевскую премию. Он улыбался с билбордов по всей Москве. Теперь останавливающие его “Мазду” за нарушение гаишники, прежде чем отпустить, просили автограф, а самые неприступные ещё вчера девушки нынче предлагали лучшее, что у них есть, за малейший знак внимания. Тихонов, только недавно довольствовавшийся ведением телевикторины “Лови удачу” и иногда корпоративов организаций, где работали не шибко привередливые ребята, бросил семью на предмет вкусить полной ложкой радости жизни, по недоразумению (при всей своей недалёкости он это понимал) отваленных ему непредсказуемым роком. И надо торопиться, пока там, в небесной канцелярии, не сделали ревизию и не выявили просчёт.

Мама Инна видела, с какой неохотой в последние годы возвращается с работы её сын. Неважно, кто из них, Женя или сноха Алёна, первым

приходил с работы, мама Инна знала — через пять минут после того как замок в прихожей щёлкнет второй раз, начнётся скандал. Она почти никогда не ошибалась. Алёна была не просто стервой, она обладала талантом стервы. Ухитряясь затеять свару на пустом месте — со слезами, криком, оскорблениями. В это время мама Инна старалась не покидать своей комнаты: жена сына, как смерч, вовлекала в орбиту скандала каждого, кто оказывался рядом.

Как-то, полулёжа в кресле, Алёна смотрела “Укрощение строптивого” с Челентано.

— Я был у него на концерте, когда он приезжал в Москву, — вспомнил Женья, входя в зал.

Он засмеялся, когда Челентано вёз Орнеллу Мути по деревне на кровати, а она, ругаясь, швыряла в него чем попало.

— Что ты смеёшься, Табашников? — оторвалась от экрана Алёна.

— Смешно...

— Что смешного в том, что она выйдет за него замуж и всю жизнь будет терпеть его скотские замашки?

— Странно, что он тебе не нравится — Челентано такой мачо.

— Он не мачо, он мерзкий! Раз ты его защищаешь, значит, ты его оправдываешь. Значит, ты соглашаешься, что это нормально, когда мужики издеваются над женщинами. Вы имеете право вести себя как хотите, а мы должны терпеть!

— Алёна, Алёнушка... — растерялся Женья. — Я говорю про актёра, а не про его героя. Это просто кино.

— Инна Михайловна, — Алёна остановила спешившую проскользнуть из кухни к себе в комнату свекровь, — хоть вы скажите, кто из нас прав?

— Я не знаю, Алёночка, — наученная опытом, мама Инна подыскивала обтекаемый ответ. — Конечно, это нехорошо, когда некоторые мужчины позволяют себе...

— Вы юлите, Инна Михайловна, вы юлите. Как вам не стыдно: вы ведь тоже женщина, а занимаете его сторону потому, что он ваш сын. Поэтому так будет всегда — они будут издеваться над нами, а мы терпеть. Так нам и надо!

— Но, Алёночка, вот Женин папа никогда ничего такого не делал... И Женья тоже.

— Семён Саныч был святой человек. Но яблочко от яблони иногда далеко падает! Где Женья бывает вечерами? Почему я сижу дома одна и не ведаю, чем занимается в это время мой муж? Может, он у какой-нибудь бабы? Знаю я этих сучек-журналисток.

— Алёна, я допоздна на работе. Или ты не знаешь, сколько я тащу на себе?

Но заведённая Алёна, не слыша аргументов, дала мужу пощёчину. В тот раз она заперлась на кухне, где просидела остаток вечера.

Сегодня сноха пришла позже. Мама Инна успела, попив с сыном чаю, расспросить его о работе. Она гордилась тем, что её Женья работает в программе, о которой теперь говорят на каждом углу.

— Хоть бы они тебя там показали как-нибудь...

— Мама, ну с какой стати меня там будут показывать?!

Услышав хлопок входной двери, мама Инна инстинктивно сжалась. В их семье никогда не повышали голоса. Вряд ли сноха позволяла бы себе

такое, будь жив Семён Александрович. Но Семён Александрович давно умер. Ушёл тихо, во сне — говорят, так покидают мир любимые Богом люди.

— Воркуете? — доброжелательно улыбнулась Алёна, мягко ступая ногами в шерстяных носках. — Как только потеплеет немного, ремонт надо делать: побелить везде, обои переклеить. И на кухне кафель положить до потолка — стены мыть легче.

— Кафель до потолка несовременно, — усомнился Женья.

— Конечно, ты же аристократ, — куда нам в лаптях да за мотоциклом! А мой папа из простых, где ему было интерьеров насмотреться. — Язвительная Алёна напоминала — в своём родовом номенклатурном гнезде она росла среди самых дефицитных по тем временам вещей.

Подумав, что на фоне нынешнего перенасыщения рынка модные когда-то польские стенки и чешские раковины вызывают усмешку, мама Инна произнесла:

— Алёночка, зачем ты так...

— Правда, Алёна, при чём здесь? — поддержал Женья.

— Да при том, Табашников, при том! Ненавижу эту спесь твою.

— Нет никакой спеси. Я согласен: давай по весне наймём бригаду таджиков.

— Не хватало ещё, чтобы эти чучмеки нам дом испохабили.

— Опять не так. И почему сразу чучмеки? Все люди одинаковые, все одинаково любят своих детей, все хотят жить хорошо. — Женья с удивлением отмечал у себя интонации отца.

Он лично никогда не имел дела с гастарбайтерами, зато на соотечественниках Табашниковы обжигались. Трижды, ещё живя в башне, нанимали они их делать ремонт. Первые два раза курносые рукастые ребята недорого работали неделю, а затем, взяв аванс, запивали, ломая сроки. В третий раз ставший осторожным отец сразу полюбопытствовал у бригадира:

— Честно скажите, любят ваши молодцы выпить?

— Что вы, хозяин! — оскорбился бригадир. — У меня хлопцы знают: только учую водку эту проклятую, в момент уволю.

Успокоенный Семён Александрович через неделю выдал часть денег. Бригада на неделю исчезла вместе с бригадиром. “Ну что за сукины дети! — роптал потом отец. — Ведь как людей просил: нельзя ли поскорее, ведь к родственникам на время ремонта переехали, стесняем людей...”

В этот раз Женина ссора с женой прекратилась неожиданно: Алёне позвонила подруга. Но так происходило не всегда. Иногда мама Инна грешным делом думала, уж лучше бы они развелись.

Тайком от матери Табашников заводил с женой разговор о разводе, но воспитанная номенклатурным бурбоном папашей в патриархальных традициях, супруга тут же, как заколдованная принцесса, превращалась из злой ведьмы в ласковую Алёнушку. Она и помыслить не могла, как будет смотреть в глаза окружающим, брошенная мужем. Доброе сердце Табашникова не выдерживало, он отступал.

Когда же скандалы в семье только начинались, Женья постоянно искал ответ, чем он так раздражает свою половинку. Наверное, ей просто скушно с ним жилось. Он не ходил на журналистские тусовки, где жена могла бы развлечься, посмотреть на известных людей и после рассказать приятельницам. Возможно, Алёну точила и закадровость, непубличность мужа, в то время как он ходит одними и теми же коридорами с телезвёздами.

Это могло мешать ей гордиться им, о чём мечтает любая женщина. Хотя, думал Табашников, начни он таскать её по всем вечеринкам и превратиться в Фила Донахью, не факт, что жена стала бы другой: стерва — это всё-таки характер.

Как и мечтал Мамкин, новогодний эфир “Лицевого счёта” “сделал” по рейтингам все российские каналы. Впервые в истории “Лиры-ТВ” здесь отказывали рекламодателям: в сетке стало некуда палец втиснуть.

В новогоднюю ночь страна увидела своеобразный ремейк “Карнавальная ночь”, уложенный создателями шоу в сорок пять минут. За три месяца, что было, в общем-то, нереально, привлечённые Константином Юрьевичем спецы воссоздали декорации и костюмы легендарной комедии. Лучшие педагоги сцендвижения едва не по микронам поставили с двойниками известных киноактёров все жесты, проходки и повороты, вплоть до незначительных элементов, обычно не фиксируемых зрителем. Это представляло непосильную сложность: работать приходилось с непрофессионалами. Но тут была и особая ответственность: все понимали — основное и крайне придирчивое внимание сосредоточится именно на двойниках.

Результат, что называется, превзошёл ожидания. На экране ходили, разговаривали, смеялись звёзды старого кино, неотличимые от настоящих. Самодурствовал непробиваемый Огурцов, приплясывал с портфелем долговязый лектор, пела на сцене Дома культуры свою знаменитую песенку про пять минут Леночка Крылова. Это смотрелось по-прежнему свежо: зрители смеялись, слушая, как двойник Филиппова говорит: “Прошу всех взглянуть на небо. Снизу звёздочки кажутся маленькие-маленькие. Но стоит только нам взять телескоп и посмотреть вооружённым глазом...”.

Особенно зоркий глаз мог заметить некоторую разницу в декорациях оригинального фильма и нынешней постановки, но люди, — люди были безупречны.

Во время эфира камера иногда показывала сидевших рядом с ведущим Рязанова и Гурченко. Обычно уверенный в себе режиссёр выглядел растерянным, бледная актриса не отрывалась от огромного монитора. Когда “Юрий Белов” произнёс: “А будет оно, счастье?”, она закурила прямо в студии. После того как на экране появилась надпись “Конец фильма”, знаменитая актриса призналась: “Это совсем не те чувства, что возникают, когда пересматриваешь старые картины, в которых снималась, не та возвышенная грусть — ах, какими мы были... Сейчас у меня просто холодок возник внутри”. Эффект действительно получился неоднозначным: как заметил Рязанов, “с потусторонним оттенком”.

Ощущение усилилось, когда двойников пригласили занять места в студии. Отражения давно ушедших актёров “Карнавальная ночь”, спустившись по ступенькам, сели рядом с теми, кто до этого дня дожил. Высоченный розовощёкий спортсмен из Новочеркасска, только что кричавший на экране: “Здравствуй, Бом!”, присоседился к Владимиру Зельдину, игравшему одного из клоунов.

Что особенно удивляло, внешние данные двойников в основном соответствовали внутреннему содержанию их прототипов: похожий на Юрия Белова как две клавиши пианино одна на другую, псковский дизайнер в общении проявил себя не менее обаятельным. Прораб из Самары —

двойник Ильинского — оказался немного замкнутым мужиком. Тоненькая девочка — домохозяйка из Нижнего Новгорода — хорошо пела и танцевала. Её сходство с молодой Гурченко было настолько невероятным, что актриса, не удержавшись, потрогала свою копию за руку. Правда, постановщики шоу признавались — голос провинциального саратовского актёра, исполнявшего роль лектора, пришлось дублировать: его фальцет совсем не подходил на баритон Филиппова. Зато у находившегося здесь же молодого, подающего надежды кинорежиссёра появилась идея эксперимента, и он предложил псевдо-Филиппову роль в своём фильме.

Напряжённость скоро исчезла. Гурченко спела песенку про пять минут. Рязанов вспоминал, что, мучаясь со своей первой комедией, каковой и была “Карнавальная ночь”, он мечтал лишь о том, чтобы его не убрали с постановки и дали поставить хотя бы ещё один фильм.

— А помните, Эльдар Александрович, был период, когда вы меня не снимали? — поддела Гурченко.

— Кто старое помянет... — мудро развёл руками Рязанов.

В самом конце сёстры Шмелёвы, исполнявшие в фильме, выражаясь современным языком, хит “Ах, Таня, Таня, Танечка”, посетовали на нелёгкую жизнь и дорогие лекарства.

— Не споёте ли вы нам? — ведущий Игорь Тихонов протянул сёстрам микрофон, а оркестр душевно заиграл знаменитую мелодию.

Песня и поставила точку в новогоднем эфире.

На следующий день одно авторитетное издание писало: “Канал “Лири-ТВ” всем нам, живущим в современном прагматичном мире, подарил сказку. Реалити-шоу “Лицевой счёт” явило пример неподдельного вкуса, чего сегодня так не хватает отечественному телевидению”.

Но настоящий звёздный час для Мамкина настал, когда лицензию на “Лицевой счёт” купила американская компания Sony Pictures Television International.

Костя начал продвигать шоу на международный телевизионный рынок сразу после премьеры. Надеясь на апрельскую ярмарку телевизионных программ в Каннах, он и не рассчитывал на такой молниеносный результат. Но предприимчивые западные профессионалы отреагировали мгновенно. Кроме Sony Pictures новым реалити сразу заинтересовались британская Fremantle и голландская Endemol. Эксперты назвали покупку прав на “Лицевой счёт” этапным событием для российского рынка телепрограмм: до сих пор страна традиционно выступала в роли крупного покупателя зарубежных телеформатов, и все известные здесь программы суть запущенные по лицензии международные аналоги.

Имя Мамкина становилось популярным. На организованной им пресс-конференции представители Sony Pictures говорили, что их привлекли оригинальная идея шоу и высокие рейтинги, зафиксированные при первом же показе, чего обычно в мировой практике не происходит. На вопрос журналистки “Известий”, за какими, по его мнению, телепроектами будущее, вице-президент американской компании, поправив галстук, ответил: “Реалити в чистом виде больше не актуальны. Это уже скучно. Просто ток-шоу тоже скучно. Сейчас всех интересуют проекты с совмещёнными жанрами. В чём-то это должно быть соединение документалистики, публицистики и реального шоу. Именно поэтому мы и покупаем ваш “Лицевой счёт”, который сочетает в

себе все названные мною элементы. И ещё: обычно каждая программа проектируется для какой-то конкретной аудитории. А “Лицевой счёт” в России смотрят все. В Америке тоже будут смотреть все”.

Словосочетанию “лицевой счёт” американцы нашли у себя в языке подходящий сленговый аналог, в США пустив шоу под названием “Face Value”. Трудностей с общим использованием “Тантамаресок” тоже не возникло: компьютерная программа сразу создавалась Борей Кербисом в расчёте на обработку изображений из любой точки земного шара, что соответствовало сути проекта.

Следом за американцами потянулись все бывшие союзные республики, кроме Туркменистана. За лицензию Мамкин заламывал цену по верхнему пределу, не идя на уступки, но на его условия соглашались: дефицит идей и человеческого ресурса для телекомпаний постсоветского пространства давно стал актуальнее финансового вопроса. Маленький узбек, обладатель круглого щербатого лица, долго с характерным выговором жаловался Константину Юрьевичу:

— Есть финансы, есть потребность рынка, все условия есть, а нету кадров у нас, нет людей, которые что-то делать могут.

— А куда кадры-то подевались? — смеялся Костя.

— Или деградировали, или к вам в Москву убежали. Сценаристов нормальных нет. Художников, чтобы думать могли по-современному, нет. Режиссёров нормальных нет. Чему учат вузы наши, не понимаю. А наш канал не учебное заведение, мы не можем воспитывать!

Затрачиваемые на производство шоу деньги возвращались к Мамкину с мультипликационной скоростью. Одной известной фирме спонсорский пакет “Лицевого счёта” встал в ту же сумму, что она отдала бы за спонсорство чемпионата Европы по футболу. Помимо того, Константин Юрьевич неумоимо эксплуатировал продукт-плейсмент: установливая скрытые камеры для съёмки сюжетов, техники “Лиры-ТВ” подбрасывали в кадр то пачку сигарет определённой марки, то бутылку знаменитого пива, то буклет известного турагентства. Не ленись попутно подбирать деньги, валяющиеся под ногами, Константин Юрьевич продал торговую марку “Лицевой счёт” сети салонов красоты.

Расхаживая по коридорам “Лиры” гоголем, он не скупясь раздавал интервью многочисленным масс-медиа, встречая журналистов словами: “А-а, конкуренты приехали”. Ему казалось, таким образом он делает коллегам тонкий комплимент, поднимая их до своей планки: на самом-то деле какие они ему теперь конкуренты. Те реагировали вялыми ухмылками, в душе презирая Мамкина за верноподданнические настроения по отношению к властям предрежащим, за боязнь любого смелого слова в эфире, за нежелание по-человечески платить своим ребятам.

Видя, как борзо у шефа пошли дела, Табашников пришёл просить прибавки к жалованью. “Сколько ж ты хочешь, чтобы я тебе платил?” — поморщился начальник. Сценарист без колебаний изобразил желаемую цифру на уголке блокнота: после появления своей фамилии в титрах “Лицевого счёта” он не испытывал недостатка в предложениях. Мамкин принял условие, понимая — никто сейчас не согласится выполнять ту же работу за меньшие деньги. А Табашников пишет интересно и профессионально. Более того, в отношении нового реалити Мамкин отступил от принципов любимой потогонной системы: заботясь о качестве, взял

в сценарный отдел троих хороших авторов. У Жени в кои-то веки появилась возможность работать в нормальном режиме.

Он вышел от начальства почти довольный жизнью, что с годами случилось с ним всё реже. Посмотрев на часы, отправился обедать в буфет. Шагая по запутанным коридорам АСК-3, улыбался знакомым. Вспомнил, как поначалу его поражало полное отсутствие логики в расположении останкинских помещений. Он и сейчас не знал, существует ли какой-то общий порядок всех студий, закуулков, лестниц и кабинетов телецентра.

Миновав парадную лестницу, украшенную индустриально-этнической мозаикой, Табашников разминулся с бойким молодящимся старикашкой в мешковатых брюках, из ушей которого обильно росли волосы. В руке старичок держал фотоальбом. Это был не совсем нормальный субъект Вилен Моршанский, привечаемый программой с философским названием “Nil mirari” и писавший в шестидесятые фантастические рассказы под псевдонимом Ким Роботов. Неумоимо рождая оригинальные идеи, Моршанский каждый раз был одержим новой. Табашникову особенно запомнилась его теория сексуальности шахматных фигур. Безумный Вилен утверждал, что их форма сама по себе очень сексуальна, и массовая привлекательность шахмат объясняется именно этим обстоятельством. Железобетонно подкреплял теорию тем, что на родине чаттаранги, в Индии, придумали и Камасутру. Неслучайно, говорил он, в пуританском СССР игра была столь любима: откуда, как не от нас, выходили лучшие шахматисты. Так народ при тоталитаризме сублимировал сексуальную энергию. Далее Моршанский не менее убедительно доказывал: в странах, где происходили сексуальные революции, шахматы былую популярность теряли. Как пример приводил современную Россию.

В последнее время Вилен носился с телекинезом, утверждая, будто овладел им в совершенстве. В доказательство предъявлял фотографии.

В лифте Табашникову посчастливилось ехать с видным оппозиционером Германом Платоновым. Платонову следовало бы запатентовать собственную форму оппозиционности. Никогда не декларируя того, что в данный момент не стояло бы на повестке дня у власти, он провозглашал свои тезисы так вызывающе, что его взгляды выглядели верхом гражданского мужества. Без него не обходился ни один митинг. Выкидывая перед собой кулак, мятежный Герман грозно призывал: “Долой коррупцию на государственном уровне! Мздоимцев-чиновников — за решётку!”. Или: “Правительство должно проявить в борьбе с рейдерством политическую волю! Оградить российские предприятия от уголовников в белых воротничках!”. Как следствие, ему не чинила препятствий власть, и держала за своего оппозиция. Платонов неплохо жил на американские деньги, пописывая в газеты статейки правозащитного толка и то и дело мелькая по “ящику”.

В буфете Женя взял котлету по-киевски. Ел невнимательно, не имея привычки относиться к еде слишком серьёзно. Скользнул глазами по обедавшему через два столика журналисту программы “Вести”. Махнул расплачивавшемуся за трапезу ведущему с НТВ. Едва кивнул расположившейся в дальнем углу Лиле Папуас, не помня, познакомили ли их лично. Табашников не уставал дивиться её фамилии. Он лично знал поэта Шведова, в газете работал с редакторшей Болгариновой, встречал телеоператора Французова, боксёра Молдаванцева, и не находил их фамилии странными. Но фамилия Папуас будоражила его эстетическое чувство.

А само имя Лилия явно досталось его обладательнице по ошибке. Все носящие его женщины, знакомые Табашникову, были куда спокойнее и

умнее. Недаром замечено — люди с одинаковыми именами внутренне похожи.

Лиля ела сосиски при помощи ножа и вилки, заботясь о том, какое впечатление производит на окружающих. Вот уж правда не в коня корм, подумал Табашников: её вызывающая худоба наталкивала на мысль о голодающих Африки и заболевании под названием анорексия.

К таким как Лиля Папуас обычно применяют выражение “широко известна в узких кругах”. Поработав после окончания филфака учителем русского языка, массовиком-затейником в санатории и инспектором райсобеса, Лиля решила, что для неё нет иной дороги как в большую литературу. Не желая мириться с пренебрежением серьёзных изданий к своему творчеству, она прытко возделывала вокруг себя псевдолитературное поле, создавая рассказы, романы и повести — всё, что должно числиться в арсенале крупного писателя. В рассказах по большей части речь шла о страданиях закомплесованной, всеми обижаемой девочки, за которыми угадывалось нервное детство самой авторши. Романы, выпекаемые Папуас в соавторстве с подругой под общим псевдонимом Нина Заречная, интриговали уже самими названиями: “Страницы с ядом”, “Заброшенная усадьба”, “Свинья и апельсины”. Тексты наивно свидетельствовали о любви авторш к произведениям Михаила Афанасьевича Булгакова: при каждом удобном случае со страниц пёрли вурдалаки и хлестала такая кроввица, которой могло хватить, чтобы на месяц оставить без заработка всех доноров Москвы и области. У почитавшего на своём веку Табашникова создавалось впечатление, что бесталанные литераторы всю жизнь неуклюже дописывают книги за любимыми писателями.

Помимо прозы Лиля Папуас сочиняла стихи и не чуждалась живописи, тужась тем самым подтвердить тезис, согласно которому талантливый человек талантлив во всём. Стихи положительно шли циклами и с эпиграфами по-латыни. О своих полотнах художница говорила не иначе как с употреблением конструкций “трагические диссонансы бытия”, “субъективность искусства”, “напряжённость образов”, “острота художественных решений”.

Когда число творений достигло критической массы, Лиля начала издавать книжное обозрение и основала литобъединение “Безумные глаголы”, взяв под крыло молодую поросль, в основном выпускающую из-под своего пера корявое фэнтези. Молодёжь, впервые услышавшая на занятиях литобъединения о понятиях “троп” и “гекзаметр”, заглядывала своей наставнице в рот.

Сочтя на определённом этапе, что создано уже достаточно, Папуас кинула тяжёлую артиллерию на раскрутку своих виршей, почему часто болталась по телецентру.

Табашников давно сидел у себя в отделе, а она всё резала ножом сосиски, мелко пережёвывая передними зубами розово-серую массу и глядя поверх голов.

Продолжение в следующем номере.

Ольга ГРИГОРЬЕВА

“Душа моя, озябшая синица...”

Небесные одуванчики

Облака — одуванчики Божьи,
 Парашютики, ниточки, пух...
 Незаметно подуи, осторожно,
 Чтобы этот закат не потух.
 Чтоб открылся таинственный ларчик —
 Тот, откуда летят облака.
 Солнца жёлтый степной одуванчик
 Отразила большая река.
 Так всё сказочно и невесомо,
 Что не страшен оставшийся путь.
 Взять с собой только Память и Слово.
 Одуванчиком в небо вспорхнуть.

“Поцелуй” Климта

Что за глупая, смешная отвага!
 Не подумав, так и в бездну летят:
 Целоваться над обрывом, оврагом,
 Безрассудно — даже пятки висят!
 Да такое может только присниться...
 Что он шепчет ей, какие слова?
 И стройна, и длиннонога девица,
 Запрокинута её голова...
 То ли девушки блондинистый локон
 Их опутал с головы и до пят,
 То ли нежности сияющий кокон —
 Даже искры золотые летят.
 Ах, бегу к тебе с душевным порывом,
 Ни минуты больше ждать не могу.
 Только так — над неизбежным обрывом,
 На цветущем сумасшедшем лугу!

Ольга Николаевна ГРИГОРЬЕВА

родилась в Новосибирске. Окончила факультет журналистики КазГУ, работает в павлодарской областной газете “Звезда Прииртышья”. Автор девяти поэтических книг и двух сборников очерков. Лауреат международной литературной премии имени Марины Цветаевой.

Постоянный автор “Нивы”.

Из цикла “Моя знакомая синица”

Крошки подбирать — что за проза!
Но голодным — как веселиться...
Ошалев совсем от мороза,
Села мне в ладони синица.

Хлеб клюёт из сумки — вот наглость! —
Прилетев за первой, другая...
Ах ты моя зимняя радость,
Птаха ты моя дорогая!

В этот жуткий холод острожный
Нас друг к дружке тянет и клонит.
Только выбирай осторожно
У кого сидеть на ладони.

Стираю даты, забываю лица.
Найдёшь моё письмо — прошу, порви.
Душа моя, озябшая синица,
Чего ты ждёшь ещё, какой любви?
Каких ладоней — нежных и надёжных —
Ты ищешь в середине декабря?
Прекрасно зная — это невозможно...
Живи на воле и люби, скорбя.
Коль нету золотого — что подушки!
Душа моя, птенец, доверься мне.
Не привыкай к обманчивой кормушке.
Не привыкай ни к веку, ни к стране.
Неволя многолика. Но свобода —
Она всегда единственна, одна:
Растаять точкой в бездне небосвода,
Познав любовь и ненависть до дна.

Словно птица в золочёной клетке —
Не летаю и не говорю.
Ушлый воробей клюёт ранетки.
Мягкие ранетки к ноябрю.
Схвачены морозцем... И настолько
Захотелось эту кисть погрызть,
Чтоб, как в детстве, было сладко-горько!
Сладко-горько, как любовь и жизнь.
Бусинки прозрачные на ветке...
Счастливы ты, беспечный воробей!
Светятся замёрзшие ранетки
Над судьбой и памятью моей.

... А мне лет двадцать, тебе лет сорок,
И смотрим мы из окна вагона:
В Кунгуре маленький кунгурёнок
По лужам шлёпает упоённо.

И чем на сердце мрачней и хуже,
Тем ярче в памяти та картинка —
Весенний поезд, Кунгур и лужи,
Малыш в промокших своих ботинках.

Жизнь разлетелась, как одуванчик...
Но я в порядке. И дом твой полон.
А мог быть нашим такой же мальчик.
Но только знака никто не понял.

Цветы

Цветов немного мартовских, апрелевых —
Подснежник, одуванчик-желтоцвет...
За ними май наставит клякс сиреневых,
Подарит нам черёмухи букет.
Акация цветёт — резная, липкая,
И вьюн свою развешивает прядь.
В соцветье каждом — волшебство великое,
И нам его вовек не разгадать.
Ну, может быть, пока играем в ладушки,
Мы понимаем — сердцем, не умом —
Застенчивую робость в первом ландыше
И звуки в колокольце голубом.
Останься в них! Из времени их выхвати!
Дождинки каждой принимая дрожь,
Цвети — и умирай по чьей-то прихоти...
Не зная, что весною оживёшь.

Мне сказал как-то повар знающий,
Отправляя жаркое в рот:
Надо сразу солить подобающе,
А досаливать — вкус не тот!
Так и в жизни. Она без глупостей
Будет пресной... Но всё ж, при том,
Надо делать их сразу, в юности,
Недосаливая потом.

Ночь в Судаке

Нотой “си” луна висит
Среди узких облаков.
Полуночное такси
Подбирает дураков.

Нет, в такую ночку, здесь —	Будет дразнить и мерцать,
Только под руку, пешком.	В темноте растворена.
И попутчика — коль есть —	Потихонечку к сердцам
Обвораживать стихом!	Пробирается она...
Если моря не видать,	А луна-то, посмотри,
Всё равно оно с тобой.	Превратилась в ноту “ре”,
Так незрима благодать	Освещая изнутри
Под названием любовь.	Эту крепость на горе.

Кем работаю?

Незатейлива
этой беседы нить.
— Кем работаете? —
спрашивают всерьёз.
Я работаю
кнопкой компьютера “сохранить”.
Я в стихах сохраняю всё.
Даже ваш вопрос.

Интернет, как и Бог, пишется с большой буквы,
И на шее носят флэшку вместо креста.
От ненужных знаний наши мозги распухли,
Только истина — неразгаданна и проста...

Вот и пришёл
Мудрый ответ:
Там хорошо,
Где нас — нет.
Там хорошо, где нет нас:
Рук загребущих,
Завистливых глаз...
Есть только души,
Тот свет.
Там хорошо.
Там нас — нет.

Дорожная песенка

Еду в седьмом купе.	И от своей судьбы
Спутники спят давно.	Спрячешься ты куда?
Ты не поверишь, но...	Встретимся всё равно —
Думаю о тебе.	В жизни? Внутри? Вовне?
Звёзды, как свечи, тут.	Ты посмотри в окно —
Взглядом прилипну к ним.	Та же звезда в окне.
Кажется, мы стоим,	Еду в седьмом купе.
Только леса бегут.	Что же так долог путь!
Только бегут столбы,	Еду к тебе, к тебе,
Шустрые, как года.	И не могу уснуть.

Даже если ехать со скоростью “двести” —
 То есть лететь по ночному шоссе —
 Звёзды всё равно остаются на месте,
 Не суетятся, как все.
 Крошево алмазное, солёная наледь...
 Стойте, полюбуйтесь, кто не успел!
 Видимо, раствор слишком крепкий налит,
 И на стенках колбы кристаллами сел.
 Эй вы, наверху, встряхните немножко
 Этот неподвижный ночной мирок,
 Чтобы полетела звёздная крошка
 На горячий красный степной песок.
 А куда лечу я, сама не знаю,
 Встречу? Потеряю? Опять найду?
 Но на горизонте в ладонь поймаю
 Самую большую свою звезду.
Дорога Астана — Павлодар.

Мелкими перебежками:
 Дом — магазин — назад...
 Беленькими орешками
 Сыплет на землю град.
 Что их бояться, градинок,
 Это не боль, а смех.
 Дождик холодный радует —
 Это ещё не снег.
 Встречи, любви — вешками.
 Чувствовала? Была?
 Мелкими перебежками...
 Так вот и жизнь прошла.

Слава в юности — это невиданно.
 Поживи, пострадай, поучись!
 Все мы — копии Мартина Идена:
 За признание платится жизнь.
 Как писалось, как пелось мне в юности!
 Но, увы, не читалось никем.
 Мол, оставь эти детские глупости,
 Нет серьёзных ни мыслей, ни тем...
 Но теперь, на последней излучине,
 Озирая нехитрый улов,
 Понимаю, что самые лучшие —
 Те смешные стихи про любовь.

Фантомные боли не лечатся.
 Жестоки врачи, но правы...
 Бессмертно — вообще — человечество,

А близкие смертны, увы.
 Когда это горе случается,
 Зачем объяснения мне.
 Фантомная боль начинается,
 Ведь часть моей жизни — в земле.
 Кусочек, от сердца отколотый,
 Покрытый цветами, лежит.
 А ночью в прокуренной комнате
 Болит, и болит, и болит...
 И вспомнишь, что было, что не было...
 Кто жив — тот всегда виноват.
 И вороны — в памяти, в небе ли
 От боли вселенской кричат.

... А когда всё зардеет, забагровеет, заохрится,
 Вот тогда лишь вступит осень в свои права.
 Но пока сентябрь. И дожди моросят, как водится,
 И ещё не печален лес, зелена трава.
 Ожидаем осень, как старость свою — с опаскою:
 Вдруг зарядит опять одинокий и серый дождь?
 Но раскрасит октябрь леса золотою краскою,
 И заплачешь — лишь от того, что ещё живёшь!
 Что была твоя жизнь короткой, пустой и грешною,
 Но являет Господь и тебе свои чудеса...
 И тоскою кроткой, светлой, почти нездешнею
 Сквозь листву золотую поглядят в тебя небеса.

Ю. П.

Ах, дела у нас с тобой совсем неважные —
 Мы последние писатели бумажные.
 Остальные сразу пишут в Интернет,
 А у нас с тобой такой привычки нет.

Всё-то водим по листочкам авторучкою...
 Потешаются над нами дети с внучкою,
 Мол, всё это, дорогие, прошлый век,
 И растает, как весной старый снег.

Только кажется, что ваше виртуальное,
 Вседоступное и, в общем, нереальное —
 Как возникло — и исчезнет в никуда
 (Вдруг останутся без света города!).

А листочки, а бумажечки — останутся
 И, возможно, драгоценностью окажутся.
 И прочтут тогда отца и мать...
 Если люди не разучатся читать.

г. Павлодар.

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Удар вне ринга

Повесть

Ерлику Маукеновичу Жарболову

I

У него была удивительная манера вести бой. Весь первый раунд, а зачастую и часть второго, он практически не наносил ни одного удара по противнику, танцую своими длинными ногами вдоль и поперёк ринга, он искусно изворачивался от прямых и боковых ударов соперника, ловко уходил из угла, когда его прижимали к канатам. Но и удары соперника редко доходили до цели. Это была изумительная игра ног, ни на секунду не переставая двигаться, он умело сохранял тем самым силы и азарт на заключительную, вторую половину боя.

И здесь он был непревзойдённым мастером контратак. Соперник, уже изрядно устав от безутешной гонки за ним в квадрате ринга, забывал в порыве боя вовремя отойти или вовремя защититься, и получал за это и хук, и кросс, и хлёткие боковые — слева и справа; или его коронную тройку — два удара в корпус и один боковой слева, два удара в корпус и один хлёткий боковой справа в голову.

За это умение держаться непринуждённо, не роняя внешне чувства собственного достоинства, его прозвали в боксёрских спортивных кругах интеллигентом ринга.

Он уже был чемпионом родного города и области, призёром республиканского ведомственного первенства и тем самым выполнил норматив кандидата в мастера спорта, а чтобы быть мастером спорта СССР, ему надо было дважды стать призёром зонального первенства или один раз призёром чемпионата страны. И это, в принципе, было по силам, но не было самоцелью. В двадцать один год он учился на четвёртом курсе механико-технологического факультета индустриального института и не собирался полностью и навсегда посвящать себя спорту.

Публика любила и ценила его манеру ведения боя, однако многим было непонятным то, что "интеллигент ринга" почти не атакует в первой половине встречи. Да и боковые судьи, беспристрастно судившие соревнования

**Бахытжан
Мусаханович
КАНАПЬЯНОВ**

— поэт, прозаик. Родился в 1951 году в Кокчетаве, в семье учителей. Автор многих книг поэзии и прозы, вышедших в Казахстане и за рубежом. Лауреат ряда международных литературных премий.

В юности занимался боксом. Был чемпионом Казахстана среди юниоров в 1969 г.

Постоянный автор "Нивы". Живёт в Астане.

разного уровня, не всегда должным образом оценивали его ловкий уход от, казалось бы, неминуемой атаки соперника, ибо в этом рисунке боя не было контратаки, которая непременно поставила бы всё на свои места.

Эта манера ведения боя, надо сказать, не всегда была на руку нашему герою и его тренеру. Стоило в начале встречи получить внезапно два-три внушительных удара, как весь его танец ног сбивался на элементарное топтание из угла в угол.

И такие бои он проигрывал вчистую. Это было редко, но случалось.

Он и его тренер знали и прекрасно понимали эту слабость и старались последними тренировками перед первенством республики свести к минимуму этот нежелательный подвох и риск на время предстоящих схваток.

“Интеллекта ринга” звали Сакен, а его тренера Макс Абдулович.

II

Максут Абдулович Булатов любил готовить своих подопечных не в целом командой, а каждого в отдельности. Из новобранцев он всегда выделял наиболее одарённых и по физическим данным, и по манере вести бой-спарринги со своими одноклубниками; а затем назначал им отдельные тренировки, при этом остальные молодые боксёры продолжали тренироваться в своё удовольствие, а не для спортивного мастерства.

За такой подход к своим обязанностям Максут Абдулович был не в почёте у местных властей, которым нужны были массовость и количественные спортивные показатели, а не отдельные спортивные личности, пусть даже очень талантливые. Потому и попадали в сборную области один-два воспитанника Максута Абдуловича. А тренером сборной всегда назначали Мусу Каримовича — за то, что он всегда ладил с начальством, готовил скопом нескольких боксёров, причём в каждой весовой категории у него были свои кандидатуры, не ахти как блестящие, но упорные и трудолюбивые. Но если попадали в сборную ученики Максута Абдуловича, то только в силу своих бойцовских качеств и спортивного таланта. Они вне всякого сомнения выделялись среди массы других боксёров. И доказывали своё преимущество в отборочных соревнованиях, и не только боями на ринге, но и интеллектуально были на голову выше соперников. В этом и была главная задача и цель их тренера — показать, что ты не только сильнее других, но и умнее, техничнее и хитрее. С этим, разумеется, считалось и спортивное начальство, включая в сборную одного-двух воспитанников Максута Абдуловича Булатова, или, как его называли близкие и друзья — “Дядя Макс”, а ученики — “Макс Абдулович”. И если попадали его воспитанники в сборную, то являлись бесспорными лидерами в своих весовых категориях и всегда становились призёрами республиканских соревнований.

И когда на одной из персональных тренировок Сакен отрабатывал серию ударов по мешку, элегантно скользя в боксёрках по спортивному залу, Максут Абдулович поздравил своего ученика:

— Сегодня утверждён состав сборной. Через десять дней открытое первенство республики в Караганде. Ты один включён в сборную от моей секции. Отправитесь поездом через Целиноград. А в эти дни усиленная тренировка — два раза в день. Сессию сдал?

— Один предмет остался, Макс Абдулович.

— Значит, будем считать, что сдал. Режим, диета, тренинг и ещё раз тренинг. Питание: каждый день печень, варёная и прожаренная, для резкости ударов. стакан сметаны утром, в обед обязательно кусок мяса, без жира. Джека Лондона, наверное, читал?

— Да, “Кусок мяса” и “Мексиканец”.

— Вот, помнишь, ему не хватило этого куска мяса, чтобы победить. Так что скажи матери, чтобы мясом и печенью кормила. На ночь кефир или соки. Не переусердствуй с питанием. Держи вес. Через день в парную.

Сакен был старшим в многодетной семье, жили после смерти отца тяжело, так что мясо в доме было не каждый день. Мать работала учительницей, и зарплата её была небольшой. Она очень ждала и надеялась, когда старший сын закончит институт и начнёт работать инженером.

Макс Абдулович, заметив невольный вздох Сакена, улыбнулся:

— Мать слишком не напрягай, по поводу провианта я пошутил. С завтрашнего дня ты считаешься на сборах, будешь получать талоны и питаться в кафе “Молодёжное”. Ну а завтра с утра на тренировку, а затем сдавай свой последний экзамен, получишь талоны на питание и опять на тренировку, а вечером в баню.

— А кто нас повезёт, Макс Абдулович?

— Как кто? Разумеется, Муса Каримович, — скрывая раздражение, ответил тренер. — Но ты не унывай, ему с тобой супы варить не придётся. Держись особняком, но слишком не выделяйся среди команды. Цель и задачи ясны — первое место и никаких других. Это твой шанс — стать через год мастером спорта СССР. Тогда и тебе, и твоей матери будет легче, да ещё диплом инженера защитишь.

— Ну диплом инженера я и без бокса получу.

— Ну дай, как говорится, бог. А мастера я из тебя сделаю, сахар в рот, — сказал любимую свою присказку Максут Абдулович. Затем, о чём-то задумавшись, с надеждой в голосе спросил воспитанника:

— А, Сакеша, может, переменишься, изменишь свою тактику?

— А зачем, Макс Абдулович, мне наоборот интересно, когда соперник атакует, а его атака уходит в пустоту, и при этом он силы теряет, а я берегу их для последнего, третьего раунда.

— Ох, доиграешься, Сакеша, чуёт моё сердце. А если наткнёшься на такого, у которого сил хватит на все три раунда, даже с избытком, а если соперник поймает тебя своей атакой, что тогда?

— Не знаю.

— Ну вот и я не знаю. Проявляй активность, начиная с конца первого раунда, чтобы у судей осталось впечатление твоей перспективы. У тебя дыхалка мощная, хватит и на все пять раундов, а не только на три, вот и атакуй уже в первом раунде. Такого тебе, конечно, Муса не посоветует, а я требую, чтобы ты исполнял установку своего тренера, ибо меня там рядом с тобой не будет. Понял?

— Понял, Макс Абдулович. Если честно, то мне действительно мало трёх раундов¹. Только развернусь, а бой уже заканчивается.

— Во-во, поэтому и начинай атаку, а если хочешь контратаку, то контратакуй, но уже в первом раунде, не дожидаясь, когда соперник выдохнется.

¹ Количество раундов и весовые категории даны по квалификации того периода.

- А у профессионалов сколько раундов, а, Макс Абдулович?
- Не знаю, кажется, двенадцать-пятнадцать, по-разному. Нет, “такой хоккей нам не нужен”, понял?
- Понял, Макс Абдулович.
- Что понял, профессионал?
- Буду контратаковать уже в первом раунде.
- Вот и лады. Молодец!

III

Сакен совершал вечернюю пробежку по набережной Иртыша и по пляжу. Заходящее солнце отбрасывало на песок длинные тени пляжных грибков и редких любителей вечернего купания. Ноги Сакена, пританцовывая, мелькали вдоль берега и в такт их танца мелькала и тень этих движущихся ног.

Сакен знал, как и многие другие боксёры, о давнем и скрытом соперничестве Макса Абдуловича и Мусы Каримовича, но старался не вникать в суть происходящего. Он при встречах с Мусой Каримовичем всегда корректно здоровался, тот также спрашивал об успехах в учёбе, правда, несколько раз шутя приглашал в свою секцию, но Сакен вежливо отказывался, ссылаясь на то, что живёт недалеко от спортзала, где тренирует Макс Абдулович, а потому он и пошёл к нему несколько лет назад, как и многие ребята из его округи, которую все в городе называли Казачьим краем.

Сакен разделся и искупался в тёплой вечерней воде Иртыша. Сборы проходили недалеко от пляжа, на территории бывшей татарской мечети, которая вот уже много лет как превратилась в детскую спортивную школу, и сейчас было лето, многие городские школьники разъехались по пионерским лагерям, поэтому школа пустовала. Члены сборной области тренировались здесь, в просторном зале, потолок которого венчал широкий купол бывшей мечети.

Сакен получил талоны на питание на всю неделю спортивных сборов. И питался исключительно тем, что советовал ему Макс Абдулович, с которым виделся каждый день, но в его секции, где в установленное время они вновь и вновь прорабатывали тактику предстоящих боёв. Макс Абдулович не жалел ни своего подопечного, ни себя и, надев лапы, часами гонял его по спортзалу, ребром лапы бил Сакена по открывающимся местам, заставляя закрываться и переходить в контратаку.

— Тройка, раз-два-три, хорошо, защищайся и переходи в атаку. Левый боковой, удар снизу, снова отходи и вновь атакуй. Хорошо!

Сакен, пританцовывая на длинных ногах, проводил серию ударов и вновь закрывался от внезапных ударов своего тренера.

— Это тебе не в сборной, этому тебя только здесь могут научить, сахар в рот, уму-разуму, — кряхтя и улыбаясь, садился устало на скамейку Макс Абдулович, весь в поту, но довольный, что его подопечный, его ученик, его Сакеша всё понимает и старается в поте лица. Да что там, в поте лица! Пропитаны потом были два спортивных шерстяных костюма, надетых один на другой, и вязаная шапочка — хоть выжимай.

— Хорошо, — довольный тренировкой, похлопал Сакена по плечу Макс Абдулович. — Ты пойми, Сакеша, ведь тренер растворяется в своих учениках. Ученик победил, а победа и его тренера. Ученик проиграл, а это значит,

большой просчёт его наставника. И когда мой ученик стоит на верхней ступени пьедестала почёта, когда он чемпион, то во всём этом есть определённая часть моей жизни. Пойми, главная и основная часть моей жизни и моей души. Я ставлю на тебя, никаких вторых или третьих мест. Только первое, только чемпион. Уразумел?

— Угу.

— Давай взвесимся, угу. И до завтра...

Сакен провёл несколько серий атак, находясь по грудь в воде. Плотность воды была хорошим подспорьем для выработки резкости удара. Затем, тяжело дыша, вышел из воды, не спеша оделся и направился домой, в сторону родного Казачьего края.

Его сверстники, парни из Казачьего края, признавали только два вида спортивных единоборств — бокс и борьбу. Поэтому уже в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет они по примеру своих старших товарищей записывались в эти спортивные секции, а спортзал бывшего военного городка, ставший спортивной базой индустриального института, находился вблизи Казачьего края, который всегда гремел по всему городу, порой наводя ужас и беспокойство на весь городской сад, где по вечерам устраивались танцы. Драки возникали в тёмных закоулках городского сада. И всегда верх одерживали ребята из Казачьего края. Правда, редко доходило до поножовщины, но стычки были, ибо территория горсада — эта их территория, ребят из Казачьего края, а пришлые и приезжие (ведь город рос и развивался) приходили на танцы из районов новостроек и тоже, как говорится, были не лыком шиты, отстаивали своё достоинство и право на танец жизни в этом ястребином городе — Павлодаре.

Многие выходцы из Казачьего края стали известными боксёрами и борцами — Темиртас Кудайбергенов, Тас Садырбаев, Анкеш и Серик Оспановы, Булат Абдрахманов, Касымтай Нуржанов, Абай Татиев, Максат Аяганов, Абай Садуов, Бирлан Толемисов, Серик Абикишев, Амангельды Кусаинов, Темиржан Амирбеков, Владимир Байкенов, Каиргельды Кабылдин, Бораш Ахмеджанов, Тулеген Суханкулов, один только Даниал Ахметов занимался велоспортом. В других районах города также были свои знаменитости, к примеру, Валерий Никитин и Игорь Довгань из центровых, Владимир Садыков и Владимир Вайсман из района Вторая Южная, Александр Зорин из Затона, Иван Шатковский из Усолок, Юрий Рожко, Георгий Калышбаев, Ризван Авазбакиев, Серик Аминов из района пятиэтажек...

И среди приезжих на новостройки Павлодара тоже было много известных боксёров, к примеру, бурят Василий Коновалов своей манерой ведения боя напоминал знаменитого Великтона Баранникова.

Многие тренировались у Рафаиля Гашевича Вахитова или у Александра Носонова, некоторые у Мусы Каримовича, а остальные у Макса Абдуловича. Борцы же тренировались у Василия Карпеца, Лугата Утешева и Батырбека Сейсенбекова.

И при встречах не только на ринге или на борцовом ковре, но и в присутственных местах, в кинотеатре, на танцах, здоровались между собой с чувством собственного достоинства. Был негласный кодекс чести, равный для каждой улицы или края; драться так один на один, двое одного не бьют, лежащего также не бьют, после танцев или зимой на катке, если кто-то из чужого района провожал девушку с родных улиц — не трогать, по

крайней мере, при ней. Этот неписанный кодекс чести почти никто не нарушал, ибо в противном случае нарушителя ждало всеобщее презрение, которое страшнее самой лютой кары.

Мальчишки зачитывались книгами Джека Лондона, а также “Джаксон остаётся в России”. Каково же было удивление Сакена, когда два года назад, выступая в Алма-Ате на ведомственном первенстве, он вживую увидел сына Сиднея Джаксона и не только увидел, но по воле случая он, Лев Сиднеевич Джаксон, судил его полуфинальный бой, в котором Сакен одержал убедительную победу, тем самым подтвердив звание кандидата в мастера спорта.

По воле небесного случая в ту самую пору одновременно в Алма-Ате проходило зональное первенство СССР, а фактически отборочный турнир, по результатам которого был составлен костяк сборной страны для поездки на Олимпиаду в Мехико.

Макс Абдулович приехал за свой счёт в Алма-Ату, поселил Сакена у своих знакомых, и они вместе всю неделю посещали этот зональный турнир. Какие там были имена! Парад звёзд отечественного бокса. Виктор Агеев, Великтон Баранников, Станислав Степашкин, Владимир Мусалимов, Абдрашид Абдрахманов, Байман Сакенов, Борис Кошевин, Олег Гуров, а среди судей — патриархи казахского бокса: Абдусалан Нурмаханов, Мажит Омаргалиев, Аскар Усенов... А тренеры? — Евгений Огуреев из Москвы, Николай Ли из Караганды, Шохр Бультек-улы, первый казахский мастер спорта по боксу, Анатолий Кадетов, Искандер Хасанов, Серик Абденалиев, Бекет Махмутов, Менгерей Хайрутдинов...

Сакен сразу и бесповоротно принял всем сердцем манеру ведения боя Виктора Агеева. Это от него он потом перенял грациозный танец ног во славу мастерства и умения держаться в квадрате ринга. Это от него он перенял — держать левую руку почти полностью опущенной вниз, вызывая тем самым соперника на безудержную атаку, а сам тем временем уклонялся и уклонялся, заставляя противника колошматить перчатками пустое пространство ринга. Но если международный мастер, кумир Сакена Виктор Агеев тут же начинал контратаковать, кружась вокруг соперника, то молодой и малоопытный ещё Сакен как бы растягивал это удовольствие, продолжая только ловко уходить от ударов соперника, оставляя ответные удары на вторую, заключительную половину боя.

Разумеется, в этом был и весомый шанс на победу, но в такой же степени в этом была для Сакена и уязвимая сторона поединка.

В силу своей природной мудрости всё это прекрасно понимал его тренер, Макс Абдулович, и он со всей убеждённостью добивался, чтобы это всё понял и осознал его лучший воспитанник Сакен.

Сакен в то лето сильно переживал за судьбу своего кумира, Виктора Агеева, когда из газеты “Советский спорт” узнал, что за драку в московском кафе “Лира” его исключили из сборной и дисквалифицировали, а его место в сборной занял классик отечественного бокса Борис Лагутин, который и стал олимпийским чемпионом...

Сакен по дороге домой зашёл в продуктовый магазин и купил сметану, кефир, а затем и килограмм коровьей варёной печени, как советовал ему Макс Абдулович. Часть талонов он поменял у кассира кафе на деньги, подарив ей за это шоколадку. Так поступали многие спортсмены, чтобы не бегать питаться только в это кафе, где были действительно эти талоны. А

имея наличные деньги, можно было перекусить и в другом пищеблоке и даже выкроить на билеты в кино. К тому же Сакен сдал сегодня последний экзамен за четвёртый курс и перешёл на пятый, дипломный, а также получил стипендию, так что домой шёл в весёлом расположении духа.

Мама встретила его неммым вопросом в глазах:

— Четыре, — показывая зачётку, отсалютовал Сакен.

— Айналайн сол², — ласково промолвила мама и поцеловала своего старшего сына.

Средний Бахыт и младший Еркен, несмотря на разницу в возрасте, на равных играли в шашки, споря и доказывая — каждый своё.

Еркен от радости, что их игру видит старший брат, лукаво прищуря глаз, воскликнул:

— Сакен, смотри, раз-два-три, — и чётко стуча по доске, срубил три пешки Бахыта.

— Всё, проиграл, — сокрушённо вздохнул он и смёл все шашки с доски. — Давай в уголки или в поддавки.

— Всё, хватит, будем ужинать, — решительно сказала мать и стала накрывать на стол.

— А печень зачем? — удивлённо спросила она.

— Тем, кто перешёл на пятый курс, выдают спецаёк — печенью, — отшутился Сакен.

— Ага, я знаю для чего печень. Чтобы резкость ударов вырабатывать, — встрял в разговор Бахыт, который по примеру Сакена тоже стал ходить в секцию Макса Абдуловича.

— Правда? — встревоженно спросила мама.

— Не знаю, но говорят, что кроме пользы вреда никакого.

— Вот закончишь институт, получишь диплом и оставишь меня, пошлют куда-нибудь по распределению и уедешь.

— Да, уеду и, между прочим, до получения диплома, — с серьёзным видом продолжал шутить Сакен.

На глаза матери навернулись слёзы.

— Да не слушай его, на соревнования он едет, в Караганду, — опять встрял всезнающий Бахыт.

Мама с облегчением вздохнула, махнула на сыновей рукой и сказала:

— А ну вас, давайте — ешьте.

Младшие братья Сакена, Бахыт и Еркен, тянулись к нему и всегда радостно встречали его, когда он возвращался после учёбы или тренировок. Бахыт, как и все младшие братья по Казачьему краю, стал тоже заниматься боксом, увязался за старшим братом. Макс Абдулович ничего интересного в нём не нашёл и дважды прогонял из секции, но упрямый по натуре Бахыт продолжал приходить в спортзал и тренироваться вместе со всеми. Макс Абдулович из уважения к Сакену махнул рукой и не стал обращать на него никакого внимания, пока на одном из спаррингов Бахыт, натасканный старшим братом дома, так провёл бой со старшим по возрасту соперником, что сам Макс Абдулович пожал ему руку и сказал:

— Тренируйся, а там посмотрим.

²Непереводимое ласковое обращение (каз.).

Вот так и тренировались братья всю прошедшую зиму и вместе возвращались тёмными вечерами домой, по дороге заходили в гастроном выпить по стакану томатного сока, а затем дома, на кухне, развешивали бинты и трико, пропитанные спортивным потом.

Младший, Еркен, удивил всех этой зимой на школьном турнире по шашкам. Он, ученик второго класса, победил всех старшеклассников и занял почётное второе место, уступив только десятикласснику Алдашу Ибадуллину, который вскоре стал чемпионом города по этим самым шашкам.

Еркен учился во вторую смену, а старшеклассники в первую. И когда было награждение чемпионов и призёров, преподаватель физкультуры Вера Петровна Переверзева вызвала второклассника Еркена. И он в сопровождении старшего брата Сакена, в валенках, ещё даже не пионер, весь пунцовый от мороза и гордости получил свою первую в жизни Почётную грамоту...

— Когда уезжаешь? — спросила мама Сакена, когда младшие братья легли спать.

— Через три дня.

— Надолго?

— На неделю.

— Осторожно там, на боксе, сильно не бей. Они такие же, как и ты, чьи-то сыновья.

— Хорошо, не буду сильно бить, — улыбнулся Сакен.

— И сам не получай, чтобы не было стыдно перед младшими братьями...

— Ладно, не буду получать, — вновь улыбнулся Сакен. — Ложись спать.

— Если рано проснёшься, там на столе я поставила стакан сметаны, а печень с картошкой пожарю.

— Спасибо, мама.

— Смотри, сынок, чтобы нос твой в порядке был. А то я видела по телевизору этих боксёров, у всех носы выбиты. А твоим гордился твой отец.

Сакен взглянул на себя в зеркало. За нос с горбинкой и выступающий кадык друзья его прозвали “кавказцем”, а покойный отец всегда любил целовать его в нос, с гордостью говоря: “В предков наших, в чингизидов из Тюре-Тумсука”.

IV

— Сакен, ты когда приедешь? — Меруэрт, староста группы, в которой учился Сакен, окликнула его, когда он забежал в штаб студенческого строительного отряда, чтобы уточнить — в какой совхоз они собираются ехать.

— Через неделю, а что?

— Нет, просто. Я с тобой в одном стройотряде буду, не возражаешь? — потупясь, спросила Меруэрт.

— А что мне возражать, если командир отряда берёт тебя.

— Никто меня не берёт, а я сама еду, — обидевшись, буркнула Меруэрт.

— Ладно, не обижайся, я просто так.

Они шли по аллее студенческого городка индустриального института, и Меруэрт было приятно, что известный спортсмен Сакен идёт рядом, а точнее она шагает рядом с известным спортсменом, гордостью их группы и факультета.

— Если нас вдруг не будет к твоему приезду, значит мы уже там, на объекте. Доберёшься сам. Не забудь взять свитер и куртку. А твою спецодежду я сама привезу, — по-свойски и деловито напоминала Сакену Меруэрт.

— Спасибо, Меруэрт. Надолго едем?

— Не знаю. Наверное, месяца на два.

Сакен уже дважды ездил в составе стройотряда на заработки. И привозил оттуда не только хорошие деньги, но и прекрасные песни Высоцкого и Окуджавы, а также воспоминания о ночном костре где-нибудь на берегу седого Иртыша.

— Ну, я пойду, — видя, что Сакен остановился, промолвила Меруэрт и махнула ему рукой.

— Хорошо, пока, — машинально ответил Сакен, а затем вдруг окликнул: — Постой, Меруэрт, а зачем тебе стройотряд?

— Как зачем? Просто, да и деньги мне лишними не будут. Ну, ещё, как это говорится, за туманом.

— А ещё зачем?

— А вот не скажу.

— Ну как знаешь.

— Пока. Смотри, чтобы приехал чемпионом, а то...

— А то что?

— Не видать тебе ни стройотряда, ни тумана. Да ещё одного человека...

Меруэрт, стуча каблучками, пошла в сторону района пятиэтажек, а Сакен поспешил домой, чтобы собраться и подготовиться к предстоящему отъезду.

“Хорошая она, Меруэрт, — невольно подумал Сакен. — Не знаю, но почему-то светло на душе становится, когда вижу её. Одним словом, без выкидонов, светлая и открытая”.

И Сакен догнал Меруэрт. Она удивлённо вскинула глаза.

— Меруэрт, — галантно дурачась, произнёс Сакен. — Учитывая, что едешь в стройотряд вместе со мной, я тебя приглашаю на прощальный обед.

— И куда ты меня приглашаешь? — улыбнулась Меруэрт. — А, рыцарь кожаной перчатки?

— В самое знаменитое кафе нашего города — “Молодёжное”.

Меруэрт взглянула на свои часики:

— Ну что же, я согласна.

Они дошли до улицы Первого мая, родной улицы Сакена, и сели в трамвай, который, стуча колёсами на стыках рельсов, повёз их, молодых и красивых, на улицу Куйбышева, где находилось кафе “Молодёжное”.

Трамвайную линию провели недавно, года два-три назад. И начиная с шести часов трамваи стучали колёсами за окнами дома Сакена, соединяя своим маршрутом два завода-гиганта — алюминиевый и тракторный. А когда-то, где проходит сейчас трамвайный путь, была выкопана траншея, где-то пять метров глубиной, для укладки трубы диаметром чуть меньше метра. Сакен, тогда ещё мальчишка, вместе с дворовыми ребятами пробирался по этой трубе из одного квартала на другой. Потом трубу засыпали, установили шпалы и рельсы, и ожил их Казачий край, многие парни, выходцы из этого края, стали работать на заводах, благо добираться трамваем можно было из одного конца города в другой...

Сакен предложил Меруэрт сесть возле окна. Время было предобеденное и кафе стало заполняться студентами и просто прохожими и другим людом.

— Сакен, мне только мороженое, — попросила Меруэрт. — А сам возьми что тебе по душе.

В кафе было уютно и прохладно. Играла лёгкая музыка, которая не мешала общаться посетителям.

— А ты знаешь, что музыка является своеобразным фоном для наших воспоминаний? Понимаешь?

— Не совсем. Объясни.

— Объясняю. Ну, к примеру, услышал какую-нибудь мелодию, и вдруг вспоминаешь, что эта мелодия звучала тогда, когда ты был там-то и там-то.

— Одним словом, там-там, — отшутился Сакен. — Ритмы Африки, а в Африке я не был.

— Ну, будешь. Какие наши годы! Поедешь куда-нибудь на соревнования. На Кубу, например.

— К Фиделю? Это можно. Тем более что там, на Кубе, классные боксёры. И наш, советский тренер Червоненко, из кубинских ребят создал целую плеяду боксёрских звёзд.

— А здесь, в Павлодаре, есть боксёрские звёзды?

— Не звёзды, а спортсмены. Есть! И все подают надежды. Но пока ещё нет своих чемпионов, даже республики, не говоря уже о стране.

— Ты будешь чемпионом. Ты — моя надежда, — улыбаясь глазами, тихо произнесла Меруэрт.

Сакен чуть не поперхнулся виноградным соком. Он был смущён, однако ему было приятно слышать такие слова от своей однокурсницы. Скрывая свои чувства, он произнёс известную боксёрскую фразу:

— Ринг покажет!

И, подозвав официантку, рассчитался на виду удивлённой Меруэрт талонами для питания.

— Это новые деньги, спортивные, — отшутился Сакен.

И они покинули уютное кафе, где продолжала звучать тихая, задушевная музыка.

V

Макс Абдулович, собрав боксёров своей секции в детском летнем парке, провёл, казалось бы, последнюю тренировку перед летними каникулами. А на самом деле, это были своеобразные проводы Сакена на столь ответственные соревнования.

Совершив разминку и пробежку среди клёнов и акаций детского парка, ребята выстроились для спарринг-боёв и ждали, когда Макс Абдулович разогреет Сакена, гоняя его на лапах на пяточке у лодочных качелей.

— Левый боковой, уход, и снова тройка — раз, два, три. Не просто танцуй, а загружай свой танец ног ударами контратаки.

Сакен уклонялся от резких выпадов Макса Абдуловича, который ребром лапы подбивал его локти, заставляя укрыться и вновь наносить удары на внезапно вскинутую лапу.

— Хорошо, хорошо! — кричал Макс Абдулович и продолжал наступать на Сакена, поднимая лапы — то правой, то левой руки.

— А теперь прощальный спарринг! Мухачи, готовы?

Два юных боксёра наилегчайшей весовой категории с улыбкой на лицах кивнули своему наставнику.

— Бокс! — дал команду Макс Абдулович, включая секундомер.

Мухачи с градом ударов накинулись на Сакена, который был в маске и стал изворачиваться, уходить от лёгких атак своих товарищей по секции.

Через две минуты Макс Абдулович заменил мухачей на боксёра легчайшего веса, а затем через этот же интервал на боксёра лёгкого, а затем полусреднего, и в конце, дав Сакену передохнуть, выставил против него средневеса, полутяжа и тяжа, то есть боксёров полутяжёлой и тяжёлой весовых категорий, каждому поочередно дав по одной минуте спарринг-боя.

— Вам работать с Сакеном только левой, — улыбаясь, напутствовал их неутомимый Макс Абдулович.

— А Сакену? — лукаво переспросил полутяж.

— А ему обеими на всю катушку!

Сакен понимал этот своеобразный ритуал проводов его на первенство республики и в душе был признателен тренеру и друзьям по секции. Он, галантно держась на ногах, лёгкими точечными ударами обозначал уязвимые места своих одноклубников, которые тоже боксировали с ним не в полную силу, просто проводили ту или иную серию ударов и защиту от них. Одним словом, это был показательный бой-спарринг в канун отъезда Сакена.

После окончания тренировки все гуськом побежали в сторону пляжа и там веселились от души, играя в пляжный волейбол, и вновь купались в прогретой воде Иртыша. А потом вместе с Максом Абдуловичем пошли в кинотеатр “Колос”, где показывали японский фильм “Гений дзюдо”. И Макс Абдулович был счастлив среди своих воспитанников, глядя, как они соперничают в гениальной игре Тосиро Мифунэ.

А после фильма все попрощались с Сакеном, пожелав ему доброго пути и успехов на ринге.

— Я не пойду на вокзал, — прощаясь, сказал Макс Абдулович, а затем, помолчав, добавил: — Я верю в тебя, Сакеша!

Сакен молча кивнул тренеру, всё ещё находясь под впечатлением фильма.

VI

Муса Каримович ехал с капитаном сборной Алексеем Купцовым, легковесом, в одном купе и бегло просматривал газеты. Не спалось. Все члены сборной разместились в одном вагоне по четыре человека в каждом купе, и только у него с Алексеем было купе на два места, две верхние полки пустовали. Так он договорился с проводником, сунув пятёрку в карман, шутя при этом сказав:

— Врема летнее, все на юг из Караганды, а мы, спортсмены, в Караганду в полупустом вагоне. Так что уважь, милейший, нам с капитаном отдельное купе.

Мусе Каримовичу не впервой возить сборную области на различные соревнования. И в Алма-Ату, и в Целиноград, и в Семипалатинск, да и в Караганду он не раз привозил и юниоров, и взрослых на различные турниры.

Но на этот раз был очень ответственный турнир — открытое первенство республики с участием известных боксёров Средней Азии. Можно сказать, зональное первенство страны. Чемпиону наряду с золотой медалью присваивается звание мастера спорта СССР. А в области ещё нет своих мастеров, одни кандидаты и перворазрядники. Муса Каримович любил проводить подобные анализы, сравнивая, сколько кандидатов и разрядников есть у того или иного тренера. У него самого был один кандидат в мастера в наилегчайшем весе, и того сманили в физкультурный институт в Алма-Ату. Турнир ответственный, это само собой, но ещё из головы не выходила одна существенная фраза, высказанная перед отъездом заместителем председателя облисполкома, курирующего спорт области:

— Если привезёшь чемпиона, выдвинем тебя на звание заслуженного тренера и добьёмся в Алма-Ате, через председателя Госспорткомитета, чтобы ускорил с утверждением. Он, между прочим, родом из наших мест..

Легко сказать “привезёшь чемпиона”, заворочался на полке Муса Каримович, здесь как бы третье призовое место суметь получить, а чемпион она... Не знаю, не знаю. На своих надежды никакой, надо откровенно сказать, а из чужих... Тогда придётся делить с их тренерами лавры славы. Конечно, я — старший тренер сборной, но победителем может стать воспитанник другого тренера. Тогда в первую очередь ему подавай заслуженного, а мне в лучшем случае грамоту облсовета, тяжело вздохнув, размышлял Муса Каримович.

Он встал с нижней полки и сказал засыпающему Алексею:

— Пойду, пройдуся по вагону, взгляну, что ребята делают.

Все члены сборной спали и только в купе, где находился Сакен, горел нижний свет.

— А ты почему не спишь?

— Читаю, Муса Каримович.

— Что читаешь? — Муса Каримович взглянул на обложку книги. — А, Чингиза Айтматова?

— Да.

— Ну как, нравится? Хорошо пишет?

— Очень.

— Слышал о нём, но читать не приходилось.

— А я вам дам эту книгу почитать, по приезде в Павлодар.

— Хорошо, спасибо, но ты гаси свет. Надо спать. Режим.

— Спокойной ночи, Муса Каримович...

VII

По жеребьёвке Сакену пришлось выступать с одной восьмой финала, а это значило то, чтобы пробиться в полуфинал, а затем и в финал, ему надо было преодолеть соперников и в одной восьмой финала, и в четвертьфинале, после чего наступали полуфинал и сам финал.

Но такая задача стояла не только у одного Сакена, а у всех его соперников, а также у всех членов сборной. Правда, некоторым счастливым удавалось миновать одну восьмую финала благодаря жребью и сразу попасть в четвертьфинал, а некоторым, в основном представителям лёгких весовых категорий, пришлось начинать бои с одной шестнадцатой финала.

Первый бой он выиграл относительно легко у малоизвестного боксёра из Кокчетава. Следуя советам Макса Абдуловича, Сакен стал часто применять тактику контратак уже в первом раунде, чётко и уверенно набирая очки. Секундировал ему Муса Каримович, порой обозначая его просчёты и давая советы, как их избежать в последующих раундах.

Когда рефери в ринге, собрав судейские записки, отнёс их к столику, где находился главный судья соревнований, Сакен был уверен в своей победе и молча поклонился публике, когда рефери после объявления результата боя поднял его руку.

— Молодец, отдыхай, — сказал ему Муса Каримович и проводил до раздевалки.

Сакен остался смотреть бои своих будущих и вероятных соперников, переодевшись и приняв душ. Особенно ему запомнился рослый боксёр из Узбекистана — хорошей физической подготовкой и очень хорошим дыханием, ибо он все три раунда атаковал своего соперника, хотя можно было и экономить силы для последующих боёв. Однако он атаковал и атаковал, правда, порою просто ввязывался в элементарную драку, без нырков и уходов, давил и давил на соперника, который уже сник во втором раунде и третий раунд в принципе был ни к чему. Всем было ясно, что узбекский боксёр на голову выше своего соперника. Сакен посмотрел на вывешенный плотный лист, на котором пирамидкой были обозначены пары соперников его весовой категории. При хорошем раскладе ему придётся встретиться с боксёром из Узбекистана аж в самом финале. “Будем внимательны и не станем делать поспешных выводов”, — подумал Сакен, глядя на лист предстоящих поединков.

А состав сборной области таял, как снег весной. В первом же бою проиграли пять боксёров его команды и трое из них — боксёры секции Мусы Каримовича. Он в актовом зале какого-то студенческого общежития, где расположились они ввиду свободных мест в летний период, устроил настоящий разнос, собрав всех, и тех, кто проиграл, и тех, кому ещё предстояло выступать на данном турнире.

На робкую просьбу одного из проигравших о том, чтобы остаться в Караганде до конца соревнований, поучиться и посмотреть чужие бои, Муса Каримович ответил резким отказом и в ту же ночь отправил домой неудачников.

Ближе к вечеру того дня Сакен после лёгкой тренировки пошёл в русскую баню, чтобы хорошо пропариться и сбросить лишний килограмм веса.

В клубах водяного пара, который расстилался по гулкому пространству, проступали редкие посетители бани и парной. День был будничным, не субботным, потому народу было мало, не то что в конце недели, когда вытягивалась длинная очередь любителей хорошо пропариться после недельного труда.

Сакен поднялся на верхний полоч парной и, изрядно поистязав себя берёзовым веником, блаженствовал, стараясь не думать о предстоящих поединках. Он вспомнил отца, который водил его в баню, что находилась на берегу Иртыша, вблизи городского пляжа. А если в этой бане был санитарный день, то тогда девятым маршрутом автобуса ехали в городок Алюминстроя, где тоже была баня, в которой, выстояв длинную очередь, Сакен вместе с отцом степенно раздевался у шкафчиков раздевалки и затем

они заходили в просторный зал моечной, где у некоторых мужиков проступали на торсе и на груди татуировки от русалок и женских имён с витиеватыми узорами до профиля Сталина.

Сакен, сидя у шайки с мыльной водой, видел, как разгорячённые, с красными лицами и спинами, к которым прилипали листья веника, выбегали эти мужики из парной и, задыхаясь, падали на каменный настил, а затем, отдохнув и отдышавшись, вновь заходили в парную и плескали ковшом холодной воды на горячие камни, от которых исходил почти невидимый пар, пробравший до самых костей.

А после бани они с отцом, выпив по стакану газированной воды, одухотворённые, шли к автобусной остановке, и уже дома мама поила их свежим ароматным чаем со сливками.

Отец однажды рассказал Сакену о своей встрече с легендарным борцом Хаджимуканом Мунайтпасовым. Это произошло там, где земли Омской области граничат с Северным Казахстаном, в Черлаке и в Щербакуле. Там отец Сакена в тридцатых годах работал учителем в областной казахской школе. И знаменитый борец, чемпион мира, друг и соратник Ивана Поддубного, Хаджимукан привёл свою высокорослую дочь Софью в школу и сказал молодому учителю, будущему отцу Сакена:

— На других детей надежд никаких, только она в меня, доверяю её тебе. Учи, чтобы стала образованным человеком.

Отец Сакена был также близко знаком с Исой Байзаковым, великим казахским акыном-импровизатором и профессиональным поэтом, который привозил ещё со времён Кулундинской ярмарки в родное для отца Сакена поместье Тюре-Тумсук замечательного певца Амре Кашаубаева и великого борца Хаджимукана...

Сакен после третьего захода в парную передохнул в раздевалке и стал спешно одеваться.

Банный комплекс находился недалеко от общежития, где остановилась его сборная. Сакен решил пройтись по вечернему проспекту города, который уже зажгёт свои фонари на бульварах и в скверах.

По дороге Сакен вновь углубился в воспоминания своего детства. Он вспомнил, как в середине пятидесятых годов отец впервые взял его в Москву. Как ехали они поездом, минуя большие города и малые станции, как ненадолго останавливались на узловых и сортировочных, как проезжали великую реку Волгу. И после долгого четырёхдневного пути встречал их на Казанском вокзале брат отца, полковник авиации, лётчик-связист дядя Мажит Бураханов. Как разместились в его небольшой квартире, что была возле Измайловского парка. Как ездили вместе с сыном дяди Мажита Борисом на Красную площадь. Отец должен был уехать из Москвы на отдых в Крым и на обратном пути забрать Сакена. Сакен в ночь отъезда отца тихо подошёл к его кровати. И отец почувствовал предстоящую грусть разлуки своего сына и крепко-накрепко обнял его, понюхав его затылок. А когда он вернулся и дядя Мажит пошёл провожать их на Казанский вокзал, то перед посадкой на поезд подарил ему, Сакену, большую картонную коробку, на которой красовался фильмоскоп, а также дал на прощание несколько диафильмов: "Архимед Вовки Гришина", "Зайка-зазнайка", "Сын артиллериста". Сакен от несказанной радости был на седьмом небе. И когда приехали они с отцом домой, он собрал всех дворовых мальчишек и в тёмной комнате на белёной стене, сменяя друг друга, начали проступать кадры

диафильмов с надписями внизу, которые старшие из ребят, затаив дыхание, читали вслух, чтобы всем были понятны сюжет и действие.

Как давно это было, взгрустнул Сакен, и отца уже пять лет как нет с нами, и кончилось моё детство, и я уже за взрослого в доме, где есть ещё младшие братья. Как давно это было...

Сакен, чуть пружиня, подскочил и боковым ударом левой руки сбил кленовый лист с верхней ветки дерева. Проходящая мимо молодая пара с удивлением взглянула на Сакена, который, смущённо улыбнувшись, пошёл быстрым шагом по вечерней аллее.

И уже у себя в комнате, которую освещали только законные огни ночных улиц, Сакен вновь вспомнил безвременно ушедшего отца, простого учителя истории, вспомнил, как однажды в конце пятидесятых к ним домой пришёл пожилой человек. Отец, увидев его, обнял, и долго они так стояли у порога, обнявшись, молча, не проронив ни слова. Сакен успел тогда заметить на его ногах диковинную для здешних мест обувь — унты. Потом уже, к вечеру, когда стали заходить родственники и соседи, стало известно, что это близкий родич отца, который долгие годы жил там, где люди ездят на собаках. У него на правой руке не было четырёх пальцев. Но как он играл одним только большим пальцем! И звуки домбры, заполнив пространство дома, изливали его печаль по прожитым в далёкой ссылке годам. И женщины, готовя бешбармак на кухне, вытирали краем платка набегавшие слёзы. Родичи говорили, что он видел деда Сакена, хорошо знал Ису Байзакова и часто пел его песни.

Сакен не раз спрашивал у отца о своём деде, потому что, когда он приезжал в аул Тюре-Тумсук, где проживали родственники отца, его родные и двоюродные братья и сёстры Исахан, Кабыш, Ныгман, Досжан, Имаш, Тулебай, София, Насипа, Зубайке, Майкеш, все они, дяди и тёти Сакена, целовали его, вспоминая деда-хаджи. Сакен любил рыбачить на реке Карасу, и аульчане прозвали его за это Балыкбаем, то есть любителем рыбы и рыбалки.

Отец неохотно отвечал на настойчивые расспросы Сакена. Говорил, что его дедушка ещё в начале века совершил паломничество в святые места мусульман — Мекку и Медину. А затем учил детей аула в своей школе-медrese. И за это, в начале тридцатых годов, был арестован. И дальше его судьба неизвестна. Но однажды, проходя мимо белой тюрьмы, что находилась в центре города ещё с царских времён, отец невольно закрыл рукой глаза и тихо сказал Сакену:

— Вот здесь погиб твой дедушка...

VIII

Четвертьфинальные бои проводились утром до обеда и после двухчасового перерыва до позднего вечера. Сакен красиво провёл бой с боксёром из Киргизии, провёл в своей привычной манере. Он уходил от соперника, изматывал его, но не контратаковал в первом раунде, полностью доверив себя танцу своих ног. Зрителям пришлась по душе манера ведения боя Сакена, они аплодировали умелому уходу от ударов соперника, от души смеялись, когда соперник Сакена проваливался в пустоту, нанося удары по воздуху, мимо цели. А когда Сакен с конца второго раунда, верный своему амплуа, стал всё активнее и активнее контратаковать, зал ревел от

восторга. И проводил Сакена долгими аплодисментами после его убедительной победы.

Вечером, когда все собрались, на Мусу Каримовича было страшно смотреть. Он угрюмо ходил из угла в угол, вздыхал, а со своими подопечными даже не стал разговаривать. И было отчего. Из оставшихся шести боксёров выбыло четверо. И все — ученики Мусы Каримовича. Только двое продолжали вести свой боксёрский марафон к заветной цели. Молодой, подающий надежды боксёр Рамазан Досжанов из Иртышского района, ученик известного сельского тренера Евгения Ужгина. Его подопечный имел мало опыта, но был азартен, упрям и физически хорошо развит. Он победил в отборочном турнире области. И его по праву включили в сборную, однако особо не надеясь на его успехи. А он взял и доказал, в первую очередь самому себе, что может достичь хороших результатов, живя не в городе, а в сельской местности. Плавное, чтобы рядом был хороший тренер.

А Евгений Ужгин был именно таким тренером. Сакен, видя состояние Мусы Каримовича, подошёл к нему:

— Не переживайте, Муса-ага, мы с Рамазаном постараемся и за себя, и за ребят по сборной...

— Да-да, — машинально ответил Муса Каримович, а потом, оглянувшись на своих подопечных, вдруг зло выпалил:

— Козлы! Вам не боксировать, а только талоны проедать и меня позорить.

Потом подозвал капитана сборной Алексея:

— Вот тебе деньги на билеты до Павлодара. Поедешь сегодня с этими, — и он показал на остальных своих питомцев, — и с глаз моих долой. Дома поговорим...

Сакен позвал Рамазана в спортзал, что находился в соседнем здании, потренироваться, побить мешок и “грушу”, а заодно и проверить вес.

По дороге в спортзал Сакен поздравил парня с успехом, с выполнением нормы кандидата в мастера. А сам он, выйдя в полуфинал, вновь подтвердил это звание.

— А Муса Каримович меня не поздравил почему-то, — с долей грусти пошутил Рамазан.

— Если честно, ему не до тебя. Зато другие поздравят. И в первую очередь твой тренер Ужгин.

Сакен погонял на лапах Рамазана, от души побил мешок и перешёл на любимые упражнения на скакалке. Какие только движения ни делал он, пружиня на носках, крутил тазом влево-вправо, увеличивая и увеличивая обороты скакалки, пока она не слилась с вечерним воздухом спортивного зала и стала почти невидимой, только был слышен свистящий звук шнура скакалки.

— Здорово! — восхищённо воскликнул Рамазан.

— В бою главное не только руки, но и ноги. А может быть, даже ноги главнее, чтобы лучше провести серию ударов руками.

Сакен взвесился и убедился, что с весом всё в порядке. Какие-то лишние двести-триста граммов сгорят за ночь.

Сакен выступал во втором полусреднем весе, до 67 килограммов. В этой весовой категории начинал выступать и Виктор Агеев. Сакен видел в этом некий знак и на тренировках, вспоминая танец ног своего кумира, старался в этом подражать ему.

После принятия душа они пошли к себе, на второй этаж общежития, где на всём этаже их осталось только трое: Муса Каримович, Сакен и Рамазан.

IX

Пирамидка боксёрских пар, состоявшая из фамилий боксёров, тянулась к своей вершине — к финалу; оставляя внизу зачёркнутые фамилии проигравших.

Полуфинал в каждой весовой категории составляли две пары боксёров. Проигравшие становились обладателями бронзовых наград, а победители выходили в финал, в котором выигравший становился чемпионом, а проигравший довольствовался вторым местом.

Сакен в полуфинале встречался с алмаатинцем Василием Хруновым, с которым уже боксировал два раза, год или два тому назад. В первый раз проиграл по очкам, а через год выиграл. И вот их третья встреча.

Рамазан выступал в полулёгком весе, до 57 килограммов. Сакен, несмотря на то, что ему тоже предстоял серьёзный бой, но на два часа позднее, чем бой Рамазана, попросил Мусу Каримовича просекундировать Рамазана, который к нему привязался, как к старшему брату, и не раз с обидой говорил, что Муса Каримович не занимается с ним, не готовит его к бою и вообще ведёт себя очень странно.

— Как хочешь, — безучастно ответил на просьбу Сакена старший тренер сборной области.

Видно было, что Рамазан очень волнуется, когда Сакен вывел его в ринг и помог укрепить капу во рту.

— В первом раунде осмотришь, не иди на рожон. Помни, что ты всё сможешь и дома тебя ждёт тренер Ужгин с победой.

Соперник Рамазана оказался известным и опытным боксёром, мастером спорта из Семипалатинска. Он в первом же раунде провёл несколько точных серий и приобрёл значительное преимущество над молодым и неопытным Рамазаном. Видно было, что Рамазан сгорел, сгорел задолго до боя, как только увидел, с кем ему придётся сразиться. Сакен досадовал, видя, что Рамазан вместо того, чтобы уходить и переходить в контратаку, вбивается в клинч, где опытный соперник вновь и вновь набирает очки, нанося ощутимые удары в корпус и в голову.

Рамазан проиграл, но выглядел достойным бойцом на турнире такого уровня. Он плакал, когда Сакен расшнуровывал его перчатки:

— Ничего, братишка, третье место в твои годы — это большой успех, — успокаивал его Сакен и отвёл в раздевалку, где спустя некоторое время стал сам готовиться к полуфинальному бою.

Хрунов и Сакен знали друг друга, встречались не раз на ринге. Поэтому сразу после команды рефери “Бокс!” они стали плести свой узор боя. Первый раунд был равным. На все выпады Хрунова Сакен, маневрируя, уходя нырком от боковых ударов, переходил в контратаку. Зрители уже полюбили Сакена за его манеру ведения боя и стали его поддерживать криками и возгласами. А в его углу за канатами на месте секунданта сидели с безучастным видом Муса Каримович и угрюмый от своего поражения Рамазан. И это всё в какой-то мере вывело Сакена из равновесия и он сам вопреки своей тактике устремился в атаку.

“Сам атакуй, сам контратакуй, не надейся на свои ноги”, — вспомнил он слова Макса Абдуловича. И с перевесом в одну-две серии классических ударов выиграл второй раунд.

А в третьем раунде он был верен себе и, видя уставшего Хрунова, продолжил свой танец ног, который был коньком Сакена, контратакуя, уклоняясь то влево, то вправо.

И он победил. Ему было вдвойне приятно, что секундировал Хрунову сам Абдрашид Абдрахманов, который являлся бессменным членом сборной не только республики, но и страны, и поэтому он не участвовал в этом турнире.

Они обнялись с Хруновым, а когда он по традиционному кодексу бокса подошёл к Абдрахманову, протягивая две руки, тот поздравил его с победой, хлопнул по плечу и сказал:

— Молодец!

Муса Каримович тоже поздравил его с выходом в финал, но как-то сухо, без сердечной доброты, зато Рамазан, забыв про свой недавний проигрыш, от всей души радовался победе своего старшего товарища и, обнимая Сакена, смеясь и радуясь, проводил до самой раздевалки.

Но Сакен не стал переодеваться, в той же форме, в майке и в спортивных трусах, лишь сняв с кистей рук бинты, вновь поспешил к рингу, где уже начался второй полуфинальный бой Анвара Саидмамедова с карагандинцем Нурланом Оспановым.

Зал гудел и шумел, болея за своего земляка. Стоял невообразимый гул. И каждый удачный удар Оспанова зал встречал рёвом одобрения, а каждый удар его соперника свистом и топотом ног. Такова диалектика спортивного состязания: дома, как говорится, и стены помогают.

А Караганда всегда славилась своими боксёрами — Казбеком Ашляевым, Эдуардом и Ренатом Матросовыми, Юрием Селивёрстовым, Виктором и Владимиром Каримовыми.

Первый раунд был за Оспановым, но с небольшим перевесом. Во втором раунде узбекский боксёр, чувствуя, что теряет нить боя, с открытым забралом пошёл на соперника и, несмотря на мощную поддержку болельщиков его соперника, переломил ход боя, заставил того всё чаще и чаще закрываться в глухую защиту, тем самым вызывая недовольный рокот зрителей. А в третьем раунде, оказывая отчаянное сопротивление и пытаясь наверстать упущенное преимущество, карагандинец пошёл на открытый обмен ударами. Боксёры цеплялись в клинче, размазывая картину боя. Рефери не раз пытался разнять их отрывистым вскриком то “Брэк!”, то “Стоп!”. Однако из-за шума гудящего зала боксёры не слышали этих команд и продолжали в клинче наносить удары.

В одном из таких эпизодов Нурлан Оспанов рассёк бровь. Кровь текла на глаза и лицо, мешая ориентироваться на ринге. Рефери дважды останавливал бой, вызывая к рингу врача. Если в первый раз врач ватным тампоном чуть приостановил кровотечение и прикрыл рану лейкопластырем, то во второй раз он категорически покачал головой, утверждая тем самым, что бой продолжать невозможно.

Зал притих в ожидании вердикта судейской коллегии, и когда судья-информатор при гробовой тишине громко объявил:

— В виду невозможности вести бой победа присуждается Саидмамедову, Узбекистан, — по залу прокатился гул недовольства, разочарования и обиды.

Таким образом, соперник Сакена стал известен — мастер спорта из Ташкента Анвар Саидмамедов.

Вечером Сакен пошёл с Рамазаном в местный кинотеатр на какой-то фильм, а после фильма они возвратились к себе в общежитие. Завтра день отдыха перед финалом. Сакен заранее распределил весь завтрашний день: утренняя тренировка в спортзале, завтрак, поход по магазинам, чтобы купить что-нибудь из подарков маме и братьям, надо не забыть и Макса Абдуловича, мысленно добавил он. Обед. Вновь тренировка. Лёгкая пробежка перед сном. И всё. Сон — и финал.

В дверь постучали. Вошёл Рамазан.

— Сакен, я завтра целый день рядом с тобой буду. Хорошо?

— Давай в спортзале проведём небольшой спарринг, а затем походим по магазинам. купишь что-нибудь своим родным. Идёт?

— Идёт.

— Ты для награждения, что будет в день финала, надень костюм, галстук. По телевизору будут показывать. Может, свои увидят.

— У нас пока нет телевидения, но говорят, что скоро будет.

— Ничего, в газетах напишут. Всё равно узнают, что ты занял почётное третье место.

— Третье — это не первое.

— Да, третье — это не первое, — вздохнул Сакен, размышляя о предстоящем поединке. Он в мыслях перебрал весь бой Саидмамедова с Оспановым и пришёл к выводу, что узбекский боксёр очень сильно устал в этом бою, бой был изнурительным. И всё же у него были мощная “дыхалка” и хорошие физические данные. Но Сакен заметил, что его будущий соперник не слишком обращал внимание на постановку ног. На помосте ринга он устойчиво стоял всей ступнёй, не пританцовывая и не поднимаясь на носки, и двигался хоть и уверенно, но медленно, в любую секунду готовый наносить сокрушительные одиночные удары и принять, если это надо, без уклонов и отходов, удар соперника, надеясь только на свою твёрдую поступь по квадрату ринга.

Да, такого не свалишь, придётся действовать на контратаках. И как учил Макс Абдулович, уже с первого раунда...

В комнату без стука вошёл Муса Каримович. Чувствовалось, что он был навеселе и от него разило перегаром.

— А-а, мои призёры и будущие чемпионы, — нервно смеясь, воскликнул он. — Ну как настроение? Вижу, что хорошее, боевое...

— Муса Каримович, вы бы поздравили Рамазана. Это его первый успех.

— А что не поздравить?! Поздравляю, получил звание кандидата в мастера. Ужгин в честь тебя барашка зарежет, у вас ведь там много, в Иртышске, баранов, ягнят.

Рамазан насупленно молчал, сидя на кровати рядом с Сакеном.

— А ты, Сакен, уже лавры чемпиона примеряешь, а? Будешь первым чемпионом от нашей области. Разве не так? Тебя уже пресса ищет, телевидение, журналисты. Как же, как же! А твой психолог Макс бродит там по Павлодару и ничего не знает. А все лавры ему. А кто вас привёз сюда? Я, старший тренер сборной, Муса Каримович...

Он не давал парням и рта раскрыть. Всё нёс какую-то ахинею, не стесняясь никого, лишь ходил по комнате из стороны в сторону.

— Давайте я вас провожу, ложитесь спать, отдыхайте, Муса Каримович.

— Куда ты меня проводишь? На заслуженный отдых? А-а, — пьяно улыбаясь, невнятно произнёс Муса Каримович, — не надо меня провожать, не надо...

И, шатаясь, вышел из комнаты Сакена и пошёл по длинному полутёмному коридору.

Сакен проводил его взглядом, дождался, когда тот откроет дверь своей комнаты, и обратился к Рамазану:

— Не обращай на него внимания. Выпил человек из-за того, что никто из его ребят не пробился даже в полуфинал.

На следующее утро в дверь комнаты Сакена настойчиво и требовательно постучали. Пришли телевизионщики. Сакен наскоро оделся и вышел в коридор.

— Мы второй день разыскиваем вас, — сказал молодой парень-журналист, рядом с ним была симпатичная девушка-ассистентка. — Мы с телевидения, готовим большую программу об этих соревнованиях. Не могли бы вы принять участие в этой программе или дать нам интервью?

Сакен сказал, что сразу после финала уезжает, а интервью может дать прямо сейчас.

— Хорошо, тогда мы будем ждать у спорткомплекса, где находится наша передвижка.

Сакен был краток в своём интервью, но отвечал на вопросы ясно и внятно. Правда, когда его спросили, что он ждёт от предстоящего финала, Сакен уклончиво ответил:

— Ринг покажет.

После интервью Сакен подумал, что его, возможно, увидят мама и братья на экране телевизора. А если не увидят, то всезнающий братишка Бахыт всё равно узнает об этом и со всеми подробностями расскажет домашним. Сакен улыбнулся, вспомнив своих родных.

Сакен и Рамазан после утренней тренировки, где больше занимался он, а Рамазан просто был рядом, для компании, вышли на центральный проспект города, чтобы купить своим близким гостинцы.

В галантерейном отделе одного из больших магазинов Сакен вспомнил о том, что Макс Абдулович большой любитель галстуков, разных и всевозможных оттенков и цветов. Сакен выбрал тёмно-синий галстук в косую белую линию. Рамазан, не отставая от старшего товарища, тоже стал долго выбирать галстук для своего тренера Евгения Ужгина.

— Возьми такой же, только в красную полоску, — посоветовал Сакен, — чтобы отличались наши тренеры между собой.

Рамазан с доброй улыбкой взял предложенный Сакеном галстук, и они пошли дальше по торговым рядам.

В чайном отделе у Рамазана разгорелись глаза:

— Сакен, смотри, цейлонский чай продают, — указывая на жёлтые пачки с изображением слоника, воскликнул Рамазан, — у нас, в ауле, его называют “саулем-чай”, искажая слово “цейлонский”.

Сакен, взглянув на длинный хвост очереди, которая шумела и гудела, покачал головой:

— М-да! Нам и полдня не хватит, чтобы купить этот чай, а у меня ещё вечером тренировка.

— Сакен, ну давай я постою в очереди, а ты потом подойдёшь, — продолжал его уговаривать Рамазан.

И тут кто-то из очереди, видимо, большой любитель бокса, потянул за рукав Сакена.

— Это вы вчера победили в полуфинале?

— Он, он, — радостно закивал Рамазан.

Какой-то мужчина настойчиво тянул их, чтобы они встали впереди его.

— Почему без очереди? — взвизгнула какая-то женщина.

— Они боксёры, — громко и решительно объявил мужчина, — им нет времени стоять в очереди, им надо тренироваться и выступать.

Очередь, пошумев, недовольно раздвинулась перед Сакеном и Рамазаном.

— Сколько вам, — улыбаясь, спросила продавец, миловидная девушка в белом халате.

— Мне? Так мне, — замешкался от несказанной удачи Рамазан. — Десять... нет, двадцать пачек.

— И куда столько? Спекулянт, небось, — не унималась женщина.

— Да какой он спекулянт, — перебил её Сакен. — Просто берёт на весь аул, где годами нет этого чая.

Сакен тоже взял пять пачек цейлонского чая и разноцветную жестяную чайную коробочку с двойной верхней крышкой. Мама любила хранить чай именно в таких коробочках.

Довольные покупками, они вышли на улицу. Рамазан сиял от счастья, вспоминая имена всех близких родственников аула, кому персонально он вручит по пачке этого самого "саулем-чая".

Сакен по дороге в общежитие зашёл в магазин спортивных товаров, где купил для братьев спортивную сумку и шашки.

— А это тебе, от меня на память, — сказал Сакен Рамазану и вручил ему трёхцветную шариковую ручку. — Будешь писать мне письма о своих спортивных успехах.

— Спасибо, Сакен, — в добрых глазах Рамазана сквозила братская благодарность.

Х

Финальные бои начались в десять часов утра. Был воскресный день, и в спорткомплексе не было свободных мест. Многие из болельщиков уже узнавали Сакена и желали ему только победы, тем более они были недовольны результатом поединка Анвара Саидмамедова с их земляком Нурланом Оспановым и по принципу землячества желали победы только Сакену.

Выступало одиннадцать финальных пар, по количеству весовых категорий. После каждого финала на пьедестал поднимались чемпион и обладатель золотой медали, проигравший ему в финале получал серебряную медаль, а проигравшие им в полуфиналах два боксёра становились бронзовыми призёрами.

Сакен поздравил Рамазана, когда он с бронзовой медалью на шее и с почётным дипломом за третье место смущённо зашёл к нему в раздевалку. Видно было, что он горд своей первой в жизни высокой наградой.

- Поздравляю, братишка, так держать. Давай, иди в зал, не мешай мне.
- Сакен, я буду рядом с Мусой Каримовичем.
- Хорошо, хорошо, иди.

Муса Каримович тоже уже переодевался в спортивный костюм и держал в руках полотенце секунданта.

Зал встретил Сакена одобряющим гулом и овацией.

Во время обмена приветствиями Сакен взглянул в глаза своего соперника и вдруг каким-то неясным внутренним чувством понял, что соперник его отдал много сил и энергии своему полуфинальному бою, хотя держался уверенно, зло и дерзко. Но глаза выдавали усталость. Видимо, не полностью восстановился за вчерашний день.

— Бокс!

Хлесткий вскрик рефери повёл отсчёт секундам и минутам первого раунда.

Узбекский боксёр без разведки стал сразу же атаковать Сакена. Да и разведка была ни к чему, за неделю этого спортивного турнира они многое узнали друг о друге, и манеру ведения боя, сильные и слабые стороны своего соперника, над ними висела только одна неизвестность — результат финального боя.

Сакен ловко уходил от одиночных ударов соперника и также наносил свои одиночные удары. Ему два раза удался кросс — удар навстречу левой руки соперника правой рукой поверх его левого плеча.

Правда, не всегда рефери и боковые судьи принимают этот удар, видя в нём удар открытой перчаткой, но болельщикам нравится, когда соперник, идя атакой с удара левой руки, натывается на внезапный удар своего соперника справа, а точнее сам идёт на этот удар.

Притихший зал наблюдал и переживал за Сакена, возгласами поддерживая его удачную контратаку.

Первый раунд закончился на равных, может быть, с перевесом в одно очко в ту или иную сторону, но точность оценок была за боковыми судьями, которые скрупулёзно всё подсчитывали и заносили в свои судейские протоколы. А эмоции зала не всегда совпадали с мнением судей и беспристрастной судейской коллегией.

Рамазан широко размахивал полотенцем в такт дыханию Сакена. Муса Каримович только и сказал:

— Хорошо, только не ввязывайся в драку.

Сакен, сидя на табурете, молча кивнул, а сам подумал, что надо самому почаще атаковать, а то время уходит.

Второй раунд начался в обоюдных атаках, но Сакен ощущал, что он уже становится хозяином положения. Чувствовалось, что его соперник не имеет полной картины боя, а только надеется на свои физические данные и твёрдую поступь ног. Сакен вновь пошёл в контратаку, уловив на какое-то мгновение, что соперник замешкался. И тут в буквальном смысле наткнулся на один из множества случайных и беспорядочных ударов Анвара Саидмамедова. Он чуть покачнулся, и даже не покачнулся, а поскользнулся на помосте ринга.

Рефери открыл счёт. При счёте “шесть” Сакен уже полностью владел собой, принял стойку и хотел было идти в атаку, ибо своим чутьём понял и убедился, что победа будет за ним, так как за ним будет весь третий раунд. А то, что поскользнулся, и то, что рефери в ринге принял это за нокдаун, то с кем не бывает. Главное, что он нашёл ключ к своей победе...

Но что это?!

Зал ахнул.

Рефери развёл руки по сторонам — по углам!

Какая-то чёрная пелена нависла над глазами Сакена. Как в тумане он, ничего не понимая, подошёл к своему углу, где Муса Каримович держал на вытянутой руке полотенце.

Белое полотенце судьбы Сакена.

Он закрыл глаза и, казалось, что вечность стоит с закрытыми глазами. Он плохо помнил, как рефери вызвал их на середину ринга и как металлический голос судьи-информатора произнёс:

— В виду отказа секунданта победа присуждается...

Он шёл к своему углу, вдруг внезапно увидел добрые и наивные глаза Рамазана, полные непонятого для него ужаса происходящего.

Зал свистел, улюлюкал, топая ногами.

Сакен взглянул в глаза Мусы Каримовича, но тот отвёл свой взгляд, ногой оттянув вниз нижний канат, чтобы Сакен покинул ринг.

Сакен, уже выходя из ринга, приподнявшись во весь рост, нанёс свой коронный короткий хук в двойной подбородок Мусы Каримовича, его полнеющее тело в обтянутом спортивном костюме грохнулось на боковой судейский столик.

Зал вскочил со своих мест и, стоя, с гулом всеобщего одобрения проводил Сакена, покидающего арену спорткомплекса.

Он бежал по осеннему парку, дыша и пропуская сквозь ворот свитера ровное дыхание. Он совершал уже пятый круг пробега по асфальтовой дорожке парка, словно разматывал бесконечную ленту памяти.

Пожизненная дисквалификация — гласил вердикт судейской коллегии.

Сакен с Рамазаном уехали в тот же вечер поездом в Павлодар. Рамазан всю дорогу молчал, в его глазах сквозили испуг и восхищение произошедшим. Молчал и Сакен, попивая горячий чай в купе вагона. По приезде Рамазан всё в подробностях рассказал Евгению Ужгину, а тот слово в слово передал Максиму Абдуловичу, но молва уже и без них принесла подробности этого случая, как всегда, обрастая невероятными деталями вплоть до якобы задержания Сакена милицией.

Макс Абдулович ничего не спрашивал у своего подопечного, да его он и не видел до самой осени, а когда Сакен вернулся из стройотряда, то тренер, не выдержав, сам пришёл домой к Сакену.

— Ну и натворил ты, брат, делов. Смотри, как бы на защите диплома не отразилось.

— Не отразится. Дали только выговор по комсомольской линии. С занесением...

— Ну и слава Всевышнему, ну и лады. А формулировка какая? Этого самого выговора?

— За злостное нарушение этики и принципов советского спорта.

— Да неужели, злостное нарушение?! Этики спортсмена! Ну ты, сахар в рот. А причину нарушения они не спрашивали?

— Не спрашивали.

— Ладно. Передай Бахыту, чтобы не пропускал тренировки, а то ишь, выдумал солидарность проявлять...

Он только потом узнал, что Макс Абдулович и Евгений Ужгин, понимая, что ему уже никогда не войти в белый квадрат ринга, старались, чтобы это всё пагубным образом не отразилось на защите его диплома. И в этом им помогала Меруэрт, староста его студенческой группы.

На дисциплинарной комиссии облспортсовета Макс Абдуловичу было поставлено на вид — за плохую воспитательную работу. Он опасался, что больше всех будет допекать его Муса Каримович, но тот молчал, обиженно поджав нижнюю губу.

После заседания комиссии Евгений Ужгин остановил в коридоре Мусу Каримовича:

— Уезжал бы ты отсюда, Муса.

— Это как понимать?

— А так и понимай. Не пойдут в твою секцию ребята, не пойдут, и всё тут.

— А в вашу с Максом пойдут? Воспитали чёрт знаешь кого, каких-то хулиганов.

— Помолчал бы, Муса. Уезжай. Земля большая, найдёшь своё место под солнцем, но только не в наших краях...

Сакен пошёл на шестой круг пробега, продолжая вспоминать события давно минувших дней.

Меруэрт плакала, уткнувшись в его плечо, когда он, сидя с ней у ночного костра, поведал ей обо всём, ничего не утаивая. И это была ночь признания в любви друг другу. А по утрам Сакен остервенело брался за самую трудную работу в стройотряде — месил бетон, выгружал кирпичи и возводил совхозные новостройки...

Бахыт всю зиму ходил на тренировки и на удивление всем весной выиграл первенство Казахстана среди юниоров и стал первым чемпионом республики по боксу от Павлодара. И никто не знал, кроме братьев, как Сакен всю зиму натаскивал Бахыта, тренируя его, гоняя на лапах в сарае, внушая ему и вкладывая всё то, что сам получил от Макса Абдуловича. А затем Бахыт бросил спорт и ушёл в поэзию. А младший Еркен любил музыку и стал известным композитором, его песни и музыкальные произведения исполняют во многих странах мира.

Муса Каримович недолго задержался в этом городе, переехал в соседнюю область, где, как говорят, получил всё-таки звание заслуженного тренера перед выходом на пенсию.

Макс Абдулович продолжает тренировать по своей методике, стараясь найти среди молодых боксёров настоящие таланты.

А Рамазан закончил физкультурный техникум и сейчас работает тренером в Экибастузе.

Сакен любил своих братьев и гордился ими. После защиты диплома он перевёз маму и младших братьев в Алма-Ату, куда был направлен по распределению на завод тяжёлого машиностроения.

Вскоре получил квартиру, женился на Меруэрт, рос по службе, но всегда, когда на своём пути встречал подлость и несправедливость, он сжимал в кармане кулак, боясь нанести свой коронный, короткий хук по физиономии того, кто этот удар заслуживает по неписаному кодексу чести и этики боксёра.

Вот и вся история о боксе, и не только о нём.

Из немецкой поэзии XX века

Перевод на русский язык **Виталия ШТЕМПЕЛЯ**

Райнер Мария РИЛЬКЕ

(1875—1926)

Осенний день

Господь, ты видишь — лету срок истёк.
На солнечных часах отметься тенью.
Пусти ветра́ лететь, не чужа ног.

Заставь дозреть последние плоды,
День-два ещё согрей лучами юга:
Дай солнцу сделать два привычных круга —
И сладки вина будут, как меды́.

Кто не имеет дома — припоздал.
Кто одинок — найдёт друзей не скоро,
Ему смотреться в пустоту зерцал,
Вдыхать в аллеях осени металл
И в беспокойстве слушать листьев шорох.

Пантера

Сквозь прутья взгляд скользит. И молит: тут я!
И замирает — ни к чему ответ.
Ей кажется: весь мир — сплошные прутья.
А там, за ними ничего уж нет.

Виталий Райнгольдович ШТЕМПЕЛЬ

родился 12 декабря 1956 года в селе Хмельёвка Астраханского района Акмолинской области. Закончил Целиноградский машиностроительный техникум и Карагандинский политехнический институт. С конца 1994 г. проживает в Германии, последние годы — в г. Фульда. В ФРГ был рабочим, руководителем производственного обучения, занимался предпринимательской деятельностью.

Стихи начал писать в годы студенчества. Публикуется в различных изданиях Германии и России. Автор поэтических книг “Песочные часы” (Санкт-Петербург, 2005) и “На уровне

дыхания” (Санкт-Петербург, 2008). В № 12 “Нивы” за 2005 г. была опубликована большая подборка стихов Виталия Штемпеля из книги “Песочные часы”, присланной им в редакцию нашего журнала.

В ноябрьском номере за 2008 г. помещена его поэтическая подборка “Непричальные корабли”.

В последнее время Виталий Штемпель зани-

мается переводами на русский язык немецких поэтов двадцатого века.

Предлагаем читательскому вниманию некоторые из них. В художественных переводах с немецкого раскрывается ещё одна грань творческого дарования нашего бывшего земляка.

Кружить — её спасение и доля.
По-воровски беззвучна поступь ног.
И в каждом круге — посредине — воля,
Застывшая, как каменный божок.

Но иногда с зрачков её спадает
Тяжёлая, как ширма, пелена,
И некий образ в сердце возникает
И умирает, достигая дна.

Заключительное

Смерть всемогуща.
Мы — горклый дух
смеющегося рта.
Когда мы мним — мы посредине жизни,
она рыдает
посредине в нас.

Готфрид БЕНН

(1886—1956)

Ночное кафе

824: Женщины — жизнь и любовь.
Виолончель принимает стопку. Флейта
Три такта изрыгнула: прекрасный ужин,
Барабаны дочитывают крими.

Зелёные зубы, прыщ на лице
Подмаргивает опухшим векам.

Перхоть
Флиртует с миндалинами открытого рта,
Вера, любовь и надежда на шее.

Юный зоб седлоносой пригож.
Он оплачивает ей три пива.
Лишай на лице покупает гвоздики,
Желая задобрить двойной подбородок.

B-moll: 35-я соната.
Два глаза взревели:
Не брызгайте кровью Шопена в зале,
Не дайте паркету шаркать ногами!
Конец! Эй, Гиги!

Дверь — по течению: входит —
Высушена, как пустыня. По-ханаански коричнева.
Целомудрена. Богата. В облаке аромата.
Не аромата, впрочем —
Это только подслаженное облачко воздуха
Для моего мозга.

Жиросец вползает следом.

Для справки: "824: Женщины — жизнь и любовь", "B-moll: 35 соната" — музыкальные произведения Шумана и Шопена.

Печален августа покров:
 Час осознания — что обрёл ты.
 Мир пламенеет, красно-жёлтый,
 Но где же страсть твоих садов?

Светлы озёра. Даль ясна.
 Поля блестят, чисты их пледы.
 Где ж доказательства победы,
 О коей грезила страна?

Там, где сводило счастье в круг,
 Другого требуешь причастья:
 Ты в раже отвергаешь счастье
 И возвеличиваешь дух.

Йоахим РИНГЕЛЬНАТЦ

(1883—1934)

В парке

Лань — сосунок — у дерева стояла.
 Тиха, блаженна — взгляд мой приковала.
 А ночь была — одиннадцать ноль две.
 Потом в четыре я пришёл обратно:
 Всё в той же позе зверь стоял в траве,
 И это было странно и занятно.
 Ну что ж, подумал, потревожу сон я.
 Подкрался я — и — хлоп её ладонью!
 И вздрогнул я от этакого трикса:
 Она была из гипса.

Альфред ЛИХТЕНШТАЙН

(1889—1914)

Молитва перед сражением

Мы пели дружно. И при этом
 Пел каждый для себя...
 Бог, сохрани меня, не дай несчастья.
 Отец наш, сын и святой дух,
 Не дай мне подорваться на гранате,
 Врагам — порочным шлюхам — не позволь,
 Чтоб увели меня да растерзали.
 Не дай, чтоб околел, как пёс паршивый,
 За милое Отечество моё.

Ты знаешь, я б ещё пожил охотно,
 Коров доил бы, щупал бы девчат.
 Да негодяю Зеппу б дал по роже.
 Ну, напивался б тоже и не просто,

Но так, чтоб море было по колено.
Ты видишь, я молюсь тебе охотно,
И это ежедневно — все семь дней.
Так будь же милостлив, а коли так случится,
Что друга Хуберта ты заберёшь,
Что так же ты не пожалеешь Майера,
Меня уж ты, конечно, сохранишь.

Но вот ещё о чём хочу просить я:
Дай рану мне, но чтоб была легка,
Ну, скажем, в ногу — пусть её прострелит,
Не возражаю, если ранит в руку, —
Чтоб я домой вернулся, как герой.
Да чтоб хоть что-то было рассказать мне.

Курт ТУХОЛЬСКИ

(1890—1935)

Последняя поездка

В тот день, когда умру — его мне не застать —
Вам будут суп свекольный подавать.
В нём островками сливочные пятна.
Сомнительно, что животу приятно.

Мой сын Людольф исследует ноздрю.
Всем наплевать. А я — не говорю.
Сияет он единственный в капелле.
Ах, что б ты провалился, в самом деле!

Потом меня — не скоро ль? — в путь наладят.
И Карл блондинке зад рукой погладит.
А я ведь с ней крутил в последний год.
Находит, что ей чёрное идёт.

Процессия солидная. И всех
Я вижу дам, с кем разделял успех.
Зашевелилась пёстрая толпа.
На первый план мой вырулил папа.

А следом та, что мне так благосклонно
Дала уроки первые — матрона,
Из шкапа шляпка с траурным чепцом.
Пусть не модна. Но хороша лицом.

А это Лотта. Лоттхен. Мальчик с ней.
Плод страсти необузданной моей.
Мы не знакомы с ним. И это славно.
Но деньги слал шестнадцать лет исправно.

А вот подушка красная в шпалерах,
Её несут два райхсверофицера,
На ней мой орден. Чуть не позабыл:
Его мне кайзер некогда вручил.

А позади, сложивши губы в дудки,
Все двадцать две шагают проститутки.
Не без системы дружно слёзы льют:
Я был из тех, кто так ценил их труд.

Всё, стоп. Ведь здесь не праздник Диониса.
Хор взвыл. Метафизически смеюсь.
Но вот уже смыкаются кулисы.
Молчу. И в руки Бога отдаюсь.

Георг БРИТТИНГ

(1891 — 1964)

Что, Ахилл...

Без шлема,
Впереди собачьей своры,
По склону каменистому предгорья
На вороном коне она.
Колчан на нежном девичьем бедре.

Над нею сокол кружит в небе синем,
Бездонном небе.
Бесконечно синем
И бездонном небе.

Он камнем упадёт на жертву,
Когтями тело разорвёт
И клюв утопит в кровь,
Чтоб жажду утолить — пурпурным этим соком,
Что так пьянит весь соколиный род.

Грудь всадницы обнажена,
Глаза горят.
Псы рвутся, в ярости тигроподобны.
Сверкает золотом узда на вороном.
Она его остановила.

Весь освещён,
Из леса вышел, нет — себя явил,
Прекраснейший из всех мужчин,
Сильнейший из атлетов.
На мощной шее голова, как яблоко.

Он видит всадницу. Она — его.
Так две грозы столкнувшись грудью
На утреннем или вечернем небе,
На миг стихают.

От крови сокол пьян. На жертву оседает.
Что на сердце твоём, Ахилл? Оно горит
И рвётся из груди, как будто знает,
Кого ты бросишь на железный щит!

Эрих КЁСТНЕР

(1899—1974)

Обстоятельный романс

Когда восемь лет уж их счастье длилось,
И казалось, что мир безобиден и прост,
Что-то с любовью их приключилось —
Вдруг затерялась, как шляпа иль трость.

Но делали вид — всё у них, мол, прекрасно.
Друг друга обнять находили предлог.
Потом она плакала: “Это ужасно!”
Он тоже в такое поверить не мог.

Суда покидали лагуну. Устало
Сказал он: “Четыре пятнадцать уже.
И кофе бы выпить отнюдь не мешало”.
Фальшивил рояль на другом этаже.

А вскоре сидели в кафе за углом,
Казалось, что ждали спасенья.
И вечером там же, за тем же столом,
Сидели и думали с болью о том,
Что этому нет объясненья.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга вторая

(Продолжение. Начало в № № 1-12 за 2009 год)

1994 год**3 января**

Новый год встретили всей семьёй дома. Даже Данька не пошёл к друзьям, что меня удивило: мы, уже начиная с восьмого класса, отмечали этот праздник вместе с девчонками-одноклассницами.

Сходили вечером в ледяной городок, где почему-то было малоллюдно. Подарили друг другу подарки. Самый лучший сделал, пожалуй, Димка — подарил нам с Ольгой пёстрые индюшьи перья со стержнями внутри — мол, пишите, родители, пишите. Хранил он их ещё с лета — насобирал в Железинке у Лихановых. А Пашка придумал собственную валюту — “10 Паш” — подарил матери.

Первого января пришёл в гости Николай Марчевский — уже в “кондиции”. Он обратил внимание на то, что я был не слишком весёлым на нашей редакционной вечеринке, вот и решил навестить. Меня успокаивал, а у самого дома нелады... Выпили с ним по паре рюмок, и Николай совсем “поплыл”... Хороший он парень, но какой-то неустроенный в жизни.

В выходные разбирал накопившиеся за несколько лет старые письма. В основном — от Татьяны Конобейцевой (как-то она встретила свой первый Новый год в эмиграции?) да от брата Петьки. С ним мы начали переписываться в трудные для нас обоих времена: я переживал перипетию редакторской судьбы, он — “ленинградский синдром” (один, без семьи, далеко от дома) — и потребность в таком заочном общении была у нас обоих... Жаль, что эта переписка потом прервалась.

Читал “Разговоры Пушкина”. Оказывается, незадолго до смерти, когда жить ему оставалось считанные часы, он призвал к себе жену, сказал, чтобы она не винила себя ни в чём, чтобы уезжала в деревню, носила по нему траур два или три года, а потом выходила замуж — за хорошего человека, не шалопаю... А перед самой смертью попросил, чтобы она с ложечки покормила его мочёной морошкой, которую он очень любил.

Царь прислал ему записку, чтобы о семье Пушкин не беспокоился — это будет уже его, царская, забота. И в самом деле — выплатил далеко не маленькие долги Пушкина. А сам А. С. говорил нескольким друзьям, что если бы он остался жив, то его жизнь стала бы принадлежать царю... Так что не столь уж одномерно чёрно-белыми были отношения поэта и царя, как их нам преподносили.

Ещё из этих “разговоров” у меня иногда складывалось впечатление, что Пушкин чуть ли не искал смерти...

Дурацкая ситуация с этим предполагаемым депутатством. Сижу, чего-то жду... То ли те меня выдвинут, то ли эти... Будто я вещь...

Брат Петька по телефону сказал матери об идее с выборами: “Не одобряю. Тут он — король, а там кем будет?”.

4 января

Всё ещё в отпуске... Ольга принесла с работы кипу газет — не могу без них, пристрастился, как к пьянству. В “Казправде” вынесли на первую полосу заметку карагандинского собкора Валерия Михайлова (я его по “Простору” немного знаю) о ликвидации “Индустриальной Караганды”. Это областная газета с крепкими традициями, которая всегда считалась одной из лучших в Казахстане. Несколько лет назад часть её сотрудников ушла и создала новую “Городскую газету”, которая теперь по тиражу обогнала “Индустриальную Караганду”. У обеих газет проблемы с финансированием и с бумагой. И вот областная администрация, не мудрствуя лукаво, решила: поскольку содержать две эти газеты для бюджета накладно, надо их объединить. Объединённую газету назовут “Караганда”. Получать её станут подписчики обоих упразднённых изданий. При этом мнения читателей — согласны ли они, выписав одну газету, получать другую — никто и не подумал спросить... Как и согласия журналистов того и другого изданий.

Создаётся довольно опасный прецедент.. Глядя на карагандинцев, начнут экспериментировать в этом же духе и главы других администраций.

Караганда, кстати, недавно прославилась на весь бывший Советский Союз войной областной администрации с председателем местной телекомпании — подразделения телекорпорации “Казахстан”. Защищая своего руководителя, сотрудники создали стачечный комитет, забаррикадировались в здании телекомпании. В их поддержку выступили карагандинские шахтёры, многие газеты... Ничего не помогло, убрали мятежного председателя. И вот — новый “почин”...

На всём пространстве СНГ не прекращаются несчастья — будто небеса прогневались на нас... Вчера разбился самолёт “Ту-154”. Только взлетел из Иркутска, направляясь в Москву, загорелся один из двигателей. Попытка приземлиться не удалась — погибли все пассажиры и экипаж — 120 человек.

До этого потерпел аварию транспортный самолёт в Армении. Из-под обломков извлекли 36 трупов...

Вчера в Москве обрушился угол жилого дома. Жуткое зрелище — на телеэкране дом “в разрезе”. Оказывается, он не ремонтировался с 1955 года, и только чудом никто не пострадал...

Дня не проходит, чтобы не случилось какого-нибудь зловещего ЧП...

Заметка в “Правде”: А. Акаев после Ашхабадской встречи “в верхах” высказался на пресс-конференции за введение в Киргизии двойного гражданства. Уверяет, что и раньше добивался этого, однако местные национал-радикалы блокировали все его попытки... Теперь же, когда отъезд русскоязычных из республики приобрёл характер панического бегства, вряд ли что изменит и это запоздалое решение (если оно, конечно, будет принято).

По казахстанскому ТВ, не переставая, убеждают: нам институт двойного гражданства не нужен. Опять показывали Н. А. Назарбаева, объясняющего — почему.

Вчера ещё раз обсуждали с Ольгой проблему — идти или не идти мне в депутаты. Начали с исходной точки: что мы здесь имеем и что нас тут держит? И по трезвому размышлению выходит, как у того хлеботороба-механизатора, получившего Почётную грамоту и никаких материальных доводков к ней, “почти что ни хрена”. Зарплаты нищенские, едва концы с концами сводим; редакторством я

не упиваюсь — скорее, наоборот; перспективы две: или сожрут, как заметил многоопытный Б. В. Исаев, или сам “сковырнусь”... Что получаем взамен? Возможность хотя бы на время выпасть из этого заколдованного круга, сделать передышку, не особенно загадывая на будущее (можно ли сегодня вообще с какой-то определённой прогнозировать это самое будущее?). Ольга говорит, что и сама хотела бы “перевести дух”, хоть какое-то время просто посидеть дома, позаниматься детьми...

Дело за малым — чтобы меня избрали...

Джеймс Бейкер, бывший госсекретарь США, заявил в статье, опубликованной в японской газете “Иомиури F”, что все страны Восточной Европы и республики бывшего СССР, и в первую очередь Россия, должны войти в НАТО. Мне, человеку далёкому от большой политики, непонятно — кому они должны и зачем должны это делать... Куда логичнее было бы НАТО уйти из Европы вообще, а ещё лучше — самоликвидироваться, особенно после того, как прекратил существование противостоящий НАТО и, кстати, созданный в ответ на организацию НАТО Варшавский договор. Ну да ведь у большой политики всегда бывает своя, особая логика, в корне отличающаяся от обычной человеческой...

Безумная экономическая политика нынешних властей привела к тому, что только четыре из 156 хозяйств области могут вернуть взятые в прошлом году кредиты... Это при том, что почти все колхозы (26 из 27) работают рентабельно. Выходит, правители едва ли не сознательно пускают под откос сельскую экономику?

Связь поделена — на почтовую и электрическую (телекоммуникационную). При этом вторую ждёт относительно благополучное будущее, а первая, которая могла ещё худо-бедно существовать, отчасти за счёт второй, обречена на прозябание и нищету...

Разрекламированная несколько месяцев назад кампания по реализации жилищных купонов, оставшихся на руках у павлодарцев после приватизации ими собственных квартир, однозначно провалилась: за тысячу купонов дают 12 тенге, но покушку их сберкассы практически не ведут, потому что нет на эти купоны заявок (а, соответственно, и перечисленных денег) от приватизированных предприятий.

Уже в который раз власти откровенно дурачат население. И даже если они этого не хотели (кто же, мол, предвидел, что оно так выйдет?), людям ведь не легче...

5 января

Пришёл вчера вечером домой из профилактория, а Ольга кричит с порога: “Суюнши!”. Оказывается, выдвинули меня кандидатом в депутаты — на совете ветеранов. Мою кандидатуру выдвинул Д. К. Ахметов. Вопросов при этом не возникло, спросили только — почему меня самого нет и кто мой отец...

Ещё Д. К. Ахметов сообщил, что по Павлодару также будут выдвинуты главы двух районных администраций — В. М. Елисеев и М. Ш. Алинов.

А на встрече с представителями общественных организаций, движений, партий глава администрации призвал их к поиску единых политических подходов к выборам, чтобы, исходя из интересов государства, при выдвижении кандидатов “не создавать излишней альтернативности”.

Такая вот политическая формулировка. Да, теперь надо и мне включаться, хотя я себе слабо представляю — как...

Главные редакторы крупнейших российских газет заявили протест в связи с решением правительства провести переоценку основных фондов предприятий. В таком случае плата за полиграфические услуги возрастёт в пять-шесть раз, что приведёт газеты к полному разорению. Предлагают либо пересмотреть решение, либо выделить им целевые дотации.

Восемь фракций будущей Государственной Думы обратились к нынешним российским властям с просьбой — отдать ей для постоянной работы “Белый дом”, где ещё недавно заседал Верховный Совет. Вместо ответа туда тотчас переехало российское правительство во главе с В. С. Черномырдиным. Надо полагать, Б. Н. Ельцин и его команда тем самым хотят стереть из памяти, вытравить из этого здания сам дух бывшего мятежного Верховного Совета.

В “Правде” большое интервью с Валентином Распутиным. Всё же он — крепкий орешек, одно слово — сибиряк. И сколь же велика на Руси смута, если события последних лет развели в разные стороны его и, скажем, Григория Бакланова и Булата Окуджаву, поддержавших Ельцина во время прошлогодних “октябрьских событий”.

Особняком стоит Виктор Астафьев, разуверившийся во всём (“жили — не люди и умрём — не покойники”), признавшийся, что хотел бы умереть — только не видеть “всего этого”.

Может быть, дело ещё и в том, что Астафьеву в жизни пришлось горше, чем им троим, вместе взятым. Отсюда, наверное, и его нечеловеческая усталость, и вселенская печаль...

А Распутин всё ещё верит — в Россию, в народ. Вот что значит — сибирский корень, родная земля, от которой и вся его сила...

6 января

Объяснялся вчера с членами редколлегии — по поводу возможного будущего депутатства. Сказал: не жду от вас аплодисментов, но рассчитываю на понимание и, если хотите, на сочувствие — время от времени человек должен менять жизнь и свои занятия... Я три года проработал первым замом, в том числе примерно год из них исполнял обязанности редактора... Вот уже более пяти лет редактор. За это время сменилось три первых секретаря обкома, пять председателей облисполкома, исчез с карты мира СССР, не стало партии, Советов... Всё это прошло через моё сердце... И мы сохранили газету, её коллектив, смогли достичь более-менее устойчивого финансового состояния... Всё это были очень трудные времена. Порой моя собственная редакторская судьба висела на волоске, но я никого не сдал, не уволил, даже когда этого от меня требовали первые лица области.

Речь моя была воспринята, в общем, спокойно. Ковхаев пожелал успеха: “Большому кораблю — большое плавание”. Гришина, правда, заметила: не ошибаюсь ли я, считая, что такие мои качества, как умеренность взглядов, способность к компромиссам и восприимчивость чужого мнения, понадобятся “там” больше, нежели здесь? Не нужнее ли всё это газете?

Я сказал, что, может, и ошибаюсь, делая этот шаг, но человек должен иметь право и на ошибку.

Кто-то спросил: не стоит ли за всем этим “благорасположением” властей элементарное желание избавиться от меня как от редактора? Но это — вряд ли... Разве так избавляются от неугодных?

Само собой, больше всего членов редколлегии волновал вопрос о будущем редакторе. Я сказал, что беспокойство это преждевременное. Но если меня всё же изберут, то сделаю всё, чтобы наш голос на этот счёт был услышан.

Роберт Штарк продал свою четырёхкомнатную квартиру в Павлодаре за 14 тысяч долларов. Купила её какая-то работница банка... Кто же ещё сегодня может найти такие деньги — да ещё в валюте?

Договорились, что Роберт сам скажет на редколлегии о своём решении уехать...

А семейство Любы Нагель, моей бывшей секретарши, уехать не может уже несколько месяцев — спят в пустой квартире на раскладушках. То не могли продать квартиру, теперь не могут взять билеты на самолёт, стоимость которых для четверых почти равна сумме, полученной ими от продажи квартиры.

Информации по российскому ТВ: бесславно закончилась жизнь бежавшего (изгнанного?) с родины бывшего президента Грузии Гамсахурдиа. Сначала сообщили — покончил жизнь самоубийством, потом уточнили — скончался после ранения в стычке со своими противниками-соотечественниками... Произошло это в Чечне, где он скрывался...

Трагический, но во многом закономерный финал... Образованнейший человек благородных кровей, получивший едва ли не всенародную поддержку на выборах, Гамсахурдиа так и не смог преодолеть синдрома своего диссидентства, и в президентствах оставался человеком конфликтным и амбициозным. В результате оказался совсем не готовым к своим новым обязанностям, да ещё в такое непростое время.

Да, образованность, оказывается, далеко не всегда тождественна человеческой мудрости. А выбор народа — не гарантия от трагических ошибок.

Может быть, Гамсахурдиа в последнее время сам искал смерти, осознав свой трагический финал и поняв, что ему уже не подняться на его прежнюю высоту — ни президентскую, ни просто человеческую. И теперь, кажется, его даже не хотят хоронить в Грузии — то ли вдова против, то ли власти...

Обзваниваю коллег и знакомых с просьбой помочь мне в предвыборных делах. Откликнулись Лида Петрова с телевидения, Людмила Бусыгина (“Тракторостроитель”), Татьяна Окольниковичья из литобъединения, Жасулан Садыков (радио алюминиевого завода), наши Людмила Ермолина, Ольга Воронько.

В Железинском районе, пишет в заметке редактор райгазеты Б. Ишутин, осталась единственная доярка-“трёхтысячница”. То есть надаивающая за год от каждой закреплённой за ней коровы по три тысячи килограммов молока. Ещё год назад таких доярок в районе было тридцать, а лет десять назад в области — сотни. Мы с Г. А. Бабиным, работая в сельхозотделе “ЗП”, много лет освещали в газете соревнования доярок-“трёхтысячниц”. Теперь же до этих “высоких рубежей” никому нет дела, и средний по области надой не достигает двух тонн от коровы, что говорит о снижении продуктивности скота и падающем уровне развития сельского хозяйства в целом.

З. А. Суворова по-прежнему неутомима в своих усилиях помочь одиноким людям обрести друг друга. В очередной странице “Мир семьи” — около десятка

обращений таких людей, рассчитывающих с помощью газеты найти свою половинку. Как правило, это уже немолодые люди, большей частью женщины. Нельзя без волнения читать эти бесхитростные, полные надежды строки.

7 января

Рождество отчасти омрачено скандалом в связи с отчётом Ольги Фроловой с конференции “Славии”. Говорили на ней, понятно, всё про то же: русский язык — второй государственный, двойное гражданство... Можно было, конечно, расставить акценты в отчёте... Штарк что-то поправил и сгладил, но “уши” всё равно остались.

Глава облдминистрации на совещании ругался и размахивал газетой... Мои домашние считают — меня в конторе чуть ли не специально подставили, хотя вряд ли это так... Просто многие собратья по перу, и не только они, не в состоянии понять и принять новые реалии — мозги не поспевают за стремительными переменами...

9 января

Ездили с Ольгой в Иртышск, навещали её дядьку и тётку. Живут вдвоём, ему 82 года, ей немногим меньше... Младшая дочь умерла, старшая — в Усть-Каменогорске, не наездишься...

Старики живут на свои пенсии, которых, конечно, ни на что не хватает. Написали письмо Н. А. Назарбаеву: накопили, мол, на смерть две тысячи рублей, государство ими много лет пользовалось, а теперь это — десять тенге. Простят: верните нам хотя бы эти наши сбережения. Сказал им — ваши хлопоты напрасны, но они считают, что чем больше таких писем будет адресовано президенту, тем скорее наверху задумаются о судьбе стариковских сбережений.

Растроганы были нашим приездом — насовали павлодарским внукам каких-то гостинцев (те, в свою очередь, не послали ничего)... Как подумаешь, сколько таких стариков не доживает, а домучивает свой век — сердце сжимается...

Заехали к Лихановым в Железинку — благо до неё через Иртыш рукой подать. Больше всего меня поразило то, что Николай — главный инженер совхоза — теперь по субботам на работу не ходит. Оказывается — делать нечего. Денег у совхоза на счету нет (что получили от продажи хлеба — ушло в расчёт за кредиты), горючее, запчасти покупать не на что, поэтому технику не ремонтируют (в МТМ — пусто). Никакие агромероприятия (снегозадержание и прочие) не ведутся... Механизаторы и водители, кроме немногих тех, кто занят зимой в животноводстве, сидят по домам... Теперь мне уже не кажутся преувеличенными пророчества знакомых “сельхозников”, с которыми я общался в профилактории: в этом году можем и не посещать, вот тогда вы, горожане, и узнаете, наконец, что такое голод.

Мой избирательный округ — центр города, ограниченный улицами Тургенева и Максима Горького. Передал в избирательную комиссию список моей инициативной группы — её надо регистрировать, у каждого должно быть удостоверение. Получил подписные листы.

Вдруг позвонил Васька Дмитровский и сразу огорошил:

— Всё, старый, уезжаю на родину предков...

— И куда же?

— В Орловскую область.

— Что собираешься делать?

— Создам крестьянское хозяйство — в перспективе агротехнополис, мне дают под это дело 250 гектаров земли, фруктовый сад, правда, запущенный...

— Как-то всё у тебя очень легко получается.

— Просто главе области Егору Строеву, который помнит меня по публикациям в “Сельской жизни” и знает, что я — лауреат премии Союза журналистов СССР, моя идея пришлась по душе, и мы сразу поняли друг друга...

Я молчал, переваривая услышанное, а Васька продолжал:

— Теперь уезжаем: я с семьёй, семья брата, мать с отцом...

— А мать — профессор медицины — что будет делать в глуши?

— Там видно будет, может, со временем и клинику откроем... Посмотрел бы ты сам, старый, на этот край — это же чудо, а не земля!

— Жалеешь, что уезжать приходится? — спросил я.

— А что делать? — уклонился он от прямого ответа. — Говорят: некоренные мы, оккупанты...

— А как же твои сады, не жалко их, — стал нажимать я на любимую Васькину мозоль.

Он отвечал не сразу, с расстановкой:

— Да, сад... Так он ведь не мой, в аренде... Могут и забрать...

— Что ты теперь делаешь?

— Собираю пчелиное молочко.

— Это ещё что?

— Это такая вещь, что при хорошей организации дела озолотиться можно...

— И много у тебя пчёл?

— У самого не слишком много, а вся моя сеть — три тысячи пчелосемей...

Как часто его вело по жизни именно авантюрное начало! И, может, выведет, наконец, на нормальную дорогу — к приличной человеческой жизни...

И хоть мне всё ещё не верится, что он и вправду уедет из горячо любимой Алма-Аты, я мысленно желаю ему удачи...

Скоро совсем без друзей останусь: Толя Егоров затерялся где-то в Подмоскovie, Ваську потом ищи-свищи в орловском захолустье, да и Пашка Бабенко что-то затих — видно, не очень-то благополучно складывается жизнь у начинающего предпринимателя...

Димка в слезах пришёл домой. Они с другом отправились в кино, а их там прижали трое более взрослых ребят: отобрали деньги — по три тенге у каждого, а у Димки ещё перчатки, которые мы ему подарили на Новый год и которыми он очень дорожил. Поскольку они пытались сопротивляться, Димка получил по животу, а другу расквасили нос.

Действуют, судя по Димкиному рассказу, весьма профессионально: двое держат за руки, прижав к стене, а третий обшаривает карманы...

Сукины дети! Не денег и перчаток жалко, куда хуже — унижение от собственного бессилия... Как мог — успокаивал Димку. Предлагал пойти вместе с ним — может быть, они ещё там промышляют? Но даже если и там, как докажешь, что это они сделали, ведь Димка говорит — незнакомые.

У нас в совхозе в детстве ничего подобного быть не могло, хотя и ругались, и дрались мы частенько... А вот в Железинке, куда мы ездили на школьные соревнования, местные всегда нас задирали, и мы всегда чувствовали своё бессилие: и терпеть было противно, и драться было нельзя...

Пришла моя одноклассница Надя Асылгожина. Она выступает обвинителем от имени прокуратуры на суде по “делу Склера”. Видя, что судья уже с самого

начала процесса взял явно оправдательный уклон и выступает, скорее, как адвокат Скляра, она потребовала отвода судьи. Суд её требования отклонил, а адвокат Скляра потребовал отстранить уже её, как государственного обвинителя, и это требование было удовлетворено. Она подала протест в Верховный суд, а мы публикуем обо всём этом заметку.

Понятно, что дело тут нечисто. Судебная система у нас ещё та...

8 января

Тенге продолжает обесцениваться... Новый курс его: 7,52 тенге за доллар, это почти вдвое меньше, чем первоначальный уровень.

Дальнейшей инфляции будет способствовать и отпуск цен на большую часть продуктов. Так, мясо подорожало сразу в пять раз, колбаса — примерно в три раза. И т. д.

Фиксированными остаются цены на хлеб, некоторые крупы, муку.

11 января

Ни дня без гадости... Утром меня разыскала по телефону В. В. Шершнёва: — Ты не волнуйся, тебе округ поменяли, надо поговорить...

Я сразу понял — о каком округе идёт речь, но всё же тешил себя какими-то надеждами. Оказалось, напрасно — произошло худшее из того, что могло произойти. Закулисные дирижёры предвыборной кампании сообразили, что у главы Индустриальной районной администрации Алинова нет никаких шансов в соперничестве с “независимым” Галенко. И перебросили первого в мой округ, а меня — в его. И, чтобы придать этим хитромудрым манипуляциям видимость законности, закрепили их решением СНЕК (союза “Народное единство Казахстана”).

Я устроил тихую истерику Шершнёвой, назвал непорядочными действия дирижёров, которые сталкивают меня лоб в лоб с кандидатом, за которым стоит “Славия”... Ещё и предвыборная кампания не началась, а грязная игра уже идёт.

Такова плата за альянс с властями...

Теперь надо решать: либо принимать новые правила игры, либо вообще снимать свою кандидатуру...

Зашёл к С. П. Шевченко, обрисовал ему ситуацию.

— Теперь представьте себе картину, — говорю, — идёт предвыборное собрание, на котором “бодаемся” мы с Галенко. Представляют его: независимый кандидат, самовыдвиженец, борец за права славян и всех “некоренных”, добивается двойного гражданства и статуса русского языка как второго государственного... И тут же обо мне: ставленник властей, приспособленец, его специально в наш округ подбросили, чтобы нейтрализовать Галенко; чьи интересы он будет отстаивать, если его изберут?

— Да уж, — вздохнул многомудрый Сергей Павлович, — я думал, что сложности будут уже позднее, в работе парламента: как поступить в том или ином случае, какую позицию занять... А тут...

И после паузы С. П. добавил:

— Ты мне такую картину нарисовал, что я бы тоже, пожалуй, не за тебя, а за Галенко проголосовал. Он, конечно, ещё тот “деятель”, но ты ведь, хочешь того или нет, всё равно будешь связан известными рамками... Поэтому его кандидатура даже для меня предпочтительнее...

— Ну спасибо, — говорю, — успокоили.

Рассказал обо всём Ольге. Она советует не драматизировать происходящее, потому что отказаться от выборов в такой момент — значит, окончательно испортить отношения с властями. Работать они мне дальше в таком случае точно не дадут...

Сидел дома — одуревший, оступевший, разбитый... И две рюмки водки не помогли... Уже не помню, когда мне было так плохо. Ну почему я вынужден тратить свою жизнь на чёрт знает что, заниматься тем, что противно моей душе, насилуя себя?

Лежал без сна и вспоминал, когда мне ещё в жизни было так плохо... Припомнилась Железинка, когда я вскоре после окончания школы устраивался на работу в редакцию районной газеты "Ленинское знамя". В газету меня взяли сразу, а жилья никакого не было, и я целый день ходил по Железинке от дома к дому и спрашивал — не возьмёт ли меня кто на квартиру. Обошёл, наверное, с полсотни домов, но так и не смог найти угла...

Вернулся домой, в совхоз, не просто уставший, а раздавленный этим обстоятельством, лёг в дальней комнате лицом к стене... Тут зашёл отец, сразу понял, что у меня нелады, но не стал ни расспрашивать, ни успокаивать, а только жестковато усмехнулся:

— Ну что, не раздумал ещё работать в газете?

— Не раздумал, — сердито, в тон ему отвечал я, хотя не знал ещё, хватит ли у меня сил снова отправиться в столь равнодушно встретившую меня Железинку.

А потом всё как-то устроилось... Но это уже другая история, и я о ней, кажется, уже писал...

Ещё мне было очень плохо, когда я решил заняться своей внешностью, для чего отправился в Москву, в Институт красоты. Ехал, предварительно договорившись с главврачом — И. И. Кальгуненко, с которой познакомился в Павлодаре во время дней "Комсомольской правды" в нашей области. У меня была путёвка на ВДНХ, гарантирующая "койко-место" в гостинице, и обратный билет в Павлодар через пять дней. А вышло так, что предложили лечь в стационар, но не сразу, а через какое-то время... И билет надо сдавать — рвётся последняя ниточка с домом, и жить уже негде — срок путёвки закончился... Позвонил Ольге — как быть? "Оставайся, — сразу сказала она, — за нас не беспокойся, я справлюсь...". Договорились, что она ещё пошлёт мне денег телеграфом, и я пошёл сдавать билет. У меня было в тот момент ощущение, будто рушится моя жизнь. Я шёл по новому Арбату и едва не плакал — так мне было плохо. Один в огромном городе, который вдруг показался мне таким чужим, и впереди — полная неизвестность...

Наверное, Ольга почувствовала по моему голосу: со мной происходит что-то неладное. Оставив двоих наших детей у моей тётки, она поехала в аэропорт. В Москву улететь не смогла — не было билетов, полетела в Свердловск и уже оттуда в столицу. Добиралась сутки, хотя лёту от Павлодара до Москвы три с половиной часа. В Москве взяла обратный билет на следующий день в Омск (до Павлодара билетов не было) и отправилась на главпочтамт. Где меня искать — она не знала и решила, что на главпочтамт я точно приду — за деньгами. Полдня она просидела там, а затем отправилась к своим родственникам в Купавну, от которых только что уехал я (навещал их впервые по её просьбе). Сам не знаю почему, я поехал тогда на главпочтамт, ведь деньги у меня ещё оставались... Там мне и отдали её открытку, адресованную мне: "Вот так и заканчиваются все авантюры... Сутки летела к тебе, полдня сидела тут, уехала к родственникам в Купавну... Самолёт завтра утром...". К ночи я был в Купавне, мы увиделись, а утром я проводил её в аэропорт. Чтобы провести несколько часов со мной, она проделала этот путь Павлодар — Свердловск — Москва — Омск — Павлодар, который занял у неё в общей сложности около трёх суток...

После нашей встречи я воспрянул духом, хотя мне пришлось провести в Москве почти целый месяц. Но это опять уже совсем другая история, о которой, может быть, расскажу в другой раз...

Была ещё история взаимоотношений с Ю. А. Мещеряковым, когда времена-ми мне становилось невыносимо плохо, но она уже описана...

И вот снова... Что я за человек такой? Почему принимаю всё так близко к сердцу? Почему даже редакторство не задубило мою кожу, не сделало меня менее чувствительным?

Когда-то я писал, что и необыкновенные люди сереют и ветшают в постоянной обыденности, и, наоборот, обычные люди могут неузнаваемо преображаться в необычных — особых — обстоятельствах, проявляя свои лучшие, доселе скрытые от посторонних глаз качества. Так вот я, похоже, нормально функционирую лишь в нормальной, размеренной, предсказуемой жизни. А мне — так уж выходит — всё время навязывают не мою — чужую жизнь, с которой надо что-то делать.

А теперь спокойно взвесим на чаше весов последствия двух вариантов моих действий...

Первый: я вступаю в борьбу в новом округе и, в худшем случае, проигрываю... Трагедия? Отнюдь... На то они и выборы, чтобы кто-нибудь проигрывал...

Второй вариант: я отказываюсь от выборов под предлогом того, что мне поменяли округ. Так сказать, "сохраняю лицо", но, скорее, уже для себя да ещё для очень узкого круга лиц, потому что больше это вряд ли кто оценит... Вернее всего, в ходу будет иная версия: побоялся, уступил без боя — и кому? С редакторством тоже наверняка придётся расстаться — не сразу, так позднее...

Больше всего меня обижает то, что меня, грубо говоря, "используют". Но ведь это можно было и предвидеть: согласился играть на стороне власти — будь готов принимать и её правила. Иного не дано.

Так что надо утереть псевдоинтеллигентские слюни и жить дальше.

Ольга ещё иногда и посмеивается надо мной: "Что ты, — говорит, — расстраиваешься, вон у вас какая хорошая компания подбирается: через СНЕК выдвинуты кандидатами Гундарев, редактор "Экспресс К" Никанов...".

Гундареву-то это зачем? Надо будет позвонить ему...

13 января

За окном прекрасный — ясный, морозный — день. Белый снег, текущий Иртыш, тёмный лес на том берегу... Всё как будто располагает к покою и раздумьям... Но нет покоя в душе...

Вчера написал заявление о желании баллотироваться... Провёл встречу с членами инициативной группы, раздал подписные листы... Двое наших конторских журналисток, кое-чем мне обязанных, подписи собирать отказались: одна сказала, что не хочет, чтобы я уходил из конторы, а другая — без всяких объяснений... Ну да Бог с ними... Зато взялись помогать другие — на кого я вовсе не рассчитывал... Один Михаил Петрович Пудич — фронтовик, штурман-радист — чего стоит...

Встречался со своим главным соперником В. Галенко, который произвёл на меня хорошее впечатление. Я сказал ему: сожалею, что мы оказались в одном округе, но изменить уже ничего не могу. И добавил: моя команда не станет агитировать против него. Он отвечал почти то же самое, добавив, что вообще не хотел бы публичных дискуссий.

Разговор был корректный и мирный, хотя мы и поспорили... Он заметил: главное на этих выборах, чтобы в них действительно проявилась воля народа. По идее всё так, отвечал я, но ведь это народ выбрал Гамсахурдиа в Грузии, Эльчибея в Азербайджане, абсолютно не готовых к свалившейся на них миссии. А в России выбрали Ельцина, при этом многие голосовали не только за него, сколько против прежней опостылевшей власти КПСС. И что из этого вышло? Теперь вот за Жириновского проголосовали — уже потому, что не хотели Ельцина и тех, кто с ним...

Это трагическое противоречие нашего времени, отвечал он, однако общество должно переболеть и этой болезнью неразборчивости — голосования чувством, а не разумом, прежде чем окончательно выздоровеет.

“Вот бы мы оба прошли, — вдруг подумал я, слушая его, — наверное, мы были бы не самыми плохими депутатами”. Но расшаркиваться перед ним не стал... Его шансы по-прежнему оцениваю предпочтительнее моих. Ему будет достаточно сказать в любой неказахской семье: я за двойное гражданство и за государственный русский язык; передайте это всем своим друзьям и знакомым, попросите их всех прийти на выборы. И победа ему в преимущественно русскоязычном Павлодаре будет обеспечена.

Профилакторий мой пошёл прахом... То на работу надо, то предвыборные дела захлёстывают... Схожу сегодня напоследок в баню — и отчалю. Чем так “отдыхать” — уж лучше никак.

В российском Федеральном Собрании, которое должно состоять из двух палат — верхней и нижней — настоящая куча-мала... В верхней — Совете Федерации — никак не могут избрать председателя. В нижней — Государственной Думе — идёт борьба не на жизнь, а на смерть за регламент, где существенное значение будет иметь число депутатских фракций. В. Жириновский заявил о своих претензиях на председательство в Думе, после чего три фракции в знак протеста покинули заседание. Но почему он не может претендовать на этот пост, если его партия получила наибольшее число депутатских мандатов?

Бедная Россия... Когда же, наконец, закончится этот бесконечный спектакль театра абсурда?

Абсурды нашего времени — письмо из сегодняшней подборки писем. В Павлодар приехал из Находки мужчина — к своей жене, которая находится в декретном отпуске и живёт у своей матери. Едва он приехал, как тут же получил вызов с работы — надо срочно возвращаться. И начались мучения: сперва сказали, что билет можно взять за тенге, но потом оказалось, что за бронь надо платить российскими... Денег он едва наскрёб на приезд сюда, отпускные обещали переслать в Павлодар по почте. Но, во-первых, в Находке — свои проблемы с наличностью, а, во-вторых, денежные переводы (почтовые) из России в Казахстан заблокированы... Последнее — к вопросу о бесконечных заверениях глав двух наших государств: всё делается для свободного передвижения граждан и капиталов...

Денег зятю из Находки так и не нашли. Он собрал новые вещи жены и маленького сына и на автобусе поехал в Новосибирск, надеясь продать их, чтобы набрать нужную сумму на билет.

И на этой же странице, в подборке международной информации, публикуем сообщение о том, что американская компания “Вестерн юнион” пришла не только в Россию, но уже и в Казахстан. Она оказывает услуги по переводу денег из страны в страну: за считанные минуты они доходят до адресата. Речь идёт именно о частных переводах, и осуществляются они только в долларах, за солидные “комиссионные”. Частная компания запросто делает то, о чём месяцами не могут договориться две бывшие братские республики...

15 января

Известная павлодарская поэтесса О. Григорьева, бросив в субботу все домашние дела, отправилась собирать подписи в поддержку будущего кандидата в депутаты Ю. Поминова. А накануне она побывала с этой целью в Доме престарелых. Идея — гениальная по своей простоте: люди там живут очень компактно и, если опередить других претендентов на депутатский мандат, можно быстро заручиться поддержкой очень многих...

За два с половиной часа она собрала 41 подпись, после чего заведующая, которой надоело смотреть на её мучения, простодушно предложила: “Да не плачайтесь вы так, оставьте нам подписные листы, мы сами всё сделаем...”. И по секрету сообщила Ольге, что они некоторое время назад все эти подписи уже собирали — в поддержку кандидата-перебежчика, которого затем власти перебросили в мой прежний округ.

Позвонил М. П. Пудич: “Один подписной лист уже готов. Все, кто подписался, обещают голосовать за вас — даже те, кто вас лично не знает. Говорят: зато знаем газету — у такой не может быть плохого редактора...”.

Вчера по российским “Вестям” сообщили: подрались депутаты Госдумы. В Жириновский со свитой в “думской” столовой потребовал, чтобы их немедленно обслужили. А другой депутат, кажется, из Питера, сделал ему замечание: “Вы что не видите — мы раньше пришли...”. Сошлись — как два бычка... Жириновский, получив по физиономии, стал звать милицию... Обещал отправить обидчика в Лефортово, за решётку.

Спикером Госдумы стал Иван Рыбкин, бывший партфункционер, избранный от Аграрной партии. Его единственным соперником был Юрий Власов — тот самый, штангист, неоднократно чемпион мира, хотя, кажется, и сам он голосовал за Рыбкина.

Мне уже не раз передавали, что со мной хотел бы встретиться “перебежчик”. Но у меня подобного желания не возникало... И вот он сам позвонил домой, по тону чувствовалось — ему неудобно... “Давайте всё же увидимся... Я бы хотел вам помочь...”. — “Да вы уже и так помогли...” — чуть было не вырвалось у меня... А ответил после некоторого молчания: “Ну, давайте...”. Хотя о чём нам с ним говорить, если всё уже сделано, причём за моей спиной...

Вернулась домой поэт-агитатор. Собрала за полдня 50 подписей. Тяжёлое, говорит, это дело, думала — попроще будет... Большинство подписываются, но есть и такие, кто отказывается...

На Ольгу Воронько, также собирающую подписи, одна бабка и вовсе наорала: “Ваша газета не для людей, а для властей... Не буду за него голосовать!”. Так Ольга её и не уговорила. Зато уговорила какого-то парня, который сперва отказывался поставить свою подпись. “Ну сделайте это ради меня!” — не сдавалась Ольга. Он оглядел её внимательно и отмяк: “Ладно, но только ради вас...”.

Не так уж просто будет получить эти самые три тысячи подписей...

Димка сегодня утром — Ольге, что-то объясняя:

— Там были ещё три тётки — старые... Ну, как ты примерно...

О. обиделась:

— Дима, разве я старая?

— Я хотел сказать — по возрасту такие же, как ты, — поправился он.

Подорожали железнодорожные билеты — в среднем в два с половиной раза. В плацкартном вагоне до Алма-Аты теперь можно будет доехать за 26 тенге 42 тиына.

Абсурд новой ситуации в том, что если ехать в Россию, то билет стоит примерно в два раза дороже, чем когда едешь по Казахстану. Так, например, расстояние от Павлодара до Экибастуза и до Кулунды примерно одинаковое, однако билет до первого стоит 4,35 тенге, а до второй — 8,70. Это при том, что и до Кулунды поезд идёт примерно на 90 процентов по территории Казахстана. Ну разве не бред?

На грани банкротства объединение “Экибастузуголь”. Каждую тонну добытого угля горняки отпускают потребителям по 11 тенге при себестоимости добычи в 15 тенге. При этом большинство потребителей вовсе не рассчитываются за уже поставленный уголь: предприятия Казахстана задолжали около 30 миллионов тенге, России — 120 миллиардов рублей, Украины — 487 миллиардов карбованцев, Белоруссии — более пяти миллиардов рублей. Каким образом решать эту проблему — никто не знает. Но надо, во-первых, поднимать цену на уголь, а, во-вторых, сокращать объёмы его добычи, что повлечёт за собой массовые увольнения. Добыча, кстати, уже упала — с 90 до 73 миллионов тонн в год. Зреет недовольство в коллективах угольных разрезов...

Интересный материал Б. Хазырова об истории развития кооперации в области. Ещё в 1914 году в селе Вознесенском нынешнего Успенского района кооператоры убедили жителей села собрать деньги на небольшую электростанцию... На них купили и отремонтировали в Омске старый двигатель, провели провода, установили в избах 300 (!) электролампочек, а на улицах установили четыре электрофонаря. Так в домах жителей Вознесенского загорелся электрический свет. Жалко, Хазыров ничего не пишет о том, сколько времени просуществовала сельская электростанция...

Кстати, кооператоры, если верить автору, способствовали и созданию первой павлодарской газеты “Свободная степь”, которую затем прибрали к рукам местные большевики и стали издавать её под названием “Объединение”. А эта газета считается прародительницей нашей “Звезды Прииртышья”.

Всё у нас теперь почти как на диком Западе. Четверо в масках совершили налёт на коммерческий магазин “Живая природа”. Потребовали у продавца деньги — 12 тысяч тенге. Тот стал сопротивляться и был застрелен. Денег оказалось “всего” 11 тысяч тенге, и бандиты прихватили с собой шапку убитого. Пока что их не задержали...

А этот магазин, кстати, километрах в полутора-двух от нашего дома.

16 января

Вчера целый день принимал доклады — как начальник штаба...

Звонит неугомонный М. П. Пудич:

— У нас тут очень большой жилмассив — нам с Любовью Григорьевной, я и её привлек, не справится... Шлите подкрепление!

Любовь Григорьевна — его жена. Они вдвоём работают за добрую половину всей моей команды. Говорю Михаилу Петровичу:

— Там же у вас ещё группа ветеранов должна помогать...

— Да этот ваш Кузьма Семёнович — ни рыба ни мясо, ничего не может организовать. Только жалуется, что его никто не слушает... Он вам всё дело провалит... А я уже собрал почти 200 подписей... Но дело непростое — с каждым надо поговорить, кого-то приходится убеждать...

Ольга с Данькой пошли собирать подписи в дом, где живут Хухаревы — мои тётка и дядька. Помочь им взялся дядя Коля, которого в квартирах подъезда

встречали как родного, потому что каждому он когда-то чем-то помог.. Итог — 90 подписей, а всего за три дня Ольга набрала 150. Говорит: “Всё, больше сил нет..”.

Жасулан Садыков:

— Вчера ходил шесть часов и столько же сегодня. Из-за этого даже на свадьбу не пошёл. Заполнил два листа — это 250 подписей. Тяжёлое впечатление от того, как живут сегодня люди, от их настроения...

И уже в десять вечера звонок от Людмилы Ермолиной:

— Ходила с обеда — только пришла. Есть 107 подписей. Один отказался: не смогла ему рассказать, кто были родители твоей бабки и откуда они... Нашла ещё хорошую тему для газеты — один мужик из своей квартиры настоящую конфетку сделал. Обязательно напишу о нём.

В “Экспресс К” заметка: остановились актюбинские областные газеты — нет бумаги. “Местами” не выходит “Казправда” (она печатается не только в Алма-Ате)... У нас бумаги остаётся в лучшем случае на неделю, и нет никакой ясности с обещанным вагоном...

Пообщался с Еrsaином Шугабаевым — бывшим обкомовцем, а ныне — заведующим отделом внутренней политики городской администрации. Большой умница, абсолютно адекватно оценивает происходящее. Говорит, что идея наших властей с переброской “нужного” кандидата в мой бывший округ обречена на провал — он и там выборы проиграет. Я же их в том округе выиграл бы однозначно. А в соперничестве с Галенко мои шансы весьма проблематичны: русскоязычные избиратели будут голосовать за того, кто предложит им простые и ясные вещи — двойное гражданство и государственный русский язык. Что он уже и сделал.

Беда ещё в том, считает Еrsaин, что в окружении главы обл администрации практически нет людей, способных сказать ему в критические моменты правду, повернуть его лицом к реальности. Говорят же ему чаще всего то, что он хотел бы услышать. Иначе не было бы этой дурацкой чехарды с заменой округов: думают убить одним выстрелом двух зайцев, а, скорее, не получают ни одного. Еrsaин согласен со мной в том, что главное теперь для меня не столько победа на выборах (хотя и за неё надо побороться), а сохранение лица.

Хорошо, что у нас ещё есть такие люди, как Еrsaин Шугабаев.

Прочитал замечательное изречение о нашей профессии: “Журналистикой, говорят, можно достичь всего на свете, если её вовремя бросить”. Это сказал Эгон Киш — чешско-австрийский писатель-антифашист, которого называли неистовым репортёром. Просто гениально!

17 января

Е. Т. Гайдар отказался от предложенного ему поста первого вице-премьера российского правительства. Одна из причин, как объясняют толкователи бесптолковой российской политики, отсутствие рычагов влияния при принятии стратегических решений... Каково закрутили! Якобы ещё Гайдар против принятия Белоруссии в рублёвую зону и строительства нового здания парламентского центра за 500 миллионов долларов. В последнем он прав: выбрасывать такие деньги при нищете большинства россиян — просто безумие... А вот по рублёвой зоне — неправ, и не надо даже объяснять — почему.

Гайдар сказал, что будет работать в Думе, поддерживая конструктивные шаги правительства, но и оно, мол, при принятии решений должно поглядывать на “Выбор России”, который “младореформаторы” представляют..

Вообще, молодцы, конечно, “гайдаровцы”: дров наломали с реформами — и в кусты. Пусть заваренную ими кашу теперь другие расхлёбывают, а они оставляют за собой право и на “конструктивную оппозицию”... В случае чего всегда можно будет сказать: мы же вам говорили, но вы нас не послушали..

Разговор с Д. К. Ахметовым — по его инициативе — о том, почему меня “перебросили” в другой округ. Там Галенко при прежней раскладке кандидатов проходил стопроцентно. И столь же стопроцентно не проходил Алинов. При этом Д. К. убеждён, что я пройду и при новой расстановке сил — над этим поработают все, кому положено. Сам он планирует провести встречи с руководителями предприятий, чтобы объяснить им суть вещей. (Непонятно, правда, каковы у него и у этих руководителей будут, выражаясь языком российских политологов-толкователей, рычаги влияния?). Д. К. также сказал, что на моей стороне должны быть почти все избиратели-казахи. (Тут логика есть: не за Галенко же им голосовать. Хотя если в округе будут зарегистрированы кандидаты-казахи, то с какой стати все казахи-избиратели отдадут голоса мне?). Кроме того, по мнению аналитиков обладминистрации, я соберу не менее 30 процентов голосов русскоязычных избирателей. И, таким образом, победа моя вполне реальна. Но для этого на меня и на других “наших” кандидатов должны поработать “ЗП” и другие СМИ.

Логика во всём этом есть. Но это лишь теоретические построения, которые, увы, часто расходятся с жизнью... Впрочем, делиться этими своими сомнениями с Д. К. Ахметовым я не стал. Сказал лишь, что поддержка моей кандидатуры не должна быть ни лобовой, ни навязчивой. Иначе мы получим прямо противоположный результат. С этим он согласился: действовать надо осмотрительно и в рамках закона.

В заключение разговора Д. К., пусть и в слегка завуалированной форме, но всё же извинился за то, что им пришлось так со мной поступить... Тут же добавил: он глубоко убеждён в правильности этого шага, как и в том, что “мы обязательно победим”...

Это, скорее, хорошо, что такой разговор состоялся... И всё же как-то мне не по себе, что “они” считают меня своим. Я не отношу себя к противникам нынешней власти, но при этом не хотел бы быть чьим-то... Понимаю: так не бывает и, согласившись на что-то, в данном случае на выборы под флагом властей, надо принимать и их правила игры. И всё-таки не хочу...

То-то весело будет, если все мы трое — ставленники власти — “пролетим” в Павлодаре на этих выборах...

Рылся в бумагах и нашёл четверостишие — образец фольклора первых лет перестройки:

*“Товарищ, знай: пройдёт она —
Пора открытости и гласности.
И в комитете безопасности
Отыщут наши имена”.*

18 января

Ю. Сакин написал о проблемах Ермаковской ГРЭС. Первые энергоблоки этой станции, работающие уже по 25 лет, вот-вот выработают свой ресурс. Ещё в советские времена были разработаны графики текущих и капитальных ремонтов

оборудования. В прежние годы они худо-бедно выполнялись, а теперь ремонтные работы застопорились. Заводы-изготовители России, Украины, Белоруссии, получившие заказы на изготовление оборудования для станции, шлют телеграммы с требованием оплаты, а деньги из Казахстана в Россию (у станции они есть) по-прежнему “не проходят”.

Пока эта одна из самых надёжных станций в республике, которую раньше гордо именовали первенцем теплоэнергетики Казахстана, ещё работает. Но второй энергоблок уже в скором будущем может выйти из строя, и если это случится, восстановить его будет уже невозможно. Что, конечно же, скажется на работе предприятий, получающих электроэнергию этой станции.

19 января

Пересчитываю подписи: на сегодня реально имею 2300. Не так уж плохо, но агитаторы мои уже почти выдохлись... Надо их поднапрячь, только не знаю как...

Помогли и ветераны... “Перебежчик” организовал сбор подписей в мою пользу в Черноярке (она входит в наш округ). Я сказал ему при встрече, что зла на него не держу, хотя со мной поступили непорядочно.

Всего же в нашем округе подано на регистрацию семь заявлений: кроме нас с Галенко, правовед из местного вуза (от Республиканской партии), активистка-общественница (лицо без определённых занятий) от Народного Конгресса Казахстана, врач-педиатр, директор научно-технического центра — кандидат наук и т. д. В том числе четверо — казахи. Не знаю, как их смогут убедить отказаться от борьбы, а тем более представителя Республиканской партии, позиционирующей себя в качестве оппозиционной нынешней власти... Это я к тому, что идея властей оставить нас в округе вдвоём с Галенко (и тогда за меня минимум 30 процентов русских плюс большинство казахов, что и даёт необходимый перевес голосов) явно зависит... Хотя не исключено, что кто-то отсеется по самой простой причине — не соберёт нужного числа подписей.

Позвонила А. М. Ажибаева — с обидой: что, мол, в большие люди вышел — не звонишь и глаз не кажешь? Рассказал ей всё как есть. Говорит: всё правильно — раз уж взялся, теперь надо идти до конца. Тем более что и возможный проигрыш — для тебя не трагедия. В таком случае будешь иметь полное право сказать: это ведь была не моя, а ваша игра, вы ведь со мной не советовались, когда перебрасывали из округа в округ...

Я в последнее время всё чаще закидываюсь на себе, но, посмотрев сегодня российское ТВ, подумал: а ведь Б. Н. Ельцину, пожалуй, сегодня похуже моего... Демарши его вчерашних сторонников не прекращаются ни на день. После ухода Гайдара в “конструктивную оппозицию” от “правительства реформаторов” остался один Чубайс, который, похоже, будет ваучеризовать Россию даже в случае наступления всемирного потопа... Фёдоров (министр финансов) заявил: останусь, если уберёте Заверюху (вице-премьер, отвечающий за село) и председателя Нацбанка... В правительстве явно берут верх “крепкие хозяйственники” во главе с прошедшим огонь и воду В. С. Черномырдиным, что, может быть, и неплохо... И хотя Ельцин клянётся в преданности реформам, реформировать ему остаётся разве что самого себя, потому как не с кем это делать: все, кто их начинали, ушли в кусты... Даже два его советника недавно подали в отставку в знак несогласия уже “с реформами по Черномырдину”. И это тоже реформаторов очень хорошо характеризует.

20 января

В “АБВ” (вестник для деловых людей) — убийственные заметки о недавнем съезде СНЕК, его программе, списке выдвинутых кандидатов. Речь — о несостоятельности программы, номенклатурном принципе подбора кандидатов (120 человек), о том, что в случае успеха СНЕК республика получит парламент, в сравнении с которым распухший можно будет считать идеальным. К сожалению, почти всё в этих заметках правда. И хотя я не состою в СНЕК, но его выдвигенец, и на душе как-то гадковато...

В той же газете бывший депутат Верховного Совета (из непримиримых) Чернышёв заявляет: беда Назарбаева в том, что он слишком деятелен и всё замыкает на себя, а надо бы ему быть немножко с ленцой — таким, как Ельцин, а команда чтоб работала не покладая рук... Насчёт того, что всё замыкает на себя, скорее, правда, и сегодня это, может, даже хорошо... Ну а учиться у Ельцина Назарбаеву, пожалуй, нечему...

В “Независимой газете” интервью с Л. М. Кравчуком (“Рождественская исповедь”). Выглядит он в этой исповеди жалко, если не сказать — убого. Весь в трудах — о самостоятельности “ридной батькивщины”, да не все это понимают и ценят, многим только колбасу подавай... Россия без конца палки в колёса ставит, собственный парламент президента оскорбляет..

Вспору бы пожалеть Леонида Макаровича — так он ведь сам себе сотворил эту судьбу... И мало кому из ему подобных политиков есть дело до того, что простому люду на родине живётся хуже день ото дня. Ни шагу назад! Не поступимся самостоятельностью! А Украина тем временем всё больше погружается в экономический хаос.

Приходил Галенко. Разговор у нас вышел не слишком приятный.

— Мы с вами договорились вести предвыборные дела по-хорошему, но по-хорошему, видно, не получится! — чуть ли не с порога заявил он.

Суть дела: директор малого предприятия, в котором работает Г., получил указание от генерального директора “Павлодарэнерго” уволить его. В противном случае будет остановлено финансирование МП. Галенко квалифицирует всё это как козни властей в его предвыборной кампании. Ведь он теперь может стать безработным, что помешает ему зарегистрироваться кандидатом в депутаты. Г. намерен добиваться встречи с главой обл администрации, а его команда уже готовит акции протеста — листовки, пикеты, митинг.. При этом, подчеркнул Г., пострадает и моя репутация, как ставленника властей, которые расчищают мне дорогу в депутатство такими грязными методами. Информация обо всём этом, как и о манипуляциях с перебрской кандидатурой из округа в округ, появится в газетах — местных, республиканских, российских — это он мне гарантирует.

Хотелось бы думать, что Г. специально нагнетает обстановку, но непохоже. Разумеется, я предполагал, что в предстоящей кампании далеко не всё будет чисто. Но оказаться в дерьме, когда она ещё не началась...

Первое время после его ухода я пребывал едва не в коматозном состоянии, не зная, как поступить. Позвонил В.В. Шершнёвой, стал ругаться: что же вы делаете, зачем мне эта медвежья услуга, хотите, чтобы я вообще отказался идти на выборы? Она была в полном неведении: впервые об этом слышу, подожди — наведу справки...

Посоветовался с Б. В. Исаевым, и тот предложил очень эффективный ход: дать в газете материал о том, как поступают с Галенко, осудить в нём авторов “акции устрашения” и тех, кто стоит за ними, подчеркнуть, что это бросает тень

и на меня — как его соперника... Я же не собираюсь служить никому, кроме своих избирателей... Таким образом, команда Галенко потеряет важный козырь в критике “ставленника властей”, а власти поймут, наконец, что я не собираюсь быть пешкой в чьей бы то ни было игре, и со мной надо считаться...

Пришёл домой, набросал вчерне реплику, намереваясь поставить её уже в следующий номер... И вдруг звонит В. В. Шершнёва: глава администрации в её присутствии имел беседу с руководителем “Павлодарэнерго”, и тот ему сказал, что инициатором увольнения Галенко был сам директор малого предприятия. Выходит: кто-то из них попросту врёт: или Галенко, или его непосредственный начальник... Спустя какое-то время один из наших журналистов встретился с директором малого предприятия, который сразу даже не мог понять: при чём тут политика вообще и выборы в частности? Оказывается, в МП уже давно были недовольны Галенко: не столько работает, сколько занимается своими общественными делами. Вот директор ему и сказал: ты уж давай определяйся — или работай, как все, или уходи. Галенко сгоряча тут же написал заявление, а директор сгоряча подписал. Говорит: если бы знал, что Г. подведёт под это дело политическую базу, то, конечно, не стал бы увольнять его до выборов.

Галенко же попытался обернуть эту историю в свою пользу. И обернул: теперь он освобождённый председатель “Славии”, что только добавляет ему политических дивидендов в предвыборной кампании. И агитируют за него так: Галенко — защитник славян, он — за двойное гражданство и за русский язык — как за государственный. А против него Поминов — его позиция проказахская, он поёт под дудку властей. И всё! Какие ещё нужны аргументы?

Кстати, о двойном гражданстве. Мои помощники собрали уже около трёх тысяч подписей, и почти никто из горожан не интересовался этой проблемой, за исключением, правда, тех, у кого побывали “галенковцы”. Так что этот “козырь” они будут эксплуатировать на полную катушку...

Депутаты российской Госдумы установили себе оклады на уровне министров. Плюс каждый имеет право на персональное авто и трёх штатных помощников с окладами на уровне начальников управлений министерств, плюс бесплатный проезд (и пролёт) по России, плюс 48 дней отпуска, плюс спецполиклиника. Итого содержание каждого слуги народа (со всеми этими “довесками”) обойдётся бюджету России в 15 миллионов рублей. Не хило, как говаривает один мой знакомый.

На совещании в областной администрации названы цифры, характеризующие кошмары инфляции прошлого года. Вот лишь некоторые из них. Оптовые цены выросли в 15 раз, в том числе в лёгкой промышленности — почти в сорок раз, в чёрной металлургии — в 18 раз, потребительские цены — в 25 раз. Индекс инфляции (есть такой показатель) превысил 2000 процентов.

Объём промышленной продукции сократился на 17 процентов, производство мяса — на 14, молока — почти на 9 процентов. Финансовое состояние агропромышленного комплекса названо катастрофическим. Только ссудная задолженность совхозов и колхозов составляет почти 120 миллионов тенге — это на 3,6 млн. тенге больше, чем стоимость реализованной ими продукции. И дело тут не только в плохой работе села, но и в безумной экономической политике правительства. В некоторых хозяйствах люди не получили зарплату ещё за август и сентябрь, а мы хотим, чтобы они работали.

Катастрофически упал жизненный уровень большинства населения. Так, если в декабре 1992 года на среднемесячный заработок рабочих и служащих можно было купить 68 килограммов хлеба, то в минувшем ноябре (ещё до декабрьского

всплеска инфляции) — только 24; говядины, соответственно, 4 и 2 килограмма и т.д. Чтобы купить цветной телевизор, среднестатистическому работнику надо было проработать в декабре 1992 года 62 дня, а в ноябре минувшего — уже 212 дней. Правда, этот пример вообще не слишком уместен, поскольку этих телевизоров в свободной продаже не было ни в том декабре, ни в этом ноябре...

Рекордсменом роста цен можно считать транспорт: стоимость услуг пассажирского транспорта выросла за год почти в 63 раза, в том числе авиационного — в 71.

Собрание профсоюзного актива “Экибастузэнерго” выразило недоверие Кабинету министров Казахстана. Последней каплей терпения стало решение правительства установить свободные цены на продовольствие. Экибастузские энергетики по уровню зарплат — не самые бедные в области, но денег они не получали с ноября.

П. Оноприенко анализирует в своей корреспонденции первые итоги недавней “экибастузской акции”, когда было решено передать потерпевшие финансовый крах совхозы под крыло здешних промышленных гигантов. Только “Экибастузуголь” вложил в четыре совхоза более полутора миллиардов рублей, все предприятия и организации города — около пяти миллиардов. Плюс — около пяти миллиардов рублей вливаний из областного бюджета. Что же в итоге? Мяса и молока район поставил государству на треть меньше, чем до этого, задолженность хозяйств банкам превысила шесть миллиардов рублей. Крупного рогатого скота стало меньше на четверть, овец — на 43 процента. Потребности Экибастуза в мясе здешнее село “закрывает” лишь на 25 процентов.

— Это же какая-то чёрная дыра, — возмущался один из собеседников нашего собкора, — гораздо выгоднее было бы на все выделенные деньги закупить те же мясо и молоко где-нибудь напрямую...

Да уж, экибастузские хозяйства никогда не блистали экономическими результатами. А нынешний кризис, похоже, доконает их окончательно...

П. В. Лефлер побывал на съезде потребительской кооперации области. И вывод его заметок неутешителен: рушится даже такая проверенная временем, перешедшая из капитализма в социализм система хозяйствования, как потребкооперация. До развала СССР она располагала в области 1304 магазинами, имела свои перерабатывающие цеха и более крупные предприятия. Но за последние годы система лишилась 464 магазинов, очень многих объектов общественного питания, сотни сельчан остались без работы.

На съезде говорилось, что хоронить потребкооперацию ещё рано, но если темпы “самоликвидации” останутся прежними, то через несколько лет от всей столь нужной селу (да и городу тоже) отрасли останутся одни воспоминания.

22 января

Опубликовали “казтаговскую” информацию о том, что возобновляется обмен денежными переводами между Казахстаном и Россией. Почтовые переводы будут конвертироваться — по действующему курсу тенге к рублю и наоборот.

Впрочем, радоваться ещё рано. Пока переводы будут идти только из России в Казахстан. Это потому, что уже принятые на сегодня суммы из Казахстана значительно превысили встречный поток. Как только будет достигнут баланс, откроется приём переводов и от нас.

Последнее условие, по-моему, абсолютная глупость. А что, если баланса не будет потом? Где гарантия того, что встречные денежные потоки будут равновеликими?

Наконец, какое мне дело до всех этих тонкостей, если я хочу послать свои кровные деньги кому-то в Россию или кто-то, наоборот, оттуда хочет отправить их мне?

Свершилось! В Аксуском районе, пишет Ю. Сакин, расформируют совхоз “Целинный”! Не было, наверное, за последние лет двадцать в области хозяйства хуже. Помню, я ещё в практикантах ездил туда по письму местных жителей, жаловавшихся на своё незавидное житьё-бытьё... Казалось, какое-то проклятие висит над этим совхозом. И шефов-промышленников ему самых лучших давали, и руководителей меняли, и долги списывали — ничего не помогало.

Недавно группа наших сельхозников побывала в США с целью набраться ума-разума у тамошних фермеров. И вот глава Аксуской районной администрации Куат Есимханов, и без того убеждённый рыночник, ещё более проникнувшись за океаном идеей насчёт того, что у земли должен быть хозяин, и заручившись поддержкой наших областных властей, затеял кардинальную реформу “Целинного”.

Совхоза больше не будет. На сходе людям объяснили: хозяйство — банкрот, долги его больше никто погашать не станет. Имущество и долги делим на всех взрослых жителей, каждый получает и свою долю земли. Хочешь — хозяйствуй сам, хочешь — объединяйся с родственниками, соседями, создавайте крестьянское хозяйство и т. д.

В итоге образовалось уже 41 крестьянское хозяйство, некоторые решили остаться единоличниками и, взяв полагающийся им скот, думают жить личным подворьем. Бывший главный инженер Геннадий Кожанов (толковый, кстати, мужик, я помню его ещё по той своей практикантской командировке, ночевал у него дома) выкупил МТМ. И хоть она пока доброго слова не стоит, убеждён — без заказов его “фирма” не останется.

Главный ветврач Канат Жакенбаев создал малое ветеринарное предприятие, которое уже начинает оказывать услуги крестьянским хозяйствам и подворьям односельчан.

На втором отделении жители всех 48 дворов сложили свои доли и доверили управлять созданным крестьянским хозяйством бывшему управляющему Жаксыбеку Садвакасову.

Словом, твори, выдумывай, пробуй... Кто-то полон энтузиазма (“Я верю — всё у нас получится!”), кто-то пребывает в унынии (“Как же мы теперь будем жить — без совхоза?”). А что в итоге получится из “целинного эксперимента”, покажет только сама жизнь. И покажет очень скоро.

Неутомимый Марат Жиланбаев провёл пресс-конференцию в Москве, посвящённую очередному его марафону через Большую пустыню Виктория в Австралии. 1600 километров он одолел за 22 дня, самой трудной была первая половина пути, когда среднесуточная температура воздуха составляла плюс 40 градусов.

Его очередное достижение должно быть внесено (уже в пятый раз!) в Книгу рекордов Гиннесса. На пресс-конференции Марат сказал, что теперь готов к осуществлению своей заветной мечты — пробегу вокруг земного шара. Впрочем, ещё до этого он намерен совершить путешествие через Берингов пролив — по дрейфующим льдам. Старт назначен на конец февраля...

23 января

Референдум в Туркмении — о продлении полномочий президента С. Ниязова ещё на пять лет. “За” — 99,99 процента проголосовавших. Комментарии излишни... Однако же нашлись и 212 человек, которые были против!

Набросал предвыборную программу. Ничего, в общем, особенного. Буду ещё корректировать — с учётом реалий. Ольга берётся за организацию агитационной кампании...

25 января

Бастуют горняки разреза “Богатырь”. Один из поводов — задержка зарплаты, которую они получали в последний раз в ноябре. Среди требований — урегулирование проблемы долгов предприятия (смежники задолжали разрезу 400 миллионов тенге), индексирование зарплаты и другие...

Экибастузских угольщиков трудно заподозрить в экстремизме — терпение их можно назвать поистине беспредельным. Но когда-то иссякает и оно... В переговоры с ними вступили областные и городские власти, включилось, наконец, и правительство, пообещав телеграммой срочно авансировать горняков 50 миллионами тенге на зарплату.

Не лучше, если не хуже, дела в тресте “Экибастузэнергострой”, где большая часть персонала находится в вынужденных отпусках. Люди сидят без денег уже с ноября. Паралич вызван неплатежами заказчиков, которые задолжали тресту более шести миллионов тенге. Причём львиная доля долгов приходится на “Экибастузэнерго”, в состав которого входит трест. Но у объединения — аналогичные проблемы, и непонятно — кто и как сможет разорвать этот порочный круг.

Информационные агентства со ссылкой на “Вашингтон пост” сообщили: “Появляется всё больше косвенных доказательств, что Саддам Хусейн помогал финансировать политическую кампанию в ходе выборов в России опасного ультрационалиста Жириновского. Источники в американской разведке утверждают даже, что Саддам считает Жириновского своим протезе”.

“Вашингтон пост” — газета, конечно, солидная, но верится в подобное как-то не очень... Хотя, с другой стороны, откуда у Жириновского такие деньги?

26 января

“Официально” (после окончания отпуска) вышел на работу. Пустой, длинный день — дёрганый и безрезультатный. Газета останавливается — нет бумаги. Дали обращение к читателям: когда выйдет следующий номер — не знаем...

Настроение в конторе вялое, апатичное... Кто-то собирается уезжать, кто-то растерялся и не знает — как себя вести, кто-то считает, что работать за такие деньги — “западло”, а кто-то и вовсе никогда не умел работать...

Трудно будет переломить такой настрой...

Областная прокуратура вынесла Роберту Штарку официальное предупреждение — за неуважительное высказывание в адрес культуры казахского народа... Речь о материале О. Фроловой с конференции “Славии”, в котором она процитировала одну из выступавших — доцента пединститута...

Можно судить-рядить по-разному, но тут мы всё же “подставились”: далеко не всё, что буровят активисты “Славии” или “Азата”, надо тащить в газету...

Был большой скандал, и вот — предостережение Штарку, который подписывал газету во время моего отпуска.

По телевидению, радио, в газетах — кандидаты, кандидаты, кандидаты... Ольга утром заметила:

— Ну, полезли из всех щелей — как тараканы!

Я подумал, что это и ко мне относится, хотя ещё ничего агитационного не публиковал... Но промолчал, потому что О. решила сама возглавить мою группу поддержки.

Дела в экономике всё хуже и хуже. Предзабастовочная готовность на угольных разрезах Экибастуза... Не выходят на линию до 80 процентов междугородных автобусов. В Павлодаре в обычном режиме автобусы работают два часа в сутки: час-полтора утром и столько же вечером, на большее нет горючего.

Объявлено, что в 50 раз увеличиваются вклады граждан в сберкассах — у тех, кто имел на первое августа прошлого года до тысячи рублей... То есть, если у меня было к тому времени пять тысяч, то проиндексируют лишь тысячу, которая превратится в 110 тенге. Остальные так и станут болтаться на счету — это теперь 10 или 15 тенге.

Не индексация это, а сплошная фикция...

Вчера сдал в избирательную комиссию подписные листы, в которых 3900 подписей. Спасибо моим помощникам — это они потрудились.

Ещё отправил в адрес Центризбиркома денежный залог — пять должностных месячных окладов, чем существенно подорвал и без того тощий семейный бюджет. Впрочем, надеюсь получить эти деньги обратно — уж пять-то процентов голосов избирателей, наверное, наберу.

27 января

Н. А. Назарбаев в интервью “Казахстанской правде” заметил: он не воспринимает термина “русскоязычное” население, поскольку в Казахстане таковыми являются почти все жители, в том числе, конечно же, и казахи...

Н. А. Назарбаев считает, что вместо двойного гражданства лучше “иметь общий документ, позволяющий жить там, где человек хочет, независимо от гражданства. Ведь людей именно это волнует, а не два паспорта в кармане”. Он сказал, что передал такое предложение руководителям России, других государств.

Не совсем понятно, что это может быть за документ, хотя, на первый взгляд, идея хорошая.

К угольщикам “Богатыря” присоединились коллективы разрезов “Восточный”, “Северный”, “Майкубенский”. Требования, в общем, те же, но теперь общие. В случае их невыполнения горняки оставляют за собой право прекратить добычу и отгрузку угля. Руководитель объединения “Экибастузуголь” и представитель бастующих вылетели в Алма-Ату для встречи с премьер-министром.

Ольга нашла в “Неделе” материал нашего бывшего журналиста Виталия Ерёмкина. Речь о том, как Виталий вместе с помощниками (среди ближайших был и ныне известный кинорежиссёр Владимир Хотиненко) организовывали “похищение” неблагополучных детей в Павлодаре и перевоспитывали (во всяком случае, пытались вырвать из полублатного уличного мира) в Баянауле. И многие из тех мальчишек стали потом достойными людьми.

Даём заметку об этой публикации в надежде, что, может быть, кто-нибудь из этих вчерашних “гаврошей” откликнется.

Да, а Ерёмкина мы в своё время в конторе, похоже, не разглядели — видели в нём, скорее, сноба, человека, не желающего делать “черновую” журналистскую работу...

По данным облстатуправления, среднемесячная зарплата рабочих и служащих в области составила в прошлом году 144 тенге. В том числе в ноябре — 439 тенге. В промышленности в том месяце она составила 707 тенге, а на алюминиевом заводе — 2032 тенге. Разрыв между зарплатой работников некоторых предприятий промышленности и зарплатой работников здравоохранения составил в ноябре 12,5 раза, чуть меньше этот разрыв у работников сферы образования — 10 раз. Такой у нас рынок.

29 января

Суббота, утро... Такой хороший — густой — снег идёт за окном, что сразу светлеет на душе. А вчера ложился спать в тягостных раздумьях. Поздно вечером позвонил домой Жасулан Садыков, который согласился помочь мне на выборах как доверенное лицо. Он прочитал мою предвыборную программу, где есть пункт о придании русскому языку статуса второго государственного, и считает что это — гибельный путь для казахского языка, пребывающего в полузадушенном состоянии. Жасулан считает, что я совершил тактическую ошибку, включив этот пункт в программу — теперь ни о каких симпатиях ко мне избирателей-казахов говорить не приходится...

Это говорит Жасулан, едва ли не самый здравомыслящий человек в национальных вопросах среди всех тех, кого я знаю... Что же говорить о других его собратях, настроение которых ему известно куда лучше, чем мне?

Но, с другой стороны, и я ведь не должен делать вид, что языковой проблемы не существует — она, пожалуй, самая горячая для большинства избирателей-неказахов.

Мы, конечно, ещё подискутируем на эту тему с Жасуланом, но, мне кажется, это трагическое противоречие, когда у каждого своя правда, сегодня вообще вряд ли разрешимо...

Бесславно закончилась судьба одного из печально известной славянской тройки, упразднённой СССР, — С. Шушкевича. Парламент Белоруссии подавляющим большинством голосов отправил его в отставку. Последний повод — арест на территории республики бывшего первого секретаря ЦК Компартии Литвы и его сподвижников. Они теперь живут где-то в Подмоскowie (из-за того, что у себя на родине могут быть арестованы), в Минск приехали на какой-то коммунистический форум и были задержаны (само собой — не без ведома высших должностных лиц Белоруссии), на машинах вывезены в Литву и находятся теперь в тюрьме. Ещё Шушкевичу инкриминируется личная нескромность, хотя и не объяснено, в чём она проявилась... При этом премьер-министру Кебичу, наоборот, парламентом доверие оказано.

Комментируют случившееся по-разному, в том числе и как “коммунистический реванш”, прямую угрозу рыночным реформам... Но факт остаётся фактом — возмездие настигло первого из “беловежской тройки”.

Новые советники Ельцина — академики Абалкин и Петраков — заявили: реформы “по Гайдари — Фёдорову” не только провалились, но и привели к деградации всего общества, и теперь надо усиливать влияние государства на экономику, усиливать социальную ориентацию государственной политики... По некоторым данным, производство в России, по сравнению с 1993 годом, упало почти вдвое... Зато в стране уже, наверное, с десяток президентов, и некоторые из них (Чечня, Татарстан) претендуют на самостоятельные договорные отношения с Россией.

30 января

Посмотрел по ТВ “У заставы Ильича” Марлена Хуциева (автор сценария — Геннадий Шпаликов). Наверное, можно покритиковать авторов фильма за некоторую его затянутость, но поразительная интонация, ненавязчивое и неспешное всматривание в жизнь, незатейливость сюжета, искренность и одухотворённость просто завораживают. Это и есть волшебство настоящего творчества. Чего стоит один поэтический вечер в Политехническом музее с молодыми Евтушенко, Рождественским, Ахмадулиной, Вознесенским... Прошедший войну живописный Григорий Поженян, уже немолодой, ироничный Михаил Светлов... Удивительная атмосфера духовного единения в зрительном зале — эти одухотворённые лица... Цены нет этим документальным кадрам, ставшим историей. И как жаль, что таких фильмов уже больше не будет!

Ходили с Ольгой в театр, на презентацию пластинки с неизвестными произведениями И. Дунаевского. Их “раскопал” и организовал запись Н. Г. Шафер — на сегодня, пожалуй, самый значительный исследователь жизни и творчества этого композитора в СНГ и в мире. Помимо прочего, Наум Григорьевич давно доказал, что провинции не бывает.

Малый зал театра был переполнен, многие стояли... И уходили люди после вечера с просветлёнными лицами...

31 января

Есть результаты опроса, проведённого отделом внутренней политики Павлодара. Если ему верить, то положительно к моей кандидатуре относятся 30 процентов избирателей, нейтрально — 58, отрицательно — 12. У Галенко эти показатели, соответственно, 26-64-10. То есть всё решат те, кто ещё пока не определился. Задача — дойти до каждого из них.

Выходим завтра на двух страницах. Нет бумаги. Как будто идёт вагон с ней, давно нами оплаченный... В конторе — разброд, людей расхолаживает такая нестабильная работа, а спрос учинять в такой ситуации уже трудно...

Ложится на операцию в Павлодаре отец Николая Лиханова (нашего зятя, мужа моей сестры Натальи) Михаил Иванович. Фронтовик, ему полагаются какие-то льготы... Но вместо них, прежде чем его положить, в больнице вручили список всего, чем он должен быть снабжён: лекарства, 30 метров марли, мыло, резиновые перчатки. Лекарство и марлю пришлось искать по нескольким аптекам. Последняя в государственных аптеках была по одному тенге четыре тиына, но её не хватило, а в коммерческих — уже по 4,50. Итого на медикаменты к операции ушло около 250 тенге, или примерно полторы пенсии Михаила Ивановича...

Аскар Акаев получил на референдуме о продлении своих президентских полномочий полную поддержку. В голосовании приняли участие примерно 95 процентов избирателей, и примерно 95 процентов из них поддержали его политику... Вот только поможет ли это ему в дальнейшем?

Мать сегодня сказала мне: она уже жалеет, что подталкивала меня к участию в выборах. Теперь сокрушается: “Может быть, если бы не я, ты и не стал бы с этим связываться...”

Продолжение следует.

Владимир БОЙКО

Сюжеты и портреты

Записки неопределённого жанра

Главы из книги

В первом номере нашего журнала за прошлый год были опубликованы главы из новой книги казахстанского парламентского журналиста Владимира Бойко о парламенте страны и его депутатах “Сюжеты и портреты. Записки неопределённого жанра”, в которых представлены очерки-портреты наших известных современников — депутатов высшего законодательного органа республики: Зауре Кадыровой, Аманжолу Булекпаева, Нуртая Абыкаева, Касым-Жомарта Токаева, Аргынбая Бекбосына, а также некоторые наблюдения, размышления и зарисовки автора.

Владимир Бойко продолжает работу над книгой, и в этом номере мы публикуем новые главы из второй её части.

А из меня такой солдат, как изо всех...

Призыв в Советскую Армию обошёлся мне в три бутылки хорошего армянского коньяка, которые я выклянчил у председателя райпо из его личного “председательского” фонда. Правда, одна из приобретённых бутылок была с ним же и распита: правила игры я знал.

Дело в том, что на меня, сперва как на заместителя, а впоследствии исполняющего обязанности директора сельской школы, распространялась броня на отсрочку от службы в армии, поэтому я вынужден был “учительствовать” в сельской местности до истечения призывного возраста, то есть до 28 лет, что моим жизненным планам несколько не соответствовало. Между тем направленная мною на конкурс для поступления в аспирантуру работа об эстетике женских образов романов “попереломного” Л. Толстого привлекла внимание члена-корреспондента АН КазССР, профессора КазПИ Н. С. Смирновой (сподвижницы известного казахстанского учёного-лермонтоведа, профессора Е. И. Ривлина), и она выразила готовность быть моим научным руководителем, что, по сути дела, давало “зелёный свет” при поступлении в аспирантуру. Но заведующий районо Геннадий Кансков и слышать не хотел ни о каком литературоведении.

Спустя два года, вконец изнурённый перманентным ремонтом постоянно протекающей кровли школьного здания, локальными войнами с непросыхающими от беспробудного пьянства кочегарами школьной котельной, запутанными отношениями с сельскими мадоннами и общим идиотизмом деревенской жизни, я решил идти другим путём, что в своё время, как известно, неплохо удалось одному из главных основоположников. Тогда мною были приобретены в райпо три бутылки армянского коньяка.

Литр благородного напитка предназначался для обеспечения конструктивного взаимодействия с заместителем районного военного комиссара, с которым я был шапочно знаком, так как его племянники были моими учениками. К концу первой бутылки майор “прозрел” настолько, что, наконец, понял: я прошу его не об отсрочке от армии, а, напротив, добиваюсь призыва. Осознав неординарность

ситуации и предполагая наличие в моём портфеле ещё одной бутылки, майор предложил продолжить обсуждение столь щепетильного вопроса в неформальной обстановке у него дома. Зная о наличии в этой семье очень симпатичной дочери — студентки медицинского училища, я с энтузиазмом принял предложение, поскольку эстетика женских образов заинтересовала меня как с научной, так и с чисто прикладной точки зрения. Однако юная красавица за весь вечер на кухню, где папа “принимал” будущего призванного, даже нос не сунула.

— Зря ты это затеял, — говорил майор, раскладывая для меня диван в зале. — Мне-то тебя призвать — раз плюнуть, это не проблема, и закон я этим не нарушаю. Но зачем тебе армия, ты интеллигентный, ты матом не ругаешься, драться не умеешь (эти заключения были глубоким заблуждением майора). Есть возможность избежать службы, сиди и не рыпайся, ведь в нашей армии, — бубнил бурчал он, — только старшие офицеры — нормальные люди, а сержанты так и вовсе одноклеточные, трудно тебе будет.

— Не будет! — резюмировал я и завалился спать.

И как в воду глядел: сегодня я вспоминаю службу в Советской Армии как один из самых славных периодов моей далеко не всегда праведной жизни.

Не знаю, по протекции благоволившего ко мне майора или просто волею судьбы, служить довелось на Северном Кавказе, в Ейском высшем военном авиационном училище лётчиков имени лётчика-космонавта СССР В. Комарова, который в своё время это училище закончил. Здесь же обрели крылья и получили путёвку в небо командиры космических кораблей лётчики-космонавты Павел Беляев, Георгий Шонин, Владимир Джанибеков, Юрий Онуфриенко, Геннадий Падалка, кубинский космонавт Томайо Мендес Арнальдо и другие асы.

В ШМАСе — школе младшего авиационного состава — после того как я заметил, что в названии училища только первое слово следует писать с большой буквы, видимо, посчитали моё превращение в сержанта совершенно бесперспективным делом и направили непосредственно в часть, где я как спортсмен-разрядник угодил прямиком в спортроту, поскольку приближалось празднование какой-то очередной юбилейной даты училища, которую командование намеревалось провести с большой помпой, включающей массу мероприятий, в том числе спортивных.

Но после нашего позорного проигрыша в футбольном чемпионате и демонстрации весьма скромных результатов по другим видам спорта начальник училища генерал-майор авиации А. Подкопников, которого опасались даже старшие офицеры, распорядился “разогнать этих оборотов к такой-то матери”, вследствие чего спортрота была реорганизована в спортвзвод, влившийся в роту охраны батальона обеспечения.

На первом же построении роты взгляд её командира капитана Ю. Ганущака (впоследствии полковника) остановился на мне.

— Ну-ка, любезнейший, подойдите к турнику и продемонстрируйте, чему вы научились в спортроте.

Командир не знал, что я и до спортроты кое-что умел: уверенно подтянувшись требуемые восемь раз, я продемонстрировал “выход силой” и завершил своё показательное выступление, исполнив “угол”, правда, не в 90, а так, примерно, градусов 100-110.

— Недурственно, весьма недурственно, — протянул капитан, очень любивший всякие архаизмы, типа “голубчик”, “почтеннейший”, “любезнейший” и прочие.

Капитан, бравый, красивый офицер, был старше меня на четыре с небольшим года и имел одну особенность: помимо устаревшей лексики, он просто обо-жал сладкое и конфеты жевал, по-моему, постоянно, предпочитая “Грильяж”.

Где он их доставал в эпоху тотального дефицита, я ума не приложу, поскольку этот сорт всегда был большой редкостью. В день своего 28-летия командир явился на утреннее построение с объёмным кулком и, медленно двигаясь вдоль строя, одаривал солдат своим любимым лакомством. Когда он поравнялся со мной и конфеты опустились в мою протянутую ладонь, я, как и положено по уставу караульной службы при получении боевых патронов, бодро отпартовал:

— Рядовой Бойко три шоколадные конфеты получил!

Солдаты дружно расхохотались, а капитан, оценив незамысловатый армейский юмор, стал относиться ко мне с заметной симпатией. Намереваясь поступать в Академию Генштаба ВС, он по вечерам довольно часто приглашал меня в свой кабинет для бесед на отвлечённые, преимущественно литературные и философские темы, порой записывал кое-какие мысли в свой объёмный кожаный блокнот, который постоянно носил в офицерском планшете. Однажды в завершение такой беседы он спросил:

— А как вы, уважаемый, насчёт выпить?

— Прежде чем отвечать, я хотел бы уточнить: это вопрос или предложение?

— Я, вообще-то, насчёт чашки чая, всё остальное по уставу не положено, — разулыбался капитан. А глаза такие добрые-добрые, ну что твой дедушка Ленин.

Я нейтрально пожал плечами, никак не выразив своего отношения ни к предложению, ни к уставу, ни к упомянутому напитку.

Впрочем, выпить вскоре довелось, правда, отнюдь не чая, не в компании ротного и совершенно презрев положения столь уважаемого им армейского устава.

В части проходили службу ещё четыре-пять педагогов, с которыми я периодически общался. Накануне Дня учителя мы решили отметить свой профессиональный праздник, для чего правдами и неправдами приобрели пять бутылок очень неплохой даже по тем временам «Кубанской» водки, четыре из которых спрятали в огнетушителях в казарме, а одну — на хоздворе, на кухне питомника служебных собак, где намечалось проводить наш торжественный «педсовет».

В питомнике, располагавшемся в районе комендантского взвода, жили 12 собак, восточноевропейских и немецких овчарок. Это были мощные, сытые и хорошо натасканные на охрану зверюги, признававшие только коменданта части и прапорщика-кинолога, на любые проявления интереса со стороны посторонних реагиовавшие оскалом зубов и недружелюбным рыком. Еду им готовили на хоздворе и на тележке отвозили в питомник.

Кроме того, по части в поисках, чего бы перекусить, болтались несколько приبلудных псин. Среди них особо выделялся большой хромой пёс по кличке Рыжий, о котором уместно сказать особо.

Рыжий был помесью дворняжки с представителем какой-то благородной породы, возможно, с московской-сторожевой или старонемецкой овчаркой. Этот «метис» обладал добродушным нравом, был очень отзывчив на ласку, дружил с солдатами нашей роты и квартировал, преимущественно, в караульном помещении складов матчасти, на что ротное начальство закрывало глаза. Я наловчился по утрам чистить сапоги об его подбрюшье и без особого труда доводил глянец до зеркального блеска, поражая старшину совершенством своего мастерства. Рыжий же принимал мои действия как знак особого внимания, ласки и, похоже, был даже признателен за ежедневный утренний массаж живота сапогами.

Но главное достоинство Рыжего заключалось в том, что он обладал необычайным чутьём и был хорошо натаскан будить уснувших на посту в ночном карауле бойцов в случае появления проверяющих.

Однажды я, находясь в бодрствующей смене ночного караула, читал какую-то библиотечную беллетристику, а Рыжий, развалившись у моих ног, безмятежно дремал на полу. Атмосферу караулки он при этом вовсе не ароматизировал, и я даже хотел “попросить” его покинуть помещение, но Рыжий вдруг поднял голову, прислушался, потом вскочил, кинулся к дверям и протяжно заскулил. Я немедленно разбудил спящего в комнате отдыха начальника караула, прапорщика по кличке Компот, каковую он получил за свое любимое выражение “грёбаный компот”.

Я всегда поражался народной меткости и остроумию в присвоении кличек. Солдатская среда в этом плане исключением не была.

— Вот я вам сику так надеру, век помнить будете, — часто обещал проштрафившимся офицерам и курсантам полковник Хватов, доцент, начальник кафедры аэродинамики, к которой я был временно прикомандирован для приведения в порядок наглядных пособий и учебной документации в преддверии нового учебного года. Однажды, когда полковник был в добром расположении духа я, прикинувшись “шлангом”, обратился к нему:

— Товарищ полковник, я по образованию учитель русского языка и хотел бы знать, что такое “сика”, которую вы можете надрать?

— Чтоооо? — в недоумении переспросил начкаф.

— Простите, товарищ полковник, но у меня чисто профессиональный интерес, к семантике слова...

— Вот я его удовлетворю, твой профессиональный интерес, я тебе устрою семантику, я тебе так сику надеру, что век будешь помнить и ученикам своим рассказывать, любознательный ты наш!

Выражение стало популярным. Как-то Хватов пожаловался начальнику училища на какие-то нестыковки в работе учебно-лётного отдела.

— А ты им сику надери, — посоветовал генерал.

— Есть надрать сику, — нимало не смутившись, ответил полковник под сдерживаемый смех офицеров.

К чести полковника следует признать, что практически испытать на себе процесс “надиранья сики” никто так и не сподобился. Возможно, это было нечто настолько ужасное, вроде применения стратегического ядерного оружия, что полковник сам опасался приводить свою угрозу в исполнение, применяя её лишь в качестве сдерживающего фактора. Тем не менее кличка “Сикодрал” закрепилась за ним прочно и, подозреваю, навсегда.

Тем временем прапорщик Компот, удаляя мокрым полотенцем с лица остатки сна, ругался:

— Ни одной ночи, мать твою, спокойно поспать не дают, выпусти пса на улицу, грёбаный компот!

По характеру прапор был отнюдь не Махатма Ганди, но дело своё знал туго. Я выполнил указание, и Рыжий мгновенно растворился в ночи. А через две-три минуты раздался звонок: прибыл проверяющий лейтенант из комендатуры в сопровождении двух бойцов комендантского взвода. Наш прапорщик, строго соблюдая все уставные и режимные формальности, совершенно спокойно повёл лейтенанта по постам караула, где все солдаты, как выяснилось, доблестно несли свою “нелёгкую” ночную службу. Как только за проверяющими захлопнулась дверь, появился довольный Рыжий и с чувством честно исполненного долга вновь развалился на полу: мол, дело сделано, не грех и отдохнуть.

Старослужащие рассказывали, что комендант части, прознав о выдающихся способностях пса, когда-то стрелял в Рыжего из своего табельного пистолета и, к сожалению, не промахнулся, после чего раненая собака где-то пропадала недели две, вероятно, зализывала раны, и вернулась в роту под бурные овации бойцов. Но хромота осталась.

Ко времени последующих событий я служил в штабе дивизии, точнее — в политотделе, в качестве инструктора по комсомольской работе занимался обменом комсомольских документов, имел свободный выход в город, в горком комсомола, и зачастую в казарму роты охраны возвращался лишь к вечеру, ночевать.

Как это часто случается, на каком-то этапе подготовки к торжественному заседанию нашего педагогического сообщества произошла утечка информации (потом говорили, что азербайджанцы таким образом пытались подставить одного ненавистного им сержанта, что очень походило на правду). В результате ротный нашёл и публично, к всеобщему огорчению, разбил о плац четыре обнаруженных в огнетушителях бутылки и отправился на хоздвор за последней, заодно решив выявить участников намечавшегося банкета.

Я долго не мог вырваться из политотдела, поскольку покинуть штаб до ухода генерала было не принято, а он, как назло, задерживался. Промаявшись лишних часа полтора и ничего не подозревая о драматичном развитии событий в расположении роты, я прямо из штаба тоже пошёл на хоздвор, ворота которого оказались приоткрытыми, что меня ничуть не удивило.

Тем временем ротный установил найденную на кухне бутылку водки в середине оцинкованного разделочного стола, придвинул кружку и, со свойственным ему юмором положив рядом пару своих любимых конфет, уселся ждать, кто же пожалует “на огонёк”. Ждать капитану, видимо, надоело, но отступить он тоже не собирался и отправился на прогулку по хоздвору, чтобы хоть как-то скоротать ожидание.

Между тем “на огонёк” пожаловал я. Слегка подивившись сюрреалистичности натюрморта и решив, что к дружескому ужину безнадёжно опоздал, я в одиночестве приступил к продолжению банкета. Налив для разминки граммов двести в зелёную солдатскую кружку, я, не долго думая, опорожнил её за дальнейшее развитие и процветание советской педагогической науки в частности и системы народного образования в целом.

— Надо же, похоже на любимые конфеты нашего ротного, — констатировал я, совершенно не подозревая, насколько был близок к истине.

Но закусывать водку одними конфетами я не мог. Мысленно ругнувшись в адрес коллег, не оставивших мне ничего более существенного, я решил спуститься в подпольный погреб, где, как мне было известно, хранились некоторые продукты для собак, довольствие которых было не намного хуже солдатского, а кое в чём собачий ассортимент даже превосходил наш. Во всяком случае, овощи собаки потребляли значительно чаще. Именно за овощами я и отправился в подпол.

В это время, завершив внеплановую визуальную инспекцию хоздвора, ротный возвратился на кухню, обнаружив там наличие початой бутылки водки при полном отсутствии не только своих любимых конфет, но и их потребителя. Такое варварское нарушение композиции натюрморта, вероятно, сильно оскорбило эстетические чувства капитана: он, офонарев от необъяснимой мистики происходящих событий, пульей вылетел во двор и заметался по территории, обшаривая все её уголки в поисках злоумышленника.

Злоумышленник тем временем, разжившись кое-какой вполне сносной, по армейским меркам, закуской, благополучно поднялся в кухню и продолжил торжественное собрание, приняв ещё граммов сто пятьдесят. Алкоголь начал действовать, меня слегка разобрало, я закурил, присел на табуретку и погрузился в приятные воспоминания и размышления о судьбах советской педагогики, эстетике женских образов вообще и конкретно, включая симпатичных девочек-телефонисток из дивизиона связи, крайне неделикатно прерванные неожиданным появлением командира.

Немая сцена длилась примерно секунд двадцать. Видимо, ротный ожидал увидеть здесь меня ещё меньше, чем я его: в роте было достаточно много и более зlostных, чем я, нарушителей дисциплины — как реальных, так и потенциальных.

— Встать! — обретя дар речи, заорал капитан. — Это же... это... это просто хамство! — наконец подобрал он слово, наиболее ёмко, по его мнению, отражающее всю глубину моего нравственного падения. — За двадцать минут бутылку водки... хамство!

Возражать не имело смысла: даже по армейским понятиям моя наглость действительно существенно превысила уровень предельно допустимой концентрации.

На следующее утро в столовой ко мне подошёл дежурный по кухне, азербайджанец, и с ехидной улыбкой протянул алюминиевую тарелку, на которой лежали два солёных огурца: ротный, мол, велел передать. Юмор у капитана Ганущака был, конечно, выдающийся, очень хороший такой, здоровый юмор.

На построении капитан долго позорил меня перед честным народом и, сокрушаясь по поводу полного падения нравственности, призывал в свидетели бога, чёрта и замполита. Я же весь ритуал простоял перед строем с гордо опущенной головой. В конце концов он объявил мне трое суток ареста, но на гауптвахту не отправил, применив, так сказать, отсрочку исполнения приговора.

Таким образом, практически испытать, что такое солдатская гауптвахта, за двенадцать месяцев службы мне так и не довелось.

Спустя пару недель после этого происшествия ко мне подошли два сержанта-грузина — Чихладзе и Дарчия. Следует сказать, что в роте охраны служили восемь грузин. Держались они особняком, жили в единственном в нашей громадной, на 250 бойцов, казарме отдельном кубрике, дружбы ни с кем не водили и к солдатам других национальностей относились с ощутимым высокомерием, а к азербайджанцам, которых насчитывалось человек пятьдесят — с явным пренебрежением, если не с презрением. Но служили грузины очень исправно, вследствие чего практически все восемь относились к сержантскому составу, были командирами отделений и заместителями командиров взводов.

— Мы давно за тобой наблюдаем, — начал Леван Дарчия, самый старший по возрасту солдат нашей роты, ровесник её командира, — ты нормальный, серьёзный человек.

— Среди русских тоже иногда встречаются неплохие люди, — отшутился я. (И тогда, и нынче я, будучи этническим украинцем, всегда идентифицировал себя русским, возможно, вследствие того, что по образованию являюсь учителем русского языка).

— Дело не в этом, — не принял шутливого тона Леван и продолжил: — Наш земляк, Гогия, ты его знаешь, недавно демобилизовался. В кубрике — свободное место, ты нам подходишь, переходи жить в кубрик.

— Спасибо, но мне и на моём месте неплохо.

— В кубрике в любом случае лучше, — спокойно парировал Зураб Чихладзе. — Заодно поможешь нам научиться лучше говорить по-русски.

— Ну разве что в педагогических целях, — сказал я и перебрался к грузинам.

Это положило начало нашей большой армейской дружбе. В моём присутствии грузины общались исключительно на русском языке, а я постоянно поправлял их: надо говорить “Во-ло-дя”, а не “Валодия”, “на столе”, а не “на столь”, “тарелка”, а не “тарелька”, “пилотка” а не “пилётка”, “я тебе говорю”, а не “я тебе сказать” и так далее.

Грузины жили весьма зажиточно: помимо постоянных богатых посылок с фруктами и другими вкусностями, каждый из них ежемесячно получал из дома

денежные переводы в суммах, сопоставимых с окладом директора сельской средней школы. Они неделями не ходили в солдатскую столовую, питались в гарнизонном кафе, курили фирменные сигареты, в Ейске снимали квартиру, уходя в увольнение, переодевались там в гражданскую одежду, посещали рестораны, знакомились с девушками.

По армейским меркам я тоже был человеком небедным, поскольку, находясь на должности прапорщика, получал не 3 руб. 80 коп., как рядовые солдаты, а целых двадцать целковых, но ходить в увольнение со своими новыми богатыми друзьями я избегал до самого конца службы.

За время нашего общения грузины действительно неплохо освоили русский язык. Во всяком случае, своё любимое выражение “хрен тебе на спина” стали произносить в полном соответствии с русскими грамматическими нормами.

Мы сильно сдружились, однако дембель, как говорили солдаты, был неизбежен, как крах капитализма. Но даже разъехавшись после демобилизации по разным республикам, мы долгое время не теряли связи.

Восемь лет спустя, будучи работником Целиноградского облисполкома, я проводил часть отпуска в доме отдыха “Гянджлик”, под Баку, и дал телеграммы своим грузинским друзьям. Спустя двое суток они прикатили на чёрной “Волге”, забрали меня, больше недели возили по Грузии, демонстрировали знакомым, родственникам, коллегам и вернули в дом отдыха лишь к концу срока путёвки в состоянии, очень близком к состоянию героя известной советской кинокомедии: “белый-белый и совсем горячий”.

Так что корни сегодняшних тёплых украинско-грузинских отношений, возможно, уходят в середину семидесятых годов прошлого века.

После драматичных событий августа 2008 года я много думал, как и почему произошло то, что произошло? Ведь наша дружба была настоящей, искренней! Неужели при соответствующем стечении обстоятельств я мог бы оказаться по разные стороны баррикады с моими армейскими друзьями-грузинами? Или мои сыновья убивали бы сыновей Левана и Зураба. А может, мои сыновья вместе с другими украинскими инструкторами-доброхотами помогали бы их сыновьям убивать русских парней. Все три варианта меня категорически не устраивают.

В эпоху перемен

Перестройка настигла меня в должности заместителя заведующей Целиноградским областным управлением народного образования, молодым и холостым, поскольку с первой женой мы жили долго и счастливо и развелись в один день после восьми лет совместной жизни.

— Ты, кажется, будешь самым молодым замзавоблоно по учебной работе в республике, — сказал мне на собеседовании перед назначением на эту должность тогдашний министр просвещения Кожухмет Балахметов. — Ну, ничего, меня в твоём возрасте уже снимали, так что всё у тебя впереди.

Я сердечно поблагодарил министра за этот своеобразный аванс, пообещав его не разочаровывать. Но, возможно, разочаровал, поскольку за всю мою тридцатилетнюю деятельность в системе государственной службы Казахстана меня ни разу не снимали и не освобождали. Самое худшее, что довелось пережить — выговор по партийной линии за серьёзные упущения в организации летнего отдыха школьников.

Я долго не мог понять, как и почему я должен “перестраиваться”. Когда, наконец, понял, можно было уже и не “перестраиваться”. За окнами вовсю бушевали демократия, гласность и плюрализм мнений. Школьники потребовали перехода на пятидневную учебную неделю и участия в выборах директоров школ.

Критиковать, как известно, может и любит каждый, поскольку “все предрассудки истребя, мы почитаем всех нулями, а единицами себя”. Но великий классик даже предполагать не мог, насколько в конце будущего века будет гипертрофировано это его гениальное наблюдение.

Сильно раздражали тот восторг и упоение, порой переходящие в истерию, с каким участники 19-й партийной конференции на самих же себя, на собственную историю и своё же прошлое выплёскивали целые потоки грязи, ниспровергали те идеалы и духовные ценности, на которые если не вчера, то позавчера сами же готовы были молиться.

Остроумно замечено, что коммунист — это человек, читавший труды Маркса и Ленина, в то время как антикоммунист — человек, понявший труды Маркса и Ленина. Мне представлялось весьма сомнительным, что все одновременно вдруг прониклись, прозрели и, познав истину и суть трудов основоположников, стали антикоммунистами, поэтому возникшая на 1-м съезде народных депутатов СССР атмосфера всеобщего прозрения и отрицания казалась не менее опасным явлением, чем царившая до этого всеобщая слепота. Более того, все эти соревнования по словесной эквилибристике происходили на фоне катастрофического спада производства, наступавшего экономического коллапса и надвигавшейся разрухи.

Я где-то прагматик, и всегда хорошо понимал, что если события принимают необратимый характер, разбивать лбом стену категорически противопоказано, поскольку лоб расквасишь за просто так. Я, честно признаться, и не пытался, в результате чего лоб сохранил в неплохом, в общем-то, состоянии. Но неуклюжие действия архитекторов и прорабов перестройки порою изумляли, а чаще всего просто смешили, чего я и не скрывал. Вот уж действительно, великое и смешное в то время находились рядом.

К примеру, Концепция перехода к рынку, предложенная союзным правительством. Документ вызвал неоднозначное отношение общества, но Верховный Совет СССР рекомендовал Верховным Советам союзных и автономных республик и местным Советам народных депутатов “широко обсудить Концепцию на своих сессиях, обратив при этом особое внимание на вопросы, связанные с гарантиями социальной защиты населения и особенно — малообеспеченных его слоёв”.

Я подчёркиваю: не с точки зрения экономических реалий, а с точки зрения гарантий социальной защиты. Иными словами, документ заведомо был обречён на провал, поскольку не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понимать, что переводу экономики на рыночные рельсы неизбежно сопутствуют безработица, введение свободных цен, инфляция и, как следствие этих факторов — временное, а в нашем случае долговременное, падение жизненного уровня населения.

И учителя школ вынуждены были на фоне катастрофически ухудшающегося положения в стране пичкать учеников выдержками из предложенной концепции и цитатами из доклада Н. И. Рыжкова на совместном заседании Президентского совета и Совета Федерации “Об организационных мерах по проведению экономической реформы и переходу к рыночным отношениям”, поскольку это предусматривалось соответствующими рекомендациями для педагогических коллективов школ по доведению в доступной форме этих документов до школьников старших и средних классов. Парадокс системы образования эпохи развитого социализма и его заката.

Общеизвестно, что инфляция, особенно вышедшая из-под контроля, обладает большой разрушительной силой. Тогда, в условиях конца восьмидесятых — начала девяностых годов прошлого века, она привела к подмене денежных отношений товарными. Сперва в разговорах производителей, а затем

и в лексикон горожан прочно вошло новое слово “бартер” и термин “бартерная сделка”, а впоследствии и “бартерная зарплата”. Что представляла собой бартерная сделка в учебных заведениях — сами понимаете. Думаю, именно в те годы в системе образования зародилась настоящая коррупция, в дальнейшем принявшая угрожающие размеры и самые извращённые формы в независимом Казахстане.

Любая проблема, говорят, имеет открыто лежащее на поверхности простое, логичное неправильное решение. Именно такие, поверхностные, поспешные решения чаще всего и принимались в тот спорный период, в частности, по переводу экономики на рыночные рельсы. К примеру, пытаясь искусственно создать регулируемый рынок, власти тогда поторопились организовать альтернативные формы в системе платных услуг населению. Получалось довольно анекдотично, поскольку качество этих самых платных услуг не соответствовало ценам, оставаясь таким же, как и услуг бесплатных. Платить денежки за такие “услуги” никто не хотел, спрос на них рос значительно медленнее, чем надеялись архитекторы и прорабы перестройки. Появилась так называемая “кооперативная” колбаса, по своим гастрономическим данным ничуть не отличавшаяся от колбасы обычной, но в несколько раз превышавшая её стоимость.

В городских больницах открылись “платные палаты”, в которых было значительно просторнее, стояли холодильники и телевизоры. Но делалось это за счёт переуплотнения обычных палат. Дошло до того, что в пленарном зале здания обкома и облисполкома открыли кинотеатр, где после шести часов вечера демонстрировали нашумевшие, очень, кстати, неплохие “перестроечные” фильмы, типа “ЧП районного масштаба”, “Холодное лето 53-го года” и другие. А залы и столовые школ города рекомендовалось на выходные дни сдавать в аренду для проведения свадеб и других торжеств.

Но проводимые в школьных столовых безалкогольные свадьбы только на первый взгляд казались таковыми. По понедельникам коридоры школ благоухали спиртным перегаром, а туалеты были завалены пустыми бутылками и средствами индивидуальной мужской контрацепции. Эти нововведения, конечно, не могли не вызывать справедливого недовольства как учителей, так и родителей.

Трудящиеся, по большому счёту, рыночных отношений боялись, не хотели и, в принципе, правильно делали, поскольку спешка в смене экономической формации представляется совершенно излишним, безответственным, если не преступным, направленным против населения действием. Никто, помнится, в шею никого не гнал и условий досрочного выполнения плана перехода к рынку не ставил, хотя необходимость и необратимость преобразований уже понимали все.

Проблема заключалась в отсутствии соответствующей законодательной базы. К этому времени уже были приняты союзные законы, регулирующие новые правоотношения в области деятельности предприятий, собственности, земельных отношений, кооперации и некоторые другие правовые акты. Однако эти документы противоречили всему действующему законодательному массиву, который не был гармонизирован с ними, поэтому постоянно возникали юридические коллизии и законы практически не работали, так как механизма их реализации тоже не существовало.

Нельзя сказать, что впоследствии, в независимом Казахстане, этот урок был усвоен хотя бы на слабую “троечку” по пятибалльной шкале оценки знаний учащихся.

Независимость республики я встретил в должности советника председателя Целиноградского горисполкома, впоследствии к должности советника

добавились ещё и обязанности пресс-секретаря и руководство городским пресс-центром будущей столицы. Итоги распада СССР в Целинограде обнаружались очень быстро: рухнула система горизонтальных связей, на предприятиях иссякали последние материальные ресурсы, обострилась проблема сбыта выпускаемой продукции, в условиях зарождающегося рынка никому в общем-то ненужной. Поскольку цивилизованных рыночных отношений и необходимого правового поля в молодом государстве ещё и в помине не было, переход на рельсы рыночной экономики сопровождался галопирующей инфляцией, банкротством предприятий и опустевшими магазинами.

Ставка тогда была сделана на рыночные реформы, на разгосударствление собственности и поддержку малого предпринимательства, несмотря на то, что, осуществляя переход на рыночные отношения, столкнулись с серьёзнейшими противоречиями в правовом поле. Вновь главная проблема состояла в несовершенстве законодательной базы: мы начали жить и действовать по неписаным законам рынка, а старые действующие законы тормозили многие начинания, удерживая нас в социалистическом прошлом.

Именно в те, сложные и противоречивые девяностые годы, ощутимо наметилось нравственное опустошение общества. В условиях отсутствия государственной идеологии вакуум заполнился быстро, но при этом произошла резкая, я бы сказал, полярная смена идеологических ориентиров. Как будто сперва стреляли вперёд, по врагам, потом вдруг резко развернулись и стали по своим стрелять!

В одночасье не стало запретных тем. Закономерно, что освободившееся место слащаво-патриотичных лозунгов и плакатов, тяжеловесных, не воспринимаемых на слух партийных докладов, победных реляций и бодрых речёвок заняла и до сих пор прочно удерживает взятые позиции циничная, но, надо признать, весьма доходчивая пропаганда культа силы, жестокости и секса. Словом, как точно и остроумно подметил Мухтар Шаханов, стремясь подключиться к водопроводу свободной западной культуры, благополучно подключились к её канализации.

После позорно проигранной борьбы с пьянством, которую на закате советского государства М. Горбачёв рука об руку с супругой и верным сподвижником Егорушкой Лигачёвым административно-запретительными методами намеревались легко и быстро довести до победного конца, общество теперь уже независимого государства ударило в другую крайность. Пьянство едва ли не поощрялось, “глоток” коньяка, бокал пива в рабочее время, особенно на предприятиях новых форм собственности, стали нормальным явлением, а бредущие по улицам с банкой пива в руках “тинейджеры” не вызывали никакого отторжения у ставшего безразличным общества. И почти двадцать лет потребовалось для того, чтобы законодательно запретить употребление пива в общественных местах. Между прочим, вечерами пересекаться с этими “тинейджерами” в тёмных переулках большинству представителей общества я и сегодня категорически не рекомендую.

Более того, как нарушающие права свободного человека и гражданина были закрыты все лечебно-трудовые профилактории, в прессе постоянно предавались остракизму вытрезвители, зато журналистами с восторгом поощрялись и популяризировались разного рода презентации и корпоративные вечеринки, где эти самые права, особенно священное право ужраться до полного изумления, неукоснительно соблюдались.

Именно тогда наметилась серьёзная криминализация и алкоголизация общества в целом и молодых людей в частности, что представлялось очень плохим симптомом, а впоследствии вылилось в серьёзнейшую проблему государства.

Вот для примера одна из ежедневных сводок популярного республиканского информагентства:

“Руководитель пресс-службы МВД Казахстана сообщил о раскрытии ряда тяжких преступлений в регионах: в Алматинской области задержан 20-летний молодой человек, совершивший для сокрытия изнасилования убийство девятиклассницы, труп которой обнаружен на окраине посёлка... полицейскими раскрыто убийство 28-летней жительницы Темиртау Карагандинской области: частная предпринимательница выехала в областной центр за товаром и не вернулась, задержаны трое подозреваемых, возбуждены уголовные дела по фактам убийства, похищения человека и разбоя... в районную больницу доставлен 70-летний житель Алматинской области с ножевыми ранениями, который стал жертвой грабителя, похитившего из его дома 1 млн. 800 тыс. тенге, подозреваемый уже задержан, им оказался 30-летний житель этого же посёлка... задержана преступная группа из четырёх человек, которые изобличены в похищении несовершеннолетних с целью сексуальной эксплуатации в саунах и гостиницах города”.

Ничего, между прочим, выдающегося, из ряда вон выходящего, обычная сводка. Подобная была вчера, будет и завтра. Никто в ужасе за голову не хватается и в колокола не бьёт. Привыкли. В особых комментариях данный факт, думаю, не нуждается.

Также, полагаю, не стоит переоценивать и экономические успехи республики, которые нельзя рассматривать в отрыве от состояния материального благополучия простых граждан. Трудно ответить на вопрос: что лучше — постоянный советский дефицит, в целом не очень-то отражавшийся на содержании домашних холодильников граждан, или полные прилавки, заваленные колбасой и сосисками, в составе которых нет ни чего-нибудь, а мяса, а также сметаной без молока и красивыми китайскими генномодифицированными фруктами. Вопрос, конечно, дискуссионный, но ясно одно: на будущем здоровье нации наверняка скажутся и лишения голодных “девятиногих”, и сегодняшнее “изобилие”.

Наконец, думаю, что вряд ли мы можем похвастаться и большими успехами на поприще созидания правового государства и справедливого общества. Где же оно, это справедливое общество? Где-где? Да бросьте, пожалуйста, нет там ничего подобного!

Словом, не дай вам бог жить в эпоху перемен, как говорили древние китайцы. И я с удовольствием пожал бы руку тому, видимо, очень толковому древнему китайцу, который первым додумался до этой совершенно правильной мысли.

Его портрет — лицо эпохи

(Об экс-спикере сената О. Байгелди)

30 августа 1995 года на республиканском референдуме была принята новая Конституция Республики Казахстан.

Остановлюсь на законодательном аспекте этого, несомненно, важного для страны документа. В Конституции конкретно определено, что Парламент Республики Казахстан является высшим представительным органом, осуществляющим законодательные функции. Представительская функция Парламента — это право выражать волю народа. Она реализуется путём периодического проведения свободных выборов, свободного волеизъявления электората. Поскольку только Президент и Парламент избираются на основе всеобщего равного избирательного права путём тайного голосования, то прерогатива выступать от имени страны и её народа предоставлена только Главе государства и Парламенту республики.

Что касается законодательной функции, то предусмотренная Конституцией двухпалатная структура Парламента позволяет выразить всё многообразие интересов различных слоёв нашего общества, потребности регионов, тщательно работать над совершенствованием качества принимаемых законодательных актов, обеспечить их соответствие интересам населения. Забегая несколько вперёд, скажу, что за время своего существования наш парламент принял более тысячи двухсот законов, направленных на укрепление государственности, правовое обеспечение реформ, ускорение политического и социально-экономического развития.

В декабре 1995 года состоялись выборы в двухпалатный парламент. Перед новым законодательно-представительным органом стояли непростые задачи. В переходный период, когда возникла необходимость в короткие сроки реформировать старую административно-командную систему и заложить основы рыночной экономики и демократического общества, чрезвычайно важно было быстро и эффективно создать соответствующую законодательную и нормативно-правовую базу этих преобразований. В целом с этой задачей парламент, безусловно, справился.

Верхнюю палату парламента по предложению Президента страны возглавил Омирбек Байгелди. О нём наш следующий рассказ.

Среди фигур казахстанского политического истеблишмента личность сенатора Омирбека Байгелди остаётся несколько загадочной. Между тем его нахождение у руля двухпалатного парламента в первые четыре года становления этого органа является очень мудрым решением Главы государства.

Именно он, четвёртый ребёнок в большой — тринадцать (!) детей — семье директора рентабельного южноказахстанского колхоза (известного в республике Героя Соцтруда, в годы войны на собственные средства построившего для фронта самолёт), начавший взрослую жизнь не с поступления в престижный вуз, а рядовым рабочим в родном хозяйстве, достиг вершин политического Олимпа и на сегодняшний день пока остаётся единственным спикером высшей палаты казахстанского двухпалатного парламента, полный срок отработавшим в этой должности.

А между этими двумя точками карьеры — от рабочего колхоза “Кызыл Октябрь” до конституционно второго лица в государстве — целая жизнь, яркая, интересная и динамичная. Теперь таких биографий уже не бывает.

Даже по сельским меркам семья Байгелди была небогатой. Столь большое не только для северной части республики, но и для юга количество детей в те годы особого удивления ни у кого не вызывало, во всяком случае, не представлялось чем-то из ряда вон выходящим, воспитание детей считалось обычным, нужным, хотя и нелёгким делом.

— Жили дружно и весело, — вспоминает Омирбек Байгелдиевич, — у младших детишек и в мыслях не было отвлекать родителей своими вопросами: обо всём спрашивали старших братьев и сестёр, таким образом, дети сами воспитывали друг друга, старшие заботились о младших.

Единственными благами цивилизации и технического прогресса в ауле были линия связи, телефон и радио. Прислонившись к столбам, дети слушали гул проводов и, представляя шум большого города, фантазировали, видя себя его жителями.

В ауле была четырёхклассная начальная школа. Впервые Омирбек попал в этот храм знаний около пяти лет от роду, обнаружив, что соседские ребята, друзья по детским забавам, по осени сильно сократили своё уличное времяпрепровождение. Выяснив, что они ходят в школу, он на другой же день тоже отправился в небольшое одноэтажное здание, робко вошёл в класс и пристроился на последней парте, но учительница, не оценив порыва, выпроводила незваного гостя с напутствием: приходи, мол, через пару лет.

Без друзей было скучно, хотелось общения, занятости, и на следующий год история повторилась: в сентябре Омирбек опять, как небезызвестный литературный персонаж — Филиппок, занял место за школьной партой. И вновь учительница хотела отправить его восвояси, но в дело, как последний и самый весомый аргумент, были пущены слёзы, и педагог капитулировала:

— Ладно, сиди тихо на задней парте и слушай, — разрешила учительница.

Так он “зацепился” за школу и, боясь спугнуть удачу, учиться стал с особым рвением. Когда весь класс, потупив глаза, не мог ответить на вопрос, он тянул руку, которую учительница в упор не замечала. Но в конце концов заметила, разрешила выйти к доске и была немало удивлена хорошим ответом нелегитимного ученика. В результате столь удачного дебюта Омирбек наравне с другими учениками стал активным участником учебного процесса, а месяца три спустя его фамилия была вписана в классный журнал, чем благополучно завершилось юридическое оформление добровольного досрочного расставания с детством.

Важнейшую роль в жизни Омирбека сыграли книги. В те годы руководство колхоза в порядке поощрения иногда премировало отличников учёбы и передовиков ученической полеводческой бригады небольшими деньгами. В третьем классе первую премию за отличную учёбу получил Омирбек и сразу же отправился в единственный в ауле магазин, где приобрёл большой сборник стихов Джамбула Джабаева и том критических статей В. Белинского на казахском языке. Эти первые собственные книги он зачитал до дыр, выучил наизусть, к месту и не к месту цитировал неистового Виссариона, пугая взрослых односельчан неординарностью суждений, широтой мышления и революционной демократичностью взглядов.

С тех пор так и повелось: как только появлялись какие-нибудь деньги, на них сразу приобретались новые книги, благодаря чему вполне приличную библиотеку удалось собрать ещё в юности. Страсть к чтению захватила Омирбека, сперва читал всё подряд, затем увлёкся приключенческой литературой, потом — классикой, которую практически всю прочёл ещё в молодости.

Впоследствии книг стало больше, зато времени для чтения — значительно меньше. Очень привлекали произведения о великих государствах и незаурядных личностях, целиком прочитал знаменитую советскую серию “ЖЗЛ”, в зрелые годы

предпочтение стал отдавать сперва исторической, а впоследствии философской и религиозной литературе.

Ещё в юношеские годы чтение побудило к размышлению, большое количество получаемой из книг информации требовало её осмысления, что открыло простор мыслям и чувствам. Это был период поиска истины, понимания сути событий и явлений, причинно-следственных связей, пришло осознание того, что жизнь человеку дана не для удовлетворения личных потребностей, в том числе духовных, а для использования своих возможностей, знаний и умений в целях служения обществу, стране, простым людям.

Окончив школу, поступать в институт Омирбек не спешил. В колхозе людей не хватало, и он решил начать с самой низшей ступени: стал простым разнорабочим, помогал отцу строить новый дом, а местным аграриям — разобраться в вопросах селекции кукурузы на радость главному руководителю страны, упорно насаждавшему её районирование во всех регионах — с востока на запад и с севера на юг независимо от климатических условий.

Вопреки ожиданиям директора колхоза, видевшего в юном, но сильно продвинутом рабочем своего будущего преемника, Омирбек отправился на всесоюзную сибирскую стройку века, под Братск, где вместе с другими такими же романтиками и “простыми советскими заключёнными” пилил, рубил, валил и корчевал тайгу, освобождая место для строительства будущей ГЭС, воспетой в поэме Е. Евтушенко, песнях А. Пахмутовой и Н. Добронравова, произведениях В. Распутина и А. Приставкина.

Там, на берегу Братского моря, пареньку из южноказахстанской глубинки открылся новый, ранее неведомый мир: глухая непроходимая тайга с редкими зимовьями охотников, лютые морозы зимой и изнуряющая мошकारа летом, палаточные городки и сумасшедший ритм ударной комсомольской стройки того очень неоднозначного времени, когда освоение энергоресурсов сибирских рек было одним из ведущих направлений развития экономики гигантской державы.

Тяжкий труд и условия жизни на всесоюзной стройке с романтикой газетных репортажей и хроникальных кинолент имели не так уж много общего. Люди ставили в зимней тайге палатки, строили избы, рубили просеки, прокладывали к месту работ автомобильные дороги, поднимали стальные опоры и проводили линии электропередач. Такая работа требовала навыков, которых сельский юноша не имел и иметь не мог, что поначалу вызывало обидные насмешки со стороны товарищей по бригаде.

— Ничего, я смогу, я лучше их буду работать, — стиснув зубы, говорил себе Омирбек и, не гнушаясь, брался за любое дело.

И действительно, насмешки вскоре прекратились, а Омирбек стал любимцем бригады. Его энтузиазм был столь сильным и откровенным, а результаты усилий такими внушительными, что даже опытные, прошедшие через многие стройки рабочие просто диву давались, наблюдая превращение простого аульного парня в профессионального лесоруба.

Год спустя, заработав приличные деньги и бесценный жизненный опыт, Омирбек возвращается в родной колхоз возмужавшим и физически окрепшим молодым человеком.

— Вы только отпустите меня учиться, а содержать я себя сам буду, — попросил он родителей. Отец с матерью не возражали.

Так начались студенческие будни в Алма-Атинском зооветеринарном институте. Учился Омирбек легко и, хотя программа и преподаваемые в институте дисциплины были не из простых — высшая математика, химия и другие — он оказался единственным из двухсот выпускников курса, за время обучения

не получившим ни одной четвёрки — только «отлично». С третьего курса был ленинским стипендиатом, а вскоре к его студенческому бюджету добавилась половина оклада секретаря институтского комитета комсомола с правами райкома, который он возглавил на четвёртом году обучения.

Как лучший студент, Омирбек первым предстал перед мандатной комиссией по распределению. Выбор был большой: предлагали продолжить комсомольскую деятельность, давали направление в аспирантуру, открывавшую двери в большую науку, приглашали на престижную в те времена преподавательскую работу. Но молодой специалист выбрал родной район, куда и возвратился в 1962 году.

— Я не был обойдён вниманием руководства, грех жаловаться, — вспоминает Омирбек Байгелдиевич, — постоянно получал повышение по службе, хотя о карьере не думал, должностей никогда ни у кого не просил и никакой поддержки не имел.

Тем не менее он прошёл всю региональную карьерную лестницу от первой до последней ступени. Работал инспектором, главным зоотехником, заместителем начальника райсельхозуправления и государственным инспектором по заготовкам и закупкам сельхозпродуктов.

— Я рука об руку трудился со многими замечательными людьми, подлинными профессионалами своего дела, от каждого стремился перенять всё лучшее, — рассказывает Омирбек Байгелдиевич. — Заступая на новую должность, изучал всю имеющуюся по этой сфере литературу, вникал в самые потаённые и специфические особенности профессии.

В 1971 году О. Байгелди назначается начальником управления сельского хозяйства — заместителем председателя Джамбулского райисполкома, а в феврале 1974 года — первым заместителем начальника облсельхозуправления. С 1975 года он на партийной работе: заведующий отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности обкома, затем первый секретарь Курдайского райкома партии и председатель Джамбулского облисполкома. Родную область Омирбек Байгелдиевич возглавлял около пяти лет — вплоть до назначения в октябре 1995 года советником Президента Республики Казахстан.

Это было сложное время становления независимого государства, невиданных политических преобразований и перехода экономики на рыночные рельсы. В конце 1995 года в соответствии с принятой на всенародном референдуме новой Конституцией Республики Казахстан был избран достаточно компактный по численности и в то же время представительный по всем аспектам двухпалатный парламент. Закономерно, что депутатом сената от Джамбылской области стал Омирбек Байгелди. А в январе 1996 года он по предложению Президента страны избирается председателем верхней палаты высшего законодательного органа государства.

Омирбек Байгелди возглавил сенат в сложный период. Тоталитарная система не оставила, да и не могла оставить Казахстану опыта подлинного народовластия, и молодая независимая республика вступила в рынок фактически с нулевым законодательным багажом.

— О каком опыте может идти речь, — вспоминает Омирбек Байгелдиевич, — если система Советов была заформализована настолько, что депутаты, по существу, даже не читали законов, а только за них голосовали. Закономерно, что Советы как форма народного представительства себя исчерпали и поэтому сошли с исторической арены.

Столь же закономерным является и то, что обретенная независимость, проводимая социальная модернизация, возникновение рыночных отношений диктовали необходимость внедрения новых форм управления страной. Депутаты

Верховного Совета 12-го и 13-го созывов изменили наиболее одиозные формы тоталитарной власти, в частности, ввели институт президентства, накопили первоначальный опыт парламентаризма. Но на этом законотворческий потенциал Верховного Совета оказался исчерпанным: принимаемые им законодательные акты носили временный, переходный характер, соответствующий только данному этапу переходного периода, в то время как страна уже нуждалась в основательной законодательной базе, которая определяла бы стратегию и политику государства на долгосрочный период.

Необходимость именно в двух-, а не в однопалатном, как в некоторых странах, парламенте объяснялась прежде всего тем, что Казахстан тогда остро нуждался во взвешенных, хорошо продуманных и, главное, работающих законодательных актах. Именно двухпалатный парламент открыл новую страницу в истории казахстанской демократии, и жизнь подтвердила правильность этого политического шага.

— Тогда нам нередко ставили в упрёк, что мы недостаточно используем опыт других государств: можно, мол, взять чужие законы и переработать их применительно к нашим условиям, — рассказывает Омирбек Байгелдиевич о первых шагах нового парламента. — Я считал это в корне неправильным. Надо было учитывать, что наша страна находится на совершенно ином этапе развития, обладает своим собственным менталитетом, поэтому нам нужно было идти своим путём.

Уместно вспомнить, что высказывались критические замечания и по поводу того, что новый парламент оказался не столь политизированным, как его законодательные предшественники. Тогда у многих ещё были свежи в памяти воспоминания о съездах народных депутатов СССР, где в одночасье низвергались признанные авторитеты и превозносились новые, порой диаметрально противоположные идеалы.

Но Омирбек Байгелди, возглавив сенат, задачу законотворческого органа видел не в разрушении старого, а в созидании нового. Именно на это и направлял он деятельность депутатов первого созыва. Принятые ими законы оказались исключительно важны для народа и государства.

— Самое главное в том, что нам удалось правильно определить основные направления нашего дальнейшего развития. Мы не позволили увести себя в сторону от этой дороги, хотя такие попытки делались. Уверен, что потомки правильно оценят наш выбор эволюционного пути к демократии и рыночной экономике, к подлинно правовому государству.

Несомненной заслугой первого созыва парламента является то, что депутатскому корпусу в те годы удалось принять главные базовые, в том числе конституционные законы, которые заложили прочную основу для дальнейшего развития экономики государства и проведения политических реформ. Это группы законодательных актов о бюджетной сфере, общественных объединениях и политических партиях, блок рыночных законов, в том числе о государственном предприятии, а также законы о судебной системе и правоохранительных органах и таких значимых институтах, как адвокатура, аудит, нотариат и других. Тогда был принят и важнейший закон о борьбе с коррупцией.

— Нас часто обвиняли в том, что, едва приняв закон, мы вносили в него поправки и дополнения. Но давайте вспомним, какой это был период в становлении нашего государства: мы работали в эпоху стремительных перемен, отмирания старых форм и зарождения новых механизмов, методов и институтов. А закон, как бы то ни было, принимается в первую очередь с учётом сегодняшней ситуации, он обязан работать с момента вступления в силу. Но жизнь вносила свои коррективы. Поэтому поправки и дополнения в действующее законодательство и сегодня

представляются неизбежной издержкой нашего времени, — говорит первый спикер сената. — Что такое законодательная инициатива? Инициировать внесение закона на рассмотрение нетрудно. Куда сложнее подготовить законопроект. Иногда в этих целях приходится изучить историю вопроса едва ли не с античных времён.

Этому законотворческому кредо Омирбек Байгелдиевич верен все годы своей парламентской деятельности. Сегодня он активно работает в комитете Сената по международным делам, обороне и безопасности. В отношении своих служебных обязанностей он по-прежнему трудоголик, границ рабочего времени не признаёт и не ощущает, как не знает и знать не желает выражения “не умею”. Считает, что мужчина вообще, и государственный муж в частности, обязан уметь всё. Это распространяется и на сферу увлечений сенатора: умеет и в шахматы играть, и с бильярдным кием в руках сражается мастерски, в былые годы и “пульку” расписывал с заметным удовольствием. И чтение по-прежнему его любимое занятие, читает до поздней ночи, пока жена волевым порядком не выключает свет.

— Возраст дал мне немалый жизненный опыт, а служебная деятельность и книги обогатили знаниями практически во всех отраслях. Я искренне благодарен судьбе за то, что она подарила мне счастливую возможность встретиться, лично знать многих замечательных людей, и, прежде всего, работать вместе с Президентом РК Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. Полагаю, что несколько поколений казахстанцев должны за счастье принимать свою сопричастность тем великим свершениям и личностям, современниками которых мы являемся.

По мнению О. Байгелди, государственные люди делятся на две категории: одни работают на себя, другие, как Первый Президент Республики Казахстан, — на государство, для народа. Сенатора искренне удручает, что сегодня порой размываются такие понятия и непреходящие нравственные ценности, как честность, порядочность, скромность, доброта, справедливость, преданность...

— В последнее время появилась целая плеяда “новых” людей — “новых русских”, “новых казахов”, “новых” украинцев, узбеков и так далее, которые стремятся всеми способами, правдами и неправдами, не гнушаясь самыми грязными методами, разбогатеть, сделать карьеру, ставят свои меркантильные интересы выше интересов общества. Между прочим, в Древнем Риме государственные деятели, государственные мужи были примером для подражания. На их образах воспитывались будущие поколения молодых людей. Думаю, со временем и у нас так будет, — надеется сенатор.

Безусловно, оценка потомков ожидает и наше неоднозначное время. Вероятно, обогащённые историческим опытом, новыми знаниями, они обнаружат в нём немало ошибок и просчётов. Но не ошибки будут определять истинное лицо данного исторического этапа. Портрет нашей эпохи — это великие свершения и многие незаурядные личности, среди которых — первый спикер Сената Парламента РК Омирбек Байгелдиевич Байгелди.

Главный строитель новой столицы

(Сенатор Фарид Галимов)

В дальней дороге, как гласит китайская мудрость, не бывает лёгкой поклажи. Фарид Хабибрахманович Галимов в своей жизни лёгких путей не искал.

Он родился 11 декабря 1940 года в г. Петропавловске, здесь же прошло и военное детство, причём отца своего, прошедшего три войны, впервые увидел лишь в семилетнем возрасте, когда тот демобилизовался из армии.

Жили бедно, как, впрочем, и большинство простых советских людей в трудные годы послевоенной разрухи. Отец — простой рабочий, мать занималась домашним хозяйством.

После семилетки поступил в механический техникум, работал бетонщиком, слесарем-сборщиком железобетонного завода треста “Стройматериалы”, маляром, мастером и прорабом, а после окончания в 1968 году Уральского политехнического института имени С. М. Кирова, который сейчас носит имя Б. Н. Ельцина, — начальником ПТО, главным инженером и начальником СМУ треста “Петропавловскстрой”, главным инженером, управляющим трестом и начальником ПСО “Кокчетавстрой”. В Кокчетаве проработал дольше, чем шесть секретарей обкома партии, вместе взятые. Был знаком с Борисом Ельциным, не раз встречался с Димашем Ахмедовичем Кунаевым, а если суммировать все его стройки, то получится город с населением порядка 140-150 тысяч жителей, с хорошо развитыми промышленностью и социальной инфраструктурой.

В феврале 1990 года Фарид Хабибрахманович назначается председателем Государственного строительного комитета КазССР, спустя год — президентом государственно-акционерного концерна “Казахстанстрой”, а в первые годы независимости становится первым заместителем министра строительства, жилья и застройки территорий республики.

В 1995 году неожиданно вызвали к Президенту страны, с которым Фарид Хабибрахманович уже был знаком. Разговор состоялся непродолжительный:

— Где пропал? — спросил Нурсултан Абишевич.

— Работаю.

— Займёшься переносом столицы, — поручил Президент и кратко, но доходчиво обрисовал круг первоочередных задач.

Так Фарид Галимов возглавил Государственную комиссию по передислокации высших и центральных органов в г. Акмолу и с тех пор у него не было более важной задачи, чем обеспечение бесперебойного процесса подготовки к переезду столицы и создания необходимых условий для жизнедеятельности

Администрации Президента, Правительства, Парламента РК и других центральных госорганов.

Акмола — четвёртый и, пожалуй, самый главный и любимый город в жизни Фариды Хабибрахмановича. Возглавив Госкомиссию, он без промедления приступил к реализации специального плана готовящейся передислокации. Главными его составляющими, помимо строительства, были мощное развитие энергоснабжения города с применением современных технологий по производству и хранению энергии, улучшение систем водоснабжения и канализации, обеспечение будущей столицы современными средствами телекоммуникаций.

Но основным приоритетом этого плана и главным направлением работы Госкомиссии в этот период было, конечно же, строительство — жилищное, административное и дорожное. Проведённые специалистами предварительные расчёты свидетельствовали, что на первом этапе передислокации потребуется не менее 4 тысяч благоустроенных квартир. Кроме того, было предусмотрено строительство международного аэропорта, бизнес-центров, отелей международного класса, торговых центров, автодороги Алматы — Астана с сопутствующей современной сервисной сетью на уровне международных стандартов, объездной дороги и нескольких мостов через реку Ишим. Всё это требовало создания мощной современной базы строительной индустрии.

Ход возведения объектов новой столицы на заседаниях комиссии рассматривался еженедельно. Первым делом были разработаны новые критерии качества строительства: улучшенная планировка жилых квартир, повышенные утеплённость и звукоизоляция, обязательное оснащение приборами учёта энергоресурсов и коммунальных услуг, полное благоустройство строителями прилегающей к сдаваемым в эксплуатацию объектам территории и другие. Такого размаха строительства город, превратившийся в сплошную стройку, никогда не видел. Высокими темпами шло возведение объектов, заказчиком которых являлось Управление делами Президента РК, активно строились Минфин, МВД, Минтранском и другие центральные органы.

Вовремя сумели мобилизовать свои ресурсы подрядные строительные организации: АО «Акмоластрой», «Акмолаагрострой», «Акмолаэнергострой», Степногорское управление строительства, строительная фирма «Найза», работавшие практически круглосуточно, в две-три смены. Вопреки старой доброй традиции график освоения объёмов строительства большинством подрядчиков, по большому счёту, не нарушался.

Решительность Президента республики в вопросах создания новой столицы государства и организация Акмолинской СЭЗ, её льготный налоговый и таможенный режимы, заметно повлияли на улучшение инвестиционного климата, пробудили к нам осязаемый интерес зарубежных инвесторов. Активно внедрялся турецкий, израильский, итальянский и другие капиталы.

Наконец, предстоящее придание городу столичного статуса обязывало Госкомиссию особое внимание уделять его облику, необходимо было придать провинциальной Акмоле хотя бы некоторые, свойственные современному крупному городу черты.

— По поручению комиссии, — вспоминает Фарид Хабибрахманович, — институтом «Акмолакоммунпроект» была разработана программа первого этапа благоустройства центральной части Акмолы. К первоочередным объектам ландшафтного благоустройства были отнесены площади у зданий аэропорта, железнодорожного и автомобильного вокзалов, проспект Целинников (ныне проспект Республики) и, разумеется, центральную площадь, которые ко времени передислокации успели реконструировать и они стали первыми визитными карточками новой столицы. Удалось произвести реконструкцию центральных улиц,

включая укрепление и расширение асфальтового полотна проезжей части протяжённостью 60 километров.

Сегодня, когда новая столица разменяла второе десятилетие, можно сказать, что объём выполненных тогда работ был поистине колоссальным. “Сделать из ещё советской провинции современную столицу — задача не из лёгких”, — говорил в этой связи Президент Н. А. Назарбаев. К словам главы государства можно добавить, что делалось всё не в самый благополучный для страны период и в сжатые сроки.

“Сжатые сроки” — это, вообще-то, не совсем точное определение. Правильнее было бы назвать их спрессованными. Много времени ушло на “раскачку” находившихся пока в Алматы центральных госорганов. Некоторые из них, “застолбив” в будущей столице самые хорошие земельные участки — в центре города, без сноса старых строений — и получив льготные условия подключения к городским коммуникациям, успокоились, сидели себе в южной столице и в ус не дули.

Не лучше обстояли дела и в части практического выполнения инициативы главы государства о строительстве в будущей столице зданий силами регионов республики, рассказывает главный строитель новой столицы. Когда Президент эту хорошую идею озвучил, то все акимы едва ладони не отбили, аплодируя, но когда до дела дошло, то в ход пошли бюрократические отписки с просьбами об отсрочках.

Были проблемы и с проектировщиками. Некоторые проектные группы не только не владели специфическими природными, климатическими, национальными и другими особенностями города, его архитектурными традициями, но всей важности, масштабности и новизны задач не осознавали. Товарищи не понимали, что строится не просто новый город, а город будущего, город третьего тысячелетия, XXI века. В результате как шахтёр на-гора выдавали пустую породу — никуда не годные проекты без каких-либо новаторских решений, вплоть до использования в качестве кровельного покрытия “асбестово-цементной волнистой плиты”, то есть устаревшего, примитивного шифера, во всём мире давно и прочно забытого, а кое-где запрещённого как канцерогенный материал.

Порой случались просто анекдотичные ситуации: один из представленных на экспертизу проектов, размещённых в Болгарии, в качестве зелёных насаждений на прилегающей территории предусматривал сроду не произрастающие на севере Казахстана каштаны.

В зимний период 1996 года резко обострилась проблема бесперебойного обеспечения строительных площадок электроэнергией. С учётом постоянного роста объёмов строительства при существующем состоянии оборудования и основных агрегатов ТЭЦ-2 надеяться на стабильное энергоснабжение было крайне опасно. А в условиях акмолинской зимы каждое отключение — это замёрзший раствор, застывший бетон, простой механизмов, другие производственные расходы и потери драгоценного времени.

— Никогда бы все эти вопросы мы самостоятельно не решили бы и в установленные жёсткие сроки передислокации не уложились, — уверен Фарид Хабибрахманович, — если бы не постоянное внимание и поддержка Президента республики Н. А. Назарбаева, взявшего все вопросы передислокации под свой личный постоянный, порою очень жёсткий контроль.

Стоял август 1997 года, — вспоминает он, — до переезда оставалось всего ничего, счет шёл уже не на месяцы, а на недели и дни. В городе быстро росли коробки высотных зданий, где предполагалось расселять будущих новосёлов. Но я понимал, что зима в этом регионе может наступить рано и застать, как говорится, врасплох. Чтобы успеть сдать объекты в эксплуатацию к переезду, надо было активизировать строительство. Но денег катастрофически не хватало, большинство подрядчиков работали в долг.

Я обсудил эту проблему с управляющим делами Президента Владимиром Васильевичем Ни. Речь шла о 20-30 млн. долларов, сумме по тем временам достаточно крупной. К концу дня он вылетел в Алматы, вечером встретился с главой государства, доложил ситуацию, изложил наши соображения. Несмотря на наступившую ночь, Нурсултан Абишевич поручил премьеру и министру финансов немедленно решить данный вопрос. И уже утром Владимир Васильевич вылетел в Акмолу с решением правительства о выделении необходимых средств.

После успешной передислокации в новый главный город государства центральных органов республики Фарид Хабибрахманович назначается первым заместителем акима столицы и вновь занимается её строительством. С октября 2002 года он — депутат Сената Парламента Республики Казахстан.

Круг его законотворческих интересов велик, но предпочтение сенатор Галимов всегда отдавал строительной отрасли:

— К приоритетам социальной политики, — уверен Ф. Галимов, — должно быть отнесено строительство социальных арендных домов. Необходимо, чтобы ежегодная доля их строительства составляла не менее 15 процентов от общей площади сдаваемого в год жилья. Только так можно решить проблему обеспечения доступа к жилью гражданам с низкими доходами.

Фарид Галимов награждён орденом “Знак Почёта”, медалями, имеет звание “Заслуженный деятель Казахстана”, является президентом Ассоциации застройщиков республики и автором книги “Организация управления капитальным строительством в условиях рыночной экономики”.

Сегодня Фарид Хабибрахманович на пенсии.

Парламентский долгожитель

(Сенатор Леонид БУРЛАКОВ)

Один из немногочисленных представителей русскоязычных нацменьшинств в парламенте страны и одновременно “долгожитель” высшего законодательного органа Леонид Николаевич Бурлаков, представлявший в нём свой регион в течение трёх созывов, является ярким представителем поколения казахстанских управленцев, сформировавшихся в качестве таковых в условиях советской управленческой системы, переживших перестройку, развал СССР, смену социально-экономических формаций, и при этом сумевших найти себя, реализовать свой высокий профессиональный потенциал в независимом Казахстане. Именно этому поколению судьба даровала трудную миссию созидания на развалинах гигантской державы нового государства в условиях разрухи, разрыва экономических связей и финансового коллапса.

Леонид Николаевич родился в 1947 году в Чите. Его отец, в ту пору офицер Советской Армии, после ранения лечился в госпитале, где и познакомился с будущей женой. Но почти сразу же после рождения первенца молодая семья демобилизовавшегося военнслужащего переехала на родину отца в казахстанский город Гурьев, где издавна жили несколько поколений Бурлаковых. Так что фактически Леонид Николаевич казахстанец поколения, по крайней мере, в пятом, каковым он себя всегда, как ныне принято говорить, самоидентифицировал.

Если Ташкент — город хлебный, то Гурьев, соответственно, город рыбный, что в те времена действительности вполне соответствовало. Отец Леонида Николаевича пошёл работать икрянщиком на икорно-балычный завод и со временем стал известным мастером, обладателем личного клейма качества. Это означало, что банки с деликатесом, на которых стояло овальное клеймо “Мастер Н. А. Бурлаков”, не подвергались никаким проверкам и отправлялись прямехонько на экспорт.

Тем не менее большая семья Бурлаковых жила небогато, что и побудило молодого Леонида после окончания восьмого класса поступить в Гурьевский политехнический техникум, готовивший кадры для предприятий нефтяной промышленности. Не последним фактором, определившим этот выбор, были высокие зарплаты нефтяников. Студенческие годы — как у всех молодых людей той эпохи: от сессии до сессии студенты жили весело. Впоследствии Леонид Николаевич получит четыре высших образования и защитит кандидатскую диссертацию.

После окончания техникума молодой специалист Л. Бурлаков был распределён на Мангышлак в распоряжение знаменитого Краснознамённого треста “Мангышлакнефтегазразведка”, где начал свой трудовой путь помощником бурильщика Жетыбайской нефтеразведочной экспедиции, затем трудился буровым мастером и старшим инженером участка, пока не был приглашён на комсомольскую работу.

Предположения о высоких заработках нефтяников получили, между прочим, реальное подтверждение: зарабатывали в отрасли и в геологоразведке в частности действительно неплохо. Леонид Николаевич вспоминает:

— Как-то мы обнаружили нефть на одном из участков, и за открытие месторождения бригаде дали хорошую премию. Но спустя некоторое время я перешёл на комсомольскую работу, был заведующим отделом Гурьевского обкома комсомола с окладом 140 рублей в месяц. А я недавно женился, жена в положении, денег не хватает. Как, думаю, семью содержать? И вдруг — денежный перевод из Министерства нефтяной промышленности почти на две тысячи рублей. Шутка ли, едва ли не половина тогдашней стоимости “Жигулей”, почти полуторагодовой оклад!

Но деньги даром не платили, работы на участке было много, “вкалывали” практически круглосуточно, совершенно далёкие от политики и карьерных амбиций, не думая о кадровых перестановках районного масштаба, так как трудиться приходилось на износ, а об условиях и говорить не приходится. Однажды, зимой 1968 года, Л. Бурлакова, к его большому недоумению, вдруг радиограммой вызвали в райком партии.

Оказывается, когда в составе Гурьевской области был образован Узенский район и встал вопрос об укомплектовании кадрами вновь создаваемых районных органов, было принято решение перевести его на комсомольскую работу.

— Я стал категорически отказываться, ссылаясь на свою интересную работу на участке и отсутствие какого-либо опыта общественной деятельности.

Тем не менее в конце декабря состоялась первая Узенская районная комсомольская конференция, избравшая Равиля Чердабаева первым, а Леонида Бурлакова — вторым секретарями вновь организованного райкома комсомола.

Сегодня поминать комсомол добрым словом считается едва ли не дурным тоном. Леонид Николаевич таких оценок не разделяет:

— Когда говорят о бюрократизме, застое и консерватизме, царивших в комсомольских организациях того времени, — это не про нас. Надо уметь отделять зёрна от плевел. Мы работали с полной отдачей сил и способностей. И во многом благодаря именно участию комсомола, мобилизовавшего усилия тысяч юношей и девушек, произошло становление мангышлакского топливно-энергетического комплекса, ударными темпами проведено строительство нефтяных промыслов, уникального “горячего” нефтепровода “Узень — Гурьев — Куйбышев”, газоперерабатывающего завода, других объектов да и самого города Новый Узень, ставшего всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Комсомол стал для будущего сенатора не только хорошей школой: в его рядах он обрёл немало друзей и соратников, среди которых такие известные в

республике деятели, как Равиль Чердабаев, Кайролла Ережепов, Зейнулла Алшимбаев и другие. Молодой комсомольский работник многому у них научился.

— Помню необычайно холодную зиму 1968-69 годов, — рассказывает Леонид Николаевич. — Городская котельная вышла из строя, люди пытались обогреваться электрокаминами, но сети не выдерживали напряжения и постоянно отключались, поэтому горожане вынуждены были не только работать, но и спать в пальто и в шапках. Поскольку электроплиты в столовых тоже не работали, на буровых и групповых установках возникла проблема с обеспечением рабочих горячим питанием. Я побывал в столовых, доложил о положении Р. Чердабаеву. А он принялся упрекать меня в бездействии. Сильно я тогда на него обиделся:

— Не могу я электростанцию отремонтировать, сам ремонтируй, если ты такой умный!

Равиль уехал и вернулся лишь поздно ночью, насквозь пропахший соляной пылью и дымом. На другой день я узнал, что он организовал приготовление пищи на кострах, причём сам рубил дрова, разводил и поддерживал огонь, вёдрами подносил солянку.

— Это стало для меня хорошим уроком: я тогда прочно усвоил, что в работе не бывает безвыходных ситуаций. Бывает нежелание искать выход или идти к цели более трудным, тернистым путём.

Много хороших инициатив осуществил в те годы Узенский райком комсомола. Среди них — создание комсомольско-молодёжных бригад, которые в своё время были известны всей республике, организация комсомольских оперативных отрядов, ставших надёжными помощниками правоохранительных органов в предупреждении преступности в молодёжной среде, проведение молодёжных вечеров отдыха, массовых праздников и множество других полезных дел.

Спустя полтора года Л. Бурлакова перевели на работу в Гурьевский обком комсомола, а после образования Мангышлакской области он был избран первым секретарём областной комсомольской организации. Потом была учёба в Москве, в Академии общественных наук при ЦК КПСС, работа в качестве заместителя директора крупнейшего в Казахстане нефтедобывающего объединения «Мангистаумунайгаз».

— Есть такая наука — человековедение, — считает Леонид Николаевич, — постигать которую я начал, работая в комсомоле. Именно там я научился уважать людей. И с рядовым работником, и с начальником говорить нужно на одном языке. Прежде чем повысить голос или наказать человека, я всегда ставлю себя на его место.

Знание этой науки и комсомольский опыт весьма пригодились и хорошо помогали в будущем, особенно в бытность председателем горисполкома и акимом г. Актау в очень нелёгкий и противоречивый период становления независимого государства.

Дело в том, что по существовавшей в советские времена в целом очень даже неплохой практике все коммунальные службы этого города находились на балансе градообразующего предприятия — Прикаспийского горно-металлургического комбината, который и «рулил» всеми коммунальными делами. Но в годы переходного периода гигант рухнул, и всё коммунальное хозяйство довелось создавать заново.

— Каждое утро, — вспоминает Леонид Николаевич, — начиналось с решения болезненных коммунальных проблем: надо вывезти мусор, не дай бог, не допустить сбоя в отоплении и энергоснабжении, залатать периодически возникающие порывы водопровода и канализации. Средств катастрофически не хватало, бюджет города не превышал двух миллиардов тенге, приходилось просить помощи у руководителей предприятий, чаще всего, конечно, у нефтяников,

которые с пониманием относились к городским нуждам. Но, в общем-то, мы тогда справились, трудные времена пережили, город выстоял.

В 1995 году, когда в стране появился профессиональный парламент, Леонид Бурлаков был избран депутатом сената. Поначалу после бурной и нервной работы в должности акима кабинетная законотворческая деятельность показала непривычно спокойной.

— Несколько дней сижу в кабинете, а телефон молчит. В акимате все четыре аппарата с самого раннего утра разрывались, не успевал трубки снимать, а тут за неделю всего один звонок прозвучал: попросили получить канцелярские принадлежности. Читаю законопроект — вроде всё нормально, правильно, грамотно, чего тут, думаю, менять, какие поправки вносить? Это сегодня, имея за плечами более чем десятилетний стаж законотворческой работы, я могу любой проект будущего закона посмотреть и влёт определить, насколько он корреспондируется с Конституцией страны, действующими законодательными актами, будет ли этот закон работать, да и нужен ли он вообще. Наверное, правильно заведено в парламентах некоторых стран мира, где депутаты заседают десятилетиями, за многие годы становясь профессиональными законотворцами.

Было время, он хотел даже оставить законотворческую работу, вернуться к нелёгкой, но привычной хозяйственной деятельности. Однако первый спикер сената Омирбек Байгелди переубедил: надо работать. Так и втянулся.

Вполне понятно, что законотворческим приоритетом сенатора Бурлакова стала подготовка законопроектов, направленных на совершенствование правовых отношений в нефтедобывающей отрасли, в сфере экологии, а большой опыт работы в органах местной исполнительной власти позволил стать признанным экспертом по вопросам местного самоуправления и регионального развития. Именно этот постоянный комитет палаты он и возглавлял в течение двух созывов парламента.

В дискуссиях по закону о местном самоуправлении сломано немало копий. И мнения порой высказываются самые полярные: от полного неприятия до столь же полного одобрения. Даже сегодня, когда этот вопрос в значительной степени решён, нередко можно услышать: а нужен ли нам вообще этот институт? Быть может, в нынешних условиях достаточно ограничиться местным государственным управлением, которое доходит до низового звена — посёлка, сельского округа и, в общем-то, вполне дееспособно?

— Исходить, я думаю, следует из того, — считает Л. Бурлаков, — что местное самоуправление — это основной, неременный атрибут демократии, и если мы стремимся войти в число 50 наиболее конкурентоспособных государств мирового сообщества, председательствовать в ОБСЕ и вступить в ВТО, то должны соответствовать основным требованиям этих организаций.

Сенатор, конечно, прав. Но не формальное, а настоящее, действенное местное самоуправление нужно вовсе не для демонстрации мировому сообществу или, по крайней мере, не только в этих целях. Более всего этот институт необходим самим казахстанцам и прежде всего для того, чтобы привлечь население к решению вопросов местного значения. Только самоуправление позволит рядовым гражданам не ждать решений от государства,

как милостей от природы, а самим заниматься злободневными местными проблемами своего повседневного бытия: где пасти скот, какой водой поливать огороды, кому убирать мусор и ремонтировать дороги.

Наконец, любое современное демократическое государство не может обеспечить оптимальное управление экономическими и социальными процессами, если не гарантирует или хотя бы не признаёт существование местного самоуправления. Слишком сложна и многообразна сфера управления, чтобы решать все вопросы общественного развития только из центра.

Немалый вклад внёс сенатор Л. Бурлаков и в обеспечение законодательной поддержки процессов регионального развития и интеграции на региональном уровне. Общеизвестно, что весь комплекс проблем, связанных с разрывом кооперационных связей, спадом производства, неплатежами, снижением уровня жизни населения в условиях перехода к рыночной экономике и разразившегося кризиса ощущается прежде всего в регионах. Особенно в тяжёлом положении оказались приграничные территории, где были разорваны или ограничены не только экономические, но и привычные трудовые, культурные и бытовые контакты населения.

Жители приграничных населённых пунктов столкнулись с совершенно новыми, доселе неизвестными, проблемами, к примеру, с тем, что чисто символическая ранее административная граница в одночасье превратилась в границу между государствами. В ряде районов, так получилось, её линия прошла через населённые пункты, в результате чего многие люди, родственники и соседи оказались гражданами разных государств.

— Как-то, — рассказывает сенатор, — я находился в Южно-Казахстанской области, как раз в разгар событий по перекрытию узбекской стороной свободного перемещения через границу, и своими глазами видел, как один предприимчивый житель посёлка, через двор которого проходил теперь пограничный рубеж, установил шлагбаум и, присвоив себе функции пограничника, таможенника и миграционного полицейского одновременно, сам решал вопрос пропуска через казахстанско-узбекскую границу пешеходов и транспорта, естественно, за соответствующую плату.

Мимо творящегося беззакония сенатор Л. Бурлаков, стыдливо отводя глаза, не проходил никогда. Именно за это ценят его и коллеги, и избиратели. В данной связи приведу выдержку из письма жительницы г. Костаная С. Нурмагамбетовой в газету «Огни Мангистау»:

«Меня, беременную, избили пьяные хулиганки на центральном рынке города. В результате я потеряла ребёнка, так как врачи не смогли сохранить беременность. Но возбуждённое в отношении хулиганок уголовное дело помогли закрыть ставшие на их защиту высокие покровители, а я превратилась в обвиняемую. Этот кошмар длился до тех пор, пока в дело по моей жалобе не вмешался сенатор Л. Н. Бурлаков, обратившийся в Генеральную прокуратуру с депутатским запросом. Только тогда справедливость восторжествовала».

Сенатор Л. Бурлаков награждён орденом «Парасат», семью медалями, двумя Почётными грамотами Верховного Совета Каз. ССР, удостоен трёх благодарностей Президента РК, является почётным гражданином городов Актау и Жанаозен.

К сожалению, в последние годы Леониду Николаевичу довелось пережить большую личную трагедию, его здоровье пошатнулось, и он не стал баллотироваться в сенат в четвёртый раз.

Продолжение следует.

Зия МУКАШЕВ,
профессор, доктор философских наук

Содержательная логика как оппозиция марксизму-ленинизму

Большая часть современного населения Земли индифферентно относится к философии. А редкие индивиды, как-то пытающиеся ею заниматься, вызывают презрение остальных как экстравагантные типы, которые стараются мудрствовать по-пустому. Вообще трудно назвать такие периоды истории в целом или отдельных стран, когда философия становилась актуальной областью сознания всех или большинства людей. В истории религии, искусства и даже в истории науки нередки периоды широкого увлечения ими населением той или иной страны. Религия вообще массовое сознание. Не то философия. Сама по себе история философии свидетельствует о жёсткой борьбе философских течений, систем, отдельных мыслителей при решении ряда значительных проблем. Но внутренняя философская борьба очень слабо отражена в разного рода массовых запомнившихся исторических социальных движениях. Говорят, что философы, как пауки, заключённые в тесную банку, грызут друг друга так, что в результате остаются лишь жалкие остатки, обрывки того, что претендовало на всеобъемлющие теории. Это суть свидетельства недюжинных страстей философской борьбы, которые скрыты на молчаливых страницах мало кому известных фолиантов. Мало кто знает, что философская полемика освещает существенные проблемы человеческой трагедии, ведь обыватели искажают философию, приписывая некоторые ходячие бессмысленные словесные выражения тому или иному мыслителю. Причём и в этих случаях они стараются блеснуть своей оригинальностью и глубиной мысли. Философия всех обывателей, в лучшем случае, сводится к сумме мнений.

Особенно антифилософична массовая культура, господствующая в современном мире. Индивиды, формируемые ею, в конце концов становятся бездумными потребителями наличного бытия. Они поглощены стремлением к комфорту и уже потому не нуждаются в философии. Так же, как не нуждаются они ни в религии, ни в искусстве или нравственности. Компенсацией духовной нищеты, иллюзиями на духовность в парадигмах массовой культуры строятся различные суррогаты философии в виде постмодернизма, постпозитивизма и многих других “измов”, напяливающих на себя одежду из остатков терминологии былых философских систем. Но и это всё для широкой публики не привлекательно. О подобного рода философских претензиях знают только лишь некоторые учителя.

**Зия
Аташевич
МУКАШЕВ**

родился в 1925 году. Участник Великой Отечественной войны. Награждён орденами и медалями. Заслуженный работник высшей школы Казахской ССР. Автор более ста публикаций. Среди них наиболее значимые: “К. Маркс и марксизм-ленинизм”, “Очерки социальной философии Ф. Достоевского”, “Лики добра”, “Женские образы культуры”, “Гримасы массовой культуры”, “Преимственность как момент развития и всеобщей связи”, “Оппозиции процесса познания”, “Религия и женщина” и др.

В № 5 “Нивы” за 2009 г. опубликована статья З. Мукашева “Космонавты — новая историческая общность”.

Анализ причин, породивших такую ситуацию безразличия к философии, уведёт в дебри вопросов, часто не решаемых вообще, и лишь для частичного прояснения дела можно ограничиться напоминанием открытия К. Маркса о том, что живые индивиды являются реальной предпосылкой истории. Они становятся творцами исторического процесса при условии активного или пассивного участия в том уровне общественного развития, которого достигли социальные процессы.

Сумма индивидов синтезируется в зависимости от преобладания того или иного вида исторической деятельности в особые общности в виде племён, народов и наций. А теперь складывается новая историческая общность — космонавты. Короче, индивиды всего лишь чистая потенция социального бытия, и эта потенция актуализируется при действии объективных законов общественного развития. У индивидов всегда есть возможность быть лишь массой людей, объединённой внешней силой социального пространства и времени.

В этом контексте вспоминается утверждение американского писателя Р. П. Уоррена о том, что в дерьме и крови рождается человек и идёт к смердящему савану. Достаточно чуть-чуть подняться над натурализмом, и станет ясно, что он прав. Собрание мифов, сказаний, легенд, религиозных догм, политических доктрин и ещё много другого, короче, вся ложь и есть дерьмо и кровь, составляющие атмосферу индивидуального бытия.

Но наряду с этим активная деятельность индивидов в системе общественного организма создаёт тонкие механизмы дистилляции — общественную практику, в горнилах которой кристаллизуется истина. В этом процессе человек идёт не к смердящему савану, а к сияющим вершинам науки и философии. Именно в общественной практике рождается человек. Он результат действия законов диалектики, а это синтезируется в совпадении диалектики, логики и теории познания, как писал великий Гегель.

Поскольку индивиды являются предпосылкой общественных отношений, они причастны ко лжи и невежеству, но в этом дерьме не ограничивается их жизнь. Они поднимаются над ним, создавая основы общественного бытия. Как бы ни были утончёнными и вездесущими различные сплетения лжи, в том числе и политической идеологии, они всегда несут и со временем обнаруживают тенденции иллюзорности.

Каждый индивид как таковой нуждается в труде для удовлетворения своих потребностей, который исторически обусловлен развитием орудий труда. Он утверждается как индивид в труде. Ребёнок, родившись, должен стать индивидом. Естественные различия особей в труде становятся предпосылками социальных. По аналогии и для иллюстрации нетрудно вспомнить, скажем, листья растений. Каждый из них своеобразен, но все они выполняют процесс фотосинтеза, роль механизма, передающего энергию Солнца живым системам. Луч Солнца упал на Землю, но не на голый камень, а на былинку растения, преобразовался в нём и может, теперь играет в нашем мозгу, — писал К. А. Тимирязев.

Поскольку каждый индивид неповторимый атом мироздания, в нём находят воплощение черты социального целого, и это порождает целостность бытия. Целостность, как её понимал Платон, не в виде частей золота, а соотношения частей лица.

В отношении к знаниям описание индивидов может означать, что на каждом историческом этапе развития может сосуществовать истина, а также бытовать атмосфера лжи и невежества, где актуальны не философия, а психология и её проявления в виде религии и разного рода эклектических построений оккультизма.

Атомарность индивидов, убеждение о их абсолютной неповторимости является квинтэссенцией политиканов, т. е. современной идеологии. Индивидуализм и его существенные политические формы проявления в разного рода демократиях ограничивает космос людей суррогатами его "Я". Ведь и Бог — суть

абсолютный индивид с садомазохистскими наклонностями, поэтому индивидуализм и есть самая пагубная, хотя и самая распространённая дорога, ведущая в болото лжи и невежества. Забегая вперёд, скажем, что в данном случае обращается внимание на то, что и тоталитаризм, полностью игнорирующий индивидуализм, может также благополучно отвергать или искажать философию.

На сегодняшний день трудно сказать, в каком типе социальных отношений живут люди на постсоветском пространстве. Совсем недавно жители СССР были убеждены, а если нет, то убеждались разными способами в том, что диалектический и исторический материализм есть философское учение марксизма-ленинизма. В этом случае тоталитаризм проявлялся в навязывании философии каждому индивиду. Все средства пропаганды и идеологического воздействия на мировоззрение населения страны старались достичь единства взглядов и пропагандировали мысли о том, что основные принципы диалектического и исторического материализма сформулированы в 40-х годах XIX века К. Марксом и Ф. Энгельсом, а в XX веке разрабатывались В. И. Лениным.

В период существования СССР догматизированный диалектический и исторический материализм как провозглашён единственной теоретической основой науки, культуры и социальной жизни в целом, и в этом виде поставлен на службу идеологии и политики компартии. Материя, согласно диалектическому материализму — единственная основа мира, сознание — свойство материи, движение и развитие мира — результат его внутренних противоречий. Основные законы диалектического материализма: единство и борьба противоположностей, переход количественных изменений в качественные...

И. В. Сталин в своей публикации “О диалектическом и историческом материализме”, которая должна была рассматриваться как творческое развитие марксизма-ленинизма, провозгласил, что законы диалектического материализма следует перенести на общественные процессы, и тогда вся история человечества должна рассматриваться как классовая борьба за обладание материальными средствами жизни людей. Эта статья была превращена в основной документ политической и партийной пропаганды и включена в основную и обязательный источник политического просвещения всего населения страны.

Все без исключения, вплоть до домохозяек, раз в неделю собирались для изучения указанного произведения. Они должны были зазубривать его очень часто непонятные формулировки. Но занятия в кружках политического просвещения были одним из критериев политической благонадёжности индивидов со всеми вытекающими из этого последствиями ежовщины или иных форм преследования. В атмосфере поиска и систематического преследования врагов народа, в разгуле жёсткого террора люди вынуждены были находить силы и возможности молча отсиживать мучительные часы политического просвещения. В результате постепенно выработалось своеобразное поведение, которое можно характеризовать как способ исключения из жизни чего-то чуждого и бессмысленного и поэтому искусственно существующего, например, как собаке пятая нога, но заданного в виде капризов левиафана, т. е. могучей и неодолимой силы, от которой нет возможности избавиться и нужно терпеливо сносить как ещё одну из нужд, доведённых до уровня естественных отпавлений.

Возможно, такой тип социального давления был как раз одним из самых жутких проявлений тоталитаризма со всеми его гнусными последствиями. Но, повторяю, большинство населения страны научилось не замечать “этой пятой ноги”. Забот у человека всегда предостаточно, тем более что формальное отношение к этой философии было настолько всеобщим, что в глаза не бросалось. Всё шире распространялись здравый смысл и вместе с ним аполитичность и полное безразличие.

Говоря о здравом смысле, я не имею в виду философию “здравого смысла”, понимаемого как интуитивная способность ума, как совокупность врождённых принципов, “заложенных” в умах людей Богом. Такой тип философии возник и получил распространение в 60-80-х годах XVIII века в шотландских университетах. Основателем был Т. Рид, а виднейшие представители — Дж. Освальд, Дж. Битти, Д. Стюарт. Эта разновидность философии сформировалась в полемике со скептицизмом Д. Юма и французским материализмом.

Здравый смысл людей советского тоталитаризма был проявлением полного равнодушия человека в отношении к философии как к чему-то неизбежному, хотя и мучительному процессу. Даже превратности природы в виде крайностей климатического характера находят свою оценку. А вот от политической пропаганды люди спасались за стеной безразличия к ней.

Мне могут возразить, сказав, что и, тем не менее, в социуме находились сторонники творческого развития философии марксизма-ленинизма, велись дискуссии... Но не трудно понять, что такого рода духовная атмосфера очень похожа на европейское средневековье. Ведь там уже был религиозный тоталитаризм, и среди равнодушных людей всё же появлялись одиночки, которые, пытаясь доказать истинность религиозных источников, становились отшельниками, жили в гнёздах, построенных на столбах, заковывали себя в вериги и прочее, чтобы доказать истинность бытия Бога. В анналах истории не трудно найти много примеров изуверства. Они дают основания для утверждений о том, что та или иная историческая общность всегда сохраняет иммунитет против различного рода массовых заблуждений. Примеры же экстравагантного поведения как раз и являются свидетельствами такого иммунитета. Стремление к пагубному оригинальничанию глубоко укоренено в индивидах.

Цель статьи показать, что марксизм-ленинизм был заблуждением, именно это я попытаюсь здесь раскрыть и в этой связи показать, что диалектическая логика была серьёзной оппозицией ему, но почему-то не приведшей к тоталитарным формам политического преследования.

Итак, публикация Сталина “О диалектическом и историческом материализме” была объектом тотальной зубрёжки в сети политического просвещения. Но прежде чем она стала таковой, Сталин провёл работу по доказательству того, что ленинизм есть марксизм эпохи пролетарских революций, т. е. творческое развитие марксизма в новых исторических условиях. Он ставил цель и достиг того, что философское невежество лидера Октябрьской революции Ленина стало трактоваться как творческое продолжение и больше того — практическое применение высших достижений человеческого мышления.

Ещё в памяти ныне живущего поколения людей прямолинейная, настойчивая и навязчивая пропаганда тезиса о том, что К. Маркс открыл объективные законы общественного развития и что в силу ситуации, сложившейся во всём мире, эти законы находят ясное проявление в России, а поэтому, вооружившись такого рода научными знаниями, в СССР идёт успешное строительство новых, доселе невиданных общественных отношений, целью которых является построение коммунистического общества, где будут удовлетворяться все потребности каждого индивида. Восторжествует вековая мечта человечества о справедливости — от каждого по способностям, каждому — по труду. Это было вербальной интерпретацией положений материалистического понимания истории, созданного гением Маркса.

Любую теорию можно словесно упростить, выхолостить, лишить содержания. Путь такой вербализации теории Маркса можно проследить на реальных фактах советской истории. Обращаю особое внимание на то, что он начался с проявления заботы Сталина превратить ленинизм в марксизм-ленинизм,

т. е. творческое развитие материалистического понимания истории, возникшего как закономерный результат познавательной деятельности человека и его самопознания.

В 1909 году Ленин опубликовал свою работу “Материализм и эмпириокритицизм”. По существу это была эклектическая публикация, в которой приводились и использовались для прямых политических выводов некоторые актуальные проблемы философии, так или иначе влиявшие на политические баталии разных партий, которые сложились в России на тот период времени. Уже тогда политические противники Ленина отмечали его философскую беззаботность. Но Сталин отбросил всякого рода сомнения, и после одного заседания в институте красной профессуры было объявлено, что ленинизм есть марксизм эпохи пролетарских революций, есть творческое развитие марксизма в новых исторических условиях. Так появились следующие в истории четыре евангелиста: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Кроме того для систематического осуществления и реализации тезиса о ленинизме как творческом развитии марксизма всё обучение и пропаганда свелась к повторению ставших догмами выдержек из упомянутой работы Ленина. Вся их премудрость сводилась к повторению надоевшего ленинского определения понятия “материя”, ощущений или ленинской критики Канта слева и справа. Никого не касалось то, что это определение материи было буквально списано из работы А. Гольбаха “Система природы”, да и в других положениях тоже ничего нового не было. Но главное в том, что вся система ленинизма была далека от философии тем, что реально была лишь вербальной схемой. Кстати, сам Ленин, конспектируя работы Г. В. Ф. Гегеля уже в 1916 году, спустя несколько лет после публикации его основной, так сказать, философской работы, писал, что нельзя понять Маркса, не изучив полностью работ великого немецкого классика философии. Иначе говоря, он и сам не понимал Маркса, поскольку не знал произведений Гегеля. Но идеологическая конструкция, сложившаяся вокруг работ Ленина, уже была запущена и сыграла в жизнедеятельности многих народов, которые составляли Советскую империю, весьма значительную роль. Ей верили. Или лучше сказать, не подвергали сомнению по причине равнодушия к философии вообще. Хотя официально она была знаменем, мобилизующим и организующим силы этих народов, которые в своём единстве достигли выдающихся исторических свершений. Отсталая феодальная империя Россия с её окраинами, которые были населены народами, прозябавшими на уровне неолита, смогла подняться до достижений мировых капиталистических систем, где наука стала непосредственной производительной силой. А это означало, что был преодолён уровень крайней нищеты и голода. Создана новая инфраструктура общества, сопутствующее и необходимое ему образование и здравоохранение.

Однако идеология, способствовавшая достижению столь колоссальных исторических результатов, согласно именно той же теории Маркса, была ложной. Вывод действительно парадоксальный. Иначе говоря, сложилась в нашей ментальности ситуация, которая требует для понимания некоторого уяснения.

Неожиданный обвал СССР сопровождается буйством неисчислимого количества хулителей жизни в советский период и прежде всего этой идеологии. Ругаются кому не лень. При этом очевидно, что путают божий дар с яичницей. Конечно, разобраться во всей путанице мнений возможности нет, кроме того в этом нет особой нужды. На каждый роток не накинешь платок! Но для понимания основ советской идеологии разобраться в её истоках можно и нужно. Здесь не рассматриваются политические и иные черты лидеров СССР. Как раз они-то точно отвечали потребностям социально исторических реалий того периода времени в России, и поэтому даже ложная идеология способствовала и завершилась историческим прогрессом. Такое заключение вполне объяснимо с позиции

теории Маркса, поскольку она исходит из целостности исторического процесса и не вырывает из неё отдельные звенья.

Тема весьма обширна. Во всяком случае, одной статьёй не отделаешься. В данном случае предлагается тезис о том, что теория Маркса, марксизм и марксизм-ленинизм далеко не одно и то же.

Претендентов на творческое развитие и продолжение теории Маркса в своё время появилось немало, и они продолжают существовать в разных формах. Можно напомнить, например, маоизм, его утрированный вид полпотовщину и пр. Все они имеют свои особенности и достойны особого внимания. Может быть, со временем и эти идеологические теории будут исследованы.

Я же осознаю, что в пределах статьи достаточно будет рассмотреть безосновательность претензий марксизма-ленинизма на абсолютную творческую идентичность его букве и содержанию теории Маркса. И в этой связи попытаться показать, почему Маркс говорил, что он не **марксист**.

Увлечение теорией Маркса началось примерно с середины XIX века. Противоречия капиталистического общества к этому времени достаточно обнажились, а это значит, что общество раскололось в основном на два противоположных класса — буржуа и пролетариев. Это был эмпирический факт. Появилась историческая возможность и необходимость просвещения и формирования антипода капиталистов — пролетариат.

Однако, осознавая этот факт, уже здесь нужно подчеркнуть, что речь шла по существу об исторической форме самопознания человека, дальнейшем развитии всего теоретического наследия человечества. И этот процесс, как всякий другой, является противоречивым. Важно отметить, что теория Маркса сложилась как освещение практической деятельности человека после того как философия уже завершила своё историческое существование. В системе Гегеля приходит конец истории философии. Её выводы стали прозрачны, и человечество получило возможность их реализации в своих соотношениях. Общий вывод о совпадении логики, диалектики и теории познания требовалось воплотить в эмпирическую действительность. Но прозрачность теоретических выводов ещё не означает таковой в реальной истории. К ней нужно и можно было прийти в процессе решения ряда противоречий исторического характера.

Как всегда в истории, то там, то здесь появлялись различные партии и объединения, претендовавшие на роль лидеров эксплуатируемых трудящихся. Известно, что появление новой исторической силы всегда заявляет о себе через выразителей своих чаяний, надежд, устремлений и прежде всего чувством антитезы. Некое единство интересов людей той или иной части общества заявляют о себе прежде всего на уровне общественной психологии. Затем различные настроения могут в процессе дистилляции проходить различные метаморфозы и исчезать или появляться в обновлённом виде.

На рассматриваемом этапе исторического развития с самого начала последователи и ортодоксы теории Маркса пошли по пути её профанации. Им хотелось увеличить массы своих сторонников. И первым марксистом оказался Ф. Энгельс. Это он пошёл по пути пропаганды им самим же созданной словесной схемы, якобы излагающей теорию Маркса. Дело в том, что это была подлинная теория, а не только сумма настроений. Её принципы выводились путём использования и синтеза всех достижений культуры. Но претенденты на лидеров трудящихся хотели привлечь на свою сторону широкие массы населения европейских стран и вынуждены были пропагандировать лишь выводы, результаты кристально чистой и филигранно отточенной теории. При этом не обращали внимания на то, что, как убедительно доказал великий немецкий философ Г. В. Ф. Гегель, результат, без пути к нему приведшему, является трупом, лишённым тенденции.

Самым первым выводом, как бы лежащим на поверхности, была вековая мечта о справедливости, ликвидации эксплуатации человека человеком. Она подавалась в виде утверждения о том, что Маркс открыл историческую необходимость и неизбежность социалистических преобразований общества.

Действительно, открытые Марксом законы общественного развития дают все основания для этого вывода. Но представления, отметьте, не понятия, о социализме, доведённые Марксом до уровня научной теории, возникли в истории давно. Ещё во втором веке до нашей эры была секта ессеев, которая провозгласила принцип “Всё моё — твоё, и всё твоё есть моё”. Сектанты пытались даже жить по этому принципу. С тех пор указанная парадигма считается коммунистическим идеалом. В последующем появлялись и иные подходы, которые, так или иначе, укладывались в неё.¹

Маркс жёстко критиковал различные мечты о коммунистическом переустройстве общества, начиная с потребительского коммунизма ессеев и кончая утопическим социализмом Ш. Фурье, Оуэна, Т. Мора, Т. Кампанеллы и многих других. Он считал их убогими, нищенскими и лишёнными фантазии вредными поделками.

Представители же марксизма во главе с Энгельсом пытались доказать, что одним из теоретических источников теории Маркса являются именно эти психологические раздумья. В. И. Ленин даже написал брошюру “Три источника и три составных части марксизма”, где пытался обосновать мысль о том, что теория Маркса является развитием этих утопий. При такой постановке вполне основательно можно было заявить “Я — не марксист”. Уже в этом случае сильное отличие между теорией Маркса и марксизмом заключается в том, что свои выводы Маркс, в том числе и учение о социалистическом переустройстве общества, обосновывает анализом и синтезом объективных законов общественного развития, так называемым материалистическим пониманием истории и совсем не сбором различных мнений. Причём материалистическое понимание истории разработано им на базе тщательного изучения всей культуры человечества вообще и философских, экономических теорий в частности. Маркс осуществил преемственность между этапами культурного наследия человечества, а ему пытаются приписать неосновательно возведённые в теории ограниченные, сугубо психологические противостояния ментальности богатых и бедных.

Разумеется, полный анализ указанных расхождений может стать убедительным и возможен при условии демонстрации категориального аппарата теории Маркса. Иначе говоря, требуется тщательное изучение его произведений, в пределах же статьи при попытке лишь постановки вопроса приходится ограничиваться указанием на некоторые принципиальные расхождения в толковании самого материалистического понимания истории и его инструментария.

Теория Марка изложена в его многочисленных работах. И без знания “Капитала”, “Немецкой идеологии”, “К критике политической экономии”, “Тезисов о Л. Фейербахе”, значительного рукописного наследия и др. её не понять. Однако после тщательного изучения первоисточников, а также всего духовного арсенала человеческой культуры во взаимоотношениях между специалистами можно использовать некоторые узловые произведения. В частности, суть диалектико-материалистического понимания истории изложена в краткой форме в предисловии “К критике политической экономии”. Маркс утверждает, что история

¹ Желаящие могут почерпнуть некоторые сведения об этом из работ К. Каутского “Томас Мор и его Утопия”, а также “Предшественники новейшего социализма”. Они опубликованы отдельными изданиями или в его Соч. т. 1-4, М. 1923-1930 гг., см. также “Из истории общественных течений”. Т. 1-2. СПб., 1907-08.

человечества может быть подразделена на некоторые дискретные образования, которые он называет общественно-экономическими формациями. Каждая из них представляет собой целостный естественноисторический организм. При этом он называет: азиатский, рабовладельческий, феодальный и капиталистический типы общественных формаций. Каждая формация может быть подразделена на свои части. Это производительные силы, куда входят орудия труда и люди, владеющие навыками их использования, производственные отношения, состоящие из производства, обмена и распределения. Взаимодействие производительных сил и производственных отношений, которые юридически называются формами собственности, составляют способ производства.

Производительные силы являются изменяющимся фактором и это неизбежно приводит к возникновению противоречий между ними и производственными отношениями. На определённом этапе развития эти противоречия не могут разрешаться в рамках данного способа производства, наступает период революционных преобразований формации и переход её на следующий более прогрессивный уровень. Разумеется, указанные понятия отражают взаимодействия индивидов, которые всегда являются предпосылками общества. В последовательной смене поколений людей сохраняются и изменяются по объективным законам развития материалы, капиталы и производительные силы общества.

Итак, возникновение новых формаций обусловлено закономерными, противоречивыми связями в рамках той или иной формации. Маркс подчёркивает, что ни одна формация не может появиться без предварительного развития соответствующих производительных сил общества. Для перехода же от капитализма к социализму необходимо такое развитие производительных сил, которое превратит весь мир в целостную систему. Наука должна превратиться в непосредственную производительную силу. Должен сложиться мировой рынок, конкуренция между нациями и пр. По существу, если бы Маркс использовал современный язык, он мог бы написать, что противоречия глобализма должны обнажиться до крайних форм.

Но для представителей марксизма подразделения истории, данные Марксом, оказались не убедительными. Энгельс вводит свои, ничем не обоснованные этапы истории. Он пишет о первобытной общественно-экономической формации, иногда называя её первобытным коммунизмом. Недаром критики марксизма иронизируют по этому поводу, называя дикость Эдемом. А для теоретиков марксизма-ленинизма всё это было лишь мнением. Они без всяких оснований стали утверждать, что Россия и есть самая передовая страна, которая совершит пролетарскую революцию. Хотя в то время эта страна не имела действительного пролетариата как класса. Дальше больше, развивая марксизм, начали пропагандировать идею построения коммунизма в отдельно взятой стране, разглагольствовать о так называемом некапиталистическом пути развития. Так народы, которые оставались на уровне неолита, стали строителями социализма.

В действительности же Россия под давлением мировой конкуренции наций и по законам мирового рынка вынуждена была совершить **буржуазную** революцию.

Но давние психологические противостояния народов России и западных стран обусловили возможность использования критических концепций, направленных против капитализма, в частности, его проявлений в виде голого расчёта и наживы. Ментальность народов России была предрасположена против буржуазного индивидуализма, что нашло выражение в произведениях Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Герцена и т. д., и большевики не могли не учитывать идею соборности, чтобы вовлечь народные массы в переустройство феодальных отношений. Поэтому построение капитализма в земледельческой стране

осуществлялось под флагом критики капитализма, для чего использовалась марксистская фразеология. Работы Маркса дают возможность во всём этом разобраться. Читая их, например, “Немецкую идеологию”, убеждаешься, что большевистская пропаганда шита белыми нитками.

Разумеется, ментальность русского народа заставляла отклоняться от классических форм капиталистического движения, представленных путём, пройденным европейскими странами, но утверждать, что здесь строят социализм, не было никаких оснований.

Рассматривая соотношение частей общественно-экономической формации, Маркс писал, что общественное бытие определяет общественное сознание. Это ёмкое и сложное соотношение общественных явлений прежде всего было искажено в марксизме, а затем и в марксизме-ленинизме. Например, в работе “Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии” Энгельс пишет о зависимости бытия и сознания. Опуская определение “общественное”, он резко меняет суть дела. Общая постановка вопроса о соотношении бытия и сознания присуща всей философии и в каждой системе находит свою конкретизацию. Только диалектико-материалистический подход к пониманию истории трактует вопрос в указанном выше виде. Далее Энгельс в одном из своих писем признаёт, что марксисты недооценили влияния на историю форм общественного сознания. Но к Марксу это замечание не имеет отношения. Нетрудно привести ряд положений, которые свидетельствуют, что он отводил должное место роли сознания в общественном развитии.

Марксизм-ленинизм же, исходя из вторичной роли сознания, дошёл до того, что пытался ликвидировать путём законодательства такую форму общественного сознания, как религия. Это было выполнением заветов Ленина о воинствующем материализме. Больше того, в самой идеологии СССР было вопиющее противоречие. Так, утверждая плановое хозяйство, пытались исходить из экономических показателей, и они были определяющими, а общественное бытие подчинённым явлением. Директивы партии, как проявления политики, тоже были определяющими. В этой связи возникли культ личности Сталина и другие волонтаристские действия. Законы общественного бытия попирались так же, как и в феодальных системах. Например, Ф. И. Голощёкин — секретарь крайкома ВКП(б) в Казахстане взял да отменил указом кочевой тип общественных отношений. Исполнение этого распоряжения сопровождалось неисчислимыми бедствиями народа.

Грубым искажением материалистической теории общественного развития Маркса было забвение концепции отчуждения, которая составляет существенную часть его учения. Представители марксизма и марксизма-ленинизма будто бы договорились и вычеркнули это понятие.

Материалистически переосмысливая систему Г. В. Ф. Гегеля, Маркс писал, что социальная сила самих взаимодействующих индивидов противостоит им как некая чуждая и неизвестная им сила. Отчуждение возникает в связи с разделением труда и появлением частной собственности на средства производства. А в процессе производства товаров оно доходит до крайности, лишая производителя всех его человеческих качеств. В системе капиталистических отношений все формы сознания являются силами отчуждения и противопоставляют индивидов друг другу в виде монадных образований. Отчуждение является одной из сторон капиталистического производства, которая способствует назреванию социалистической революции. Оно есть одно из объективных условий саморазрушения капитализма.

Идеология марксизма-ленинизма строилась на пропаганде тезиса о творческом развитии марксизма. Но при этом вынуждена была признавать, что марксизм является профанацией метода мышления Маркса. В частности, в “Философских тетрадах” Ленин писал, что Энгельс трактует диалектику как сумму

примеров. Ясно, что в таком случае от диалектики и особенно её теории не остаётся ничего.

В этой связи формируется особая философия марксизма-ленинизма, так называемый диалектический и исторический материализм. Хотя у Маркса такого понятия нет и в помине. Фундаментальным произведением, содержащим основы диалектического и исторического материализма, следовало в то время рассматривать работу Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” и публикацию И. В. Сталина “О диалектическом и историческом материализме”, а также некоторые сопутствующие им статьи.

Указанная работа Ленина являлась по существу некоторым нонсенсом и сразу же после издания вызвала жёсткую критику со стороны некоторых большевиков и в ещё большей степени меньшевиков, которые упрекали автора в философской безграмотности. Но это не помешало в последующем заставлять чуть ли не зубрить её, особенно студентов. При этом как величайшее достижение всей философии выставлялось ленинское определение материи. На самом деле оно было пересказом произведений французских материалистов XVIII века, которых Маркс считал всего лишь метафизиками, т. е. проводниками субъективизма и произвола. Гегель не включил их даже в историю философии.

У Маркса нетрудно найти, что материя есть нечто чувственно-сверхчувственное. Оно обозначает примерно то же, что и у классиков философии — не только вещи, но и процессы, и людские отношения. Например, материя орудийной деятельности, материя языка и многое другое. Такой подход был совершенно чужд марксизму-ленинизму, а ведь речь шла о новейшем материализме.

По крайней мере, странное было отношение к истории философии. В “Философских тетрадах” Ленин, выписав положение Гераклита о том, что “Ни кем из людей и ни кем из богов создан этот порядок вещей...”, на полях записал: “Очень хорошее изложение начал диалектического материализма”². Видимо, он надеялся на то, что сможет доказать, что вид философии, им предлагаемый, проходит красной нитью через всю историю человечества. Уже в этом налицо грубое упрощение процесса самопознания, истории философии или намеренное идеологическое его искажение. В том же произведении Ленин называет Гегеля “Идеалистической сволочью!” и пытается переосмыслить его в духе диалектического и исторического материализма. Правда, в “Философских тетрадах” Ленина можно обнаружить ряд верных замечаний, сделанных под давлением текста конспектируемых работ, но они не были учтены марксизмом-ленинизмом, ибо очень часто соскальзывали от уровня понятий до представлений.

Но ещё вульгарнее была работа Сталина “О диалектическом и историческом материализме”. Здесь вся теория была сведена к четырём чертам: о всеобщей связи, о развитии, о переходе количественных изменений в качественные и о противоречиях. Исторический же материализм был опрокидыванием положений диалектического материализма на общественные явления.

Когда Маркс пишет, что он в “Капитале” кокетничал с диалектическими положениями мышления, развёрнутыми в философии и обобщёнными Гегелем, он имеет в виду, что эмпирические исследования объективных процессов неизбежно завершаются открытием того, что мышление их носит диалектический характер. Но он имеет в виду действительную объективную всеобщую связь и развитие, и отнюдь не шаблон, к которому подгоняют действительность. Вот пример марксова использования диалектики. Говоря о возникновении кооперации труда, он пишет: исторически и логически, заметьте, и логически (нужно помнить обобщение Гегеля о совпадении исторического и логического), простая кооперация предшествует

² В. И. Ленин. ПСС, Т. 29, С.311.

развитым формам труда. В ней формируются части процесса и возникает их целостность. Так, скажем, в кооперации сапожников, которые вначале были лишь некой массой производителей, объединённых в разное время и по разным мотивам, складываются специалисты по изготовлению частей сапог и сапожники теперь зависят друг от друга и не могут работать без своих частей. Один тачает голенища, другой оголаживает сапог, третий готовит колодки и пр. Мастер золотые руки, который готовил продукт один и самостоятельно, становится частичным рабочим, и в их единстве кооперация превращается в мануфактуру. Таким образом, отмечается факт того, что здесь и в других сферах исторического целого совершается такого рода переход от простого к сложному, который, казалось бы, безразличен к существу дела. Меняется лишь форма. Но в том-то и дело. Идёт процесс. Процесс прогрессивного развития общественного целого и его частей.

Идеология же Страны Советов требовала неукоснительного использования законов диалектики в виде внешней рамки для систематизации эмпирического материала. Забавно, но факт, что каждая статья или любая иная печатная работа обязательно должна была начинаться абзацем, посвящённым хвале диалектического и исторического материализма. Недаром же указанное произведение Сталина было предметом зубрёжки всего населения страны. В научной полемике главным обвинением была ссылка на то, что то или иное утверждение не согласуется с этим материализмом. Прославившийся агробиолог, академик Т. Д. Лысенко побивал своих оппонентов тем, что заявлял исключительные претензии на согласование его измышлений с материалистической диалектикой. Теперь же известно, что лысенковщина нанесла серьёзный ущерб развитию биологии в СССР.

В работе Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” развивается так называемая теория отражения. Суть её можно свести к повторению некоторых положений сенсуализма, хотя эта теория претендует на новейшую теорию познания. Во всяком случае, её так подавали в последующем, в марксизме-ленинизме. Говоря о гносеологии, даже простое сопоставление этой публикации и “Философских тетрадей” порождает множество принципиальных расхождений, свидетельствующих о философской непоследовательности и ученических открытиях, которые не были использованы в теории.

Маркс, как это видно из его работ, исходил из достижений всей философии и разделял основные положения гносеологии, которые нашли развитие в системе Гегеля. В частности, речь может идти о совпадении исторического и логического, о восхождении от абстрактного к воспроизведению конкретного в мышлении, о совпадении диалектики, логики и теории познания. Эти и другие важные гносеологические достижения служили методологией при анализе эмпирической действительности.

Ленин в своей теории отражения и не подозревает о них. Пытаясь критиковать систему И. Канта, он всего лишь ищет проявления в ней идеологической борьбы.

Само начало теории отражения чревато ошибками. Так, говоря об ощущениях, Ленин не обращает внимания на их человеческий характер. Больше того, у него проявляется тенденция отождествления ощущений с иными формами взаимодействий предметов окружающего нас мира.

А Маркс подчёркивает, что человеческие ощущения являются продуктом всемирной истории. Он настаивает на человечности чувств. “Вот почему *чувства* общественного человека суть *иные* чувства, чем чувства необщественного человека. Лишь благодаря предметно развёрнутому богатству человеческого существа развиваются, а частью впервые порождаются, богатство субъективной *человеческой* чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, — короче говоря, такие *чувства*, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как *человеческие* сущностные силы. Ибо не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства

(воля, любовь и т. д.), — одним словом, *человеческое чувство*, человечность чувств, — возникают лишь благодаря наличию *соответствующего* предмета, благодаря *очеловеченной природе*".³

Кому не понятно, что такого рода размышления и есть факты, которые свидетельствуют о том, что Маркс действительно переворачивает теорию Гегеля с головы на ноги? Уже здесь видно, что формируется совершенно новый взгляд на человека и его самопознание. Вместе с тем должно быть ясно, что уяснение цитированного отрывка возможно лишь в контексте всей системы Маркса.

В период формирования большевизма совершилась величайшая революция в естествознании. После открытия электрона, радиоактивности была построена планетарная модель атома. Рушились механистические представления о том, что атомы являются последними кирпичиками мироздания. Всё это инициировало ревизию мировоззрений. Завязалась жестокая дискуссия.

Казалось бы, к работам Маркса революция в естествознании не имеет отношения. Но это не совсем так. Прежде всего отметим, что уже Кант подчёркивал, что органическим явления нельзя сводить к механическим законам, т. е. к представлениям, связанным с неделимостью атомов. Что касается Маркса, то уже в своей докторской диссертации на тему о философии Демокрита он показал, что для её правильной исторической оценки нужно учитывать поправку Эпикура, т. е. исходить из того, что атомы должны иметь внутреннюю структуру. Иначе говоря, Маркс опережал устоявшиеся в то время представления об атомах. Он не считал их неделимыми.

Революция в естествознании значительное влияние оказала на развитие общества и его мировоззрение. В продолжение этой революции стали бурно развиваться различные подразделения естествознания. Появилась термодинамика. Понятие "энергия" и формы её существования стали основными для формирования нового мировоззрения. Ближайшим результатом развития естествознания стало возможным рассматривать общество как диссипативную систему с её антиэнтропийной направленностью. При этом возникла ситуация для развития идей о самоорганизации материи. Короче, открылся широкий простор для дальнейшего развития науки. Понятие "наука — непосредственная производительная сила", введённое Марксом, вполне согласовалось с величайшими достижениями в познании. Научно-техническая революция как продолжение революции в естествознании действительно превратила науку в непосредственную производительную силу. Скачок в общественном развитии, обусловивший сильный разрыв между Востоком и Западом, во всех отношениях связан с использованием науки как производительной силы.

Представители же марксизма-ленинизма явно не поняли сути революции в естествознании. Им застили глаза идеологические проблемы. Ленин писал, что революция в естествознании означает, что естествознание находится в родах. Оно рождает диалектический материализм. При этом особо подчёркивалось, что материя не исчезает, меняются пределы, до которых знали материю. Здесь же приводится ничем не обоснованное заключение, что электрон так же неисчерпаем, как и вся материя. Весь пафос идеологической борьбы направлялся против энергетизма, конвенционализма и позитивизма.

Нетрудно понять, что Ленин разделяет представление о материи, как и Энгельс, как о некоей телесности, и сводит его к веществу. Правда, и у Энгельса есть замечания о том, что нельзя ограничиваться представлениями о неделимости атомов, ибо это ведёт к тому, что мировые часы должны быть кем-то заведены. А то,

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т. 42, С. 122.

что естествознание, открыв микромир, макромир и мегамир и изучая их взаимодействие, неизбежно приходит к выводу о том, что материя может быть сингулярными узлами поля, Ленина не касается. Это не соответствует его примитивному материализму, к тому же идеологически истолкованному. А его образные выражения о том, что естествознание лежит в родах, ни к чему не обязывают.

В последующем в статье “О значении воинствующего материализма”, которая оказалась программной для последующего развития философии в СССР, он укажет, что нужно материалистически переосмысливать идеи Гегеля. Однако это не мешало вешать ярлыки о гегельянщине на тех, кто как-то выбивался из прокрустова ложа советской идеологии. Кстати, известно, что Гегель в классовом отношении буржуазный философ, а два других пункта программы развития философии тоже остаются в рамках буржуазных настроений и дел. Использование французского просвещения XVIII века, пропаганда атеизма, авторами которого были французские материалисты того же века, были примерами заимствований из опыта буржуазных революций. Не учитывалось лишь то, что атеизм французы стали развивать как осознание некоторых тенденций общественного сознания, а именно секуляризации религии в Европе. В России же дело до этого не дошло. И здесь был проявлен волюнтаризм.

И вот как ни странно, и тем не менее, в шестидесятые годы в Казахстане сложилась философская оппозиция. Дело невиданное и всё же существовавшее. Правда, начало положил Э. Ильенков. Он опубликовал исследования, раскрывающие аутентичного Маркса. В частности, “Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса” и другие работы. Его поддержала группа молодых философов из института философии и права АН Каз ССР. Среди них были Ж. М. Абдильдин, М. И. Баканидзе, Л. К. Науменко, А. Х. Касымжанов, Г. А. Югай и другие. Появились публикации, которые вызвали восторженные рецензии в журнале “Вопросы философии”. В результате развернулась интенсивная работа в плане раскрытия логики “Капитала” или, как часто тогда говорили, диалектической логики. Наряду с многими публикациями было проведено пять всесоюзных симпозиумов по диалектической логике в Алма-Ате при институте философии АН Каз. ССР. На этих форумах собиралась творческая молодёжь, разобравшаяся в отличии философии от вербальных конструкций. Число делегатов иногда превышало более двухсот человек. Это было революционное обновление в атмосфере застоя и чудовищного подавления духа. Надо было пережить могучий подъём того периода времени. Все теоретические работы по истории философии, проблемы метода мышления и теории познания были подвергнуты критическому анализу и творческому развитию. Нетрудно понять, что изучение логики “Капитала” и есть исследование логики взаимосвязи структурных элементов капиталистического общества, его противоречивых отношений.

Напоминаю, что Маркс исходит из того, что идеальное есть материальное, перемещённое в человеческую голову и преобразованное в ней. Этот процесс совершается с участием всех людей. Но в силу разделения труда, отделения умственного труда от физического и индивидуализации в обществе он проявляется через голову отдельного человека. Произведения Маркса являются прекрасными примерами преобразования материального в идеальное. Это отнюдь не абстрактное противопоставление материального и идеального в виде первичного и вторичного, как это сделано в марксизме Энгельсом и затем бездумно повторялось в марксизме-ленинизме.

В “Капитале”, начиная с определения товара как особой “клеточки” познания, содержащей в зародыше все противоречия изучаемой системы и кончая полным развитием противоречий капитализма, где делается вывод о неизбежной экспроприации экспроприаторов, по существу изложен метод построения идеальной модели изучаемой исторической общности. В этой работе Маркса

ничего иного и нет, но зато описанного с исключительной тщательностью и математической точностью. Исследование законов общественного развития приводит Маркса к неизбежному выводу о возможности построения прозрачных человеческих отношений по законам красоты к концу предыстории человечества и началу подлинных человеческих связей.

Может быть, никто и не предполагал, т. е. такой цели специально не ставил, но объективно такая логика раскрывала или могла раскрыть особенности развития капитализма в России. Зная идеальную форму капитализма, данную в работах Маркса, можно перейти и к описаниям и, главное, к пониманию его особенных форм. Ведь все научные истины являются изложением идеальных процессов, которые создают условия для понимания реальных явлений.

В результате описания логики “Капитала” появились содержательные творческие публикации, теоретически освещающие трагизм истории. Итогом работы казахстанской школы философов можно назвать сборник из пяти томов — “Диалектическая логика”. В совокупности это произведение и многие другие публикации дают основания для такой претензии, которую можно назвать именно объективированием логики “Капитала”, которая, повторяя, совпадёт с диалектикой и теорией познания. Именно в этом случае идеальное оказывается пониманием материального и совсем не способом её идеологического использования для целей господствующей политической партии.

Кстати, в это время вдруг и в других республиках появились сборники под названием “Диалектическая логика”. Однако они ещё один раз могут свидетельствовать о нищете словесных построений, претендующих на роль философии, и быть иллюстрациями марксизма-ленинизма, который был навязан и распространён в СССР. Подражание в философии всегда оказывается бесплодным. Вспоминается замечание Маркса: “Так появляются философы волос, ногтей, пальцев, экскрементов и тому подобные субъекты...”⁴.

В конечном итоге интересен исторический факт о том, что разворачивание диалектической логики нашло отклик во всей идеологической литературе Советского Союза. В журнале “Коммунист” была опубликована статья Ю. Андропова “Карл Маркс и некоторые проблемы строительства социализма в СССР”.⁵ Весьма многозначительное название работы. По названию и по содержанию важен поворот к Марксу. Но сам это поворот не был осуществлён. Больше заговорили о развитии социализме и прочей идеологической шелухе. Последний генсек М. Горбачёв тоже выступал на эту тему.

Надо ли говорить, что попытка возрождения теории Маркса было весьма симптоматичным явлением, показывающим кризис буржуазной идеологии на данном этапе развития общества. Люди начали осознавать глобализм, на который указывал в своих работах Маркс.

Кстати, попытки разного рода интерпретаций этого самого глобализма, оказавшимися вдруг нужными сейчас и для буржуазной идеологии, ничего кроме субъективизма не предлагают. Маркс и в этом вопросе опередил своих противников более чем на сто лет. Хотя мировой кризис заставил переиздавать работы Маркса, но и это не исключает их новой вульгаризации. И только теория, диалектико-материалистическое понимание исторического процесса может быть надёжным мировоззренческим и методологическим руководством для самопознания человека в условиях развития жесточайших противоречий мирового характера.

г. Алматы.

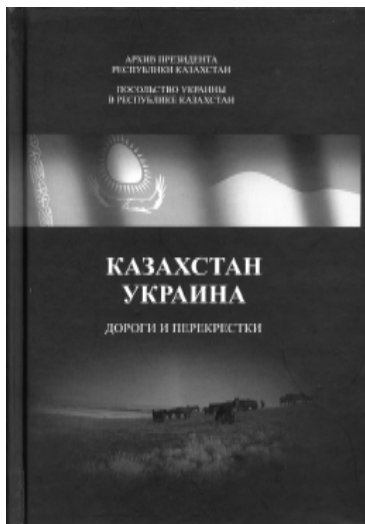
⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе. Т. 40. С. 212.

⁵ Говорят, что в подготовке статьи Андропова принимал участие Л. К. Науменко — один из школы казахстанских философов.

Светлана АНАНЬЕВА

Истоки дружбы двух народов

При содействии посольства Украины в Республике Казахстан издан сборник воспоминаний и документов “Казахстан — Украина: дороги и перекрестки. 1917-2008 гг.”, открывающийся вступительным словом Чрезвычайного и Полномочного Посла Украины в РК Н. Ф. Селивона: “В этой книге воссозданы образы удивительных людей, живших в различные эпохи... Я постоянно изучаю историю Украины и Казахстана, но и для меня в этом сборнике открылось много новых фактов. С огромным интересом узнал об удивительном переплетении судеб выдающегося генерала И. Панфилова и великого украинского поэта и мыслителя Т. Шевченко, которого помнят и почитают как в нашей стране, так и в Казахстане. Их гены соединились с генами известной казахской семьи Каралдиных-Байкадамовых, проявившись в талантливых потомках. Узнал о годах, проведённых в Алма-Ате в эвакуации известным украинским композитором М. Скорулским, о том, что в АЛЖИР была сослана почти вся труппа Харьковского оперного театра... Публикуемые документы представляют возможность проследить благодатные истоки дружбы между братскими украинским и казахским народами, которую мы считаем аксиомой наших отношений” [1, с.4-5].

Сборник во многом уникален. С его страниц звучат голоса украинцев, внёсших значительный вклад в развитие экономики и науки Казахстана. По мнению современных исследователей, первыми прибыли в Казахстан казаки разрушенной Запорожской Сечи. Затем — отдельные представители демократически настроенной интеллигенции, высланные на окраину империи. Миграционные процессы в XIX веке активизировала стольпинская аграрная реформа. Первая мировая война, свержение монархии, установление советской власти и гражданская война, острый дефицит квалифицированных кадров в 20-е годы XX века, репрессии 30-х годов, эвакуированное население в 1940-е годы, очередные партии депортированных и репрессированных конца 1940-х — начала 1950-х (в том числе участники Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), целинная эпопея 1950-х годов. Именно в такой последовательности выстраивает обзор событий, способствовавших формированию полиэтничного состава населения Республики Казахстан и, в том числе, украинской диаспоры, М. Е. Грибанова, автор “Предисловия” к книге.

В сборнике приводятся интересные факты. Летом 1930 года началась работа по созданию школ с преподаванием на украинском языке, по изданию украинских газет, переводу делопроизводства на украинский язык в районах, где преобладало украинское население. Культурную помощь Украины

При содействии посольства Украины в Республике Казахстан издан сборник воспоминаний и документов “Казахстан — Украина: дороги и перекрестки. 1917-2008 гг.”, открывающийся вступительным словом Чрезвычайного и Полномочного Посла Украины в РК Н. Ф. Селивона: “В этой книге воссозданы образы удивительных людей, живших в различные эпохи... Я постоянно изучаю историю Украины и Казахстана, но и для меня в этом сборнике открылось много новых фактов. С огромным интересом узнал об удивительном переплетении судеб выдающегося генерала И. Панфилова и великого украинского поэта и мыслителя Т. Шевченко, которого помнят и почитают как в нашей стране, так и в Казахстане. Их гены соединились с генами известной казахской семьи Каралдиных-Байкадамовых, проявившись в талантливых потомках. Узнал о годах, проведённых в Алма-Ате в эвакуации известным украинским композитором М. Скорулским, о том, что в АЛЖИР была сослана почти вся труппа Харьковского оперного театра... Публикуемые документы представляют возможность проследить благодатные истоки дружбы между братскими украинским и казахским народами, которую мы считаем аксиомой наших отношений” [1, с.4-5].

Казахстану оказывал В. Горб, введённый в состав коллегии Наркомата просвещения КАССР. Но в 1932 году В. Горб был отозван в ЦК ВКП (б).

На рубеже XX–XXI веков в Киеве и в Алматы издавались книги А. Ф. Макаренко “Украинцы” (Алма-Ата, 1998), В. А. Карпенко “Украинцы Казахстана” (Киев, 2000), альбом “Украинцы Казахстана” на русском и украинском языках (Киев, 2004), “Украинцы в Центральном Казахстане” (по материалам архивных учреждений Карагандинской области, 2007). Но в сборнике “Казахстан — Украина: дороги и перекрёстки” авторы рассказывают читателям о себе сами. Хронологически он также не имеет аналогов, первый опубликованный архивный документ датирован 1917 годом, последний — весной 2008 года, причём события развиваются как на территории Украины, так в Казахстане. Из 16 документов впервые публикуется 12. Из 49 фотографий — 39. Имеется именная указатель.

Открывается сборник краткой автобиографией-исповедью Б. Тризны, потомка архимандрита Иосифа Тризны, возглавлявшего Киево-Печерскую лавру в 1647–1656 годах. Борис Петрович Тризна стал организатором первого в Средней Азии Аксу-Джабаглинского природного заповедника.

*Стоит И. Е. Мариковский.
г. Хабаровск-на-Амуре.
28 октября 1911 г.*

Удивительные судьбы удивительных людей... Мемуары сельского учителя Иустина Евменьевича Мариковского (1873—1946) сохранены его сыном доктором биологических наук, профессором, писателем-энтомологом Павлом Мариковским (1912—2008), который сам написал автобиографическую книгу о Дальнем Востоке, Сибири, Маньчжурии, Узбекистане и Казахстане. Обе рукописи хранятся в Архиве Президента Республики Казахстан. Иустин Евменьевич вспоминает, как его отец самостоятельно выучил немецкий язык, а латинский и греческий знал настолько хорошо, что по этим предметам готовил поповичей в духовное училище. Из Лейпцига выписал библию на еврейском языке. Такой богатой библиотеки по количеству и разнообразию И. Е. Мариковский не встречал ни у одного учителя среднего учебного заведения.

Отец следующего автора мемуаров — Григория Васильевича Нечитайло (1906—1998), первого заместителя наркома торговли, заместителя министра торговли, родился

в селе Рублёный Мост Чигиринского уезда Киевской губернии. Чигирин, как уточняет автор воспоминаний “Детство и юность” Г. Нечитайло, — центральная ставка гетмана Богдана Хмельницкого, вождя освободительной крестьянской войны 1648–1654 гг. В своих воспоминаниях Г. Нечитайло пишет о национально-освободительном восстании казахов 1916 года, отдельные эпизоды которого видел сам. Казах интеллигентной внешности, прекрасно владевший русским языком, — таков Токаш Бокин.

Цитирует Г. Нечитайло и свой разговор с М. О. Ауэзовым: “... Я как-то спросил Мухтара Омархановича Ауэзова, почему события 1916 года не получили всестороннего и правдивого освещения в историографической

и художественной литературе. Он ответил мне, что эти события являются величайшей трагедией казахского и русского народов и они ещё ждут своего осмысления, которое может произойти только через двести лет” [2, с.92].

Особенно тяжким выдался для семьи 1921 год, когда ушла из жизни мама. Семеро детей остались с безруким отцом, страдающим катарактой глаз: “... За одну коробку спичек просили один миллион рублей. Приходилось пораньше вставать утром, чтобы увидеть, с какой избы идёт из трубы дым, брать там уголёк и нести его в свою халупу как величайшую святыню” [2, с.92].

О судьбе отца, выпускника философского факультета Киевского университета и аспирантуры этого же вуза — Василия Лукьяновича Дымнича, ставшего жертвой страшного 1937 года, пишет в своих воспоминаниях “Сумую я сердцем в горах Казахстана” кандидат технических наук Наталья Найбургер. В 1930 году Василия Дымнича по обвинению в причастности к националистическому движению сослали на поселение в Алматы. В 1932 году он стал преподавать в политехникуме Турксиба. Построили дом. Побывали на Украине.

Но 20 сентября 1937 года, как вспоминает профессор КазГУ А. Т. Лукьянов, В. Л. Дымнича забрали прямо с лекции из техникума. Арестованных держали в здании НКВД, по ул. Дзержинского, принесли передачу, еду и одежду. Однажды тёплые вещи отправили назад, объяснив это тем, что осуждённые уже уехали. Отец Натальи Васильевны был реабилитирован в 1958 году. Расстреляли его 12 января 1939 года: “Страшные были времена, горько осознавать, что такие прекрасные, образованные молодые люди ушли из жизни в расцвете своих творческих сил. Вечная им память!” [2, с.101].

Вспоминая детство, Наталья Васильевна пишет о том, что не помнит уныния, грусти. Взрослые были полны оптимизма. Мама всё делала для того, чтобы скрасить трагизм и скорбь тех лет. Ей присвоили звание “Заслуженный учитель Казахской ССР”. И лишь песни на украинском языке больше не звучали, не звучала и украинська мова, потому что отец был обвинён в национализме.

О судьбе своей семьи рассказывает Мария Даниленко, супруг которой Иван Даниленко работал руководителем кабинета прессы Дома пропаганды в г. Харькове, сотрудничал с газетами и литературными журналами “Плуг”, “Гарт”. В августе 1934 года его приняли в члены Союза писателей. Но в 1937 — арест. Марию исключили из Харьковского пединститута, затем по рекомендации Комиссии советского контроля восстановили. 11 января 1938 года арестовали и Марию. Сына хотели забрать в детский дом, но рядом оказалась бабушка.

Сызрань... АЛЖИР: “Акмолинская бескрайняя степь, небо, земля и замечательные женщины Страны Советов... 90 % процентов заключённых были с высшим образованием. Среди нас были ленинградская

Г. В. Нечитайло после вступления в комсомол на строительстве Южтурксиба. 1928 г.

профессура, почти вся труппа Харьковского оперного театра, инженеры, техники, строители, врачи, геологи, учителя — профессий 100, наверное. А ещё художники...” [2, с.113].

Наряду с воспоминаниями в сборнике содержатся уникальные документы о судьбе дочери Нестора Махно — Елене Несторовне Михненко. “Батько” Махно после разгрома его войск частями Котовского, Будённого и Пархоменко бежал в Румынию, затем в Польшу. В Париже работал сапожником и типографским рабочим. Умер в 1934 году от туберкулёза лёгких. “Первая жена, Гаенко Федора Лукьяновна, убита 20 марта 1920 года в станице Гуляй-Поле при преследовании войск Махно частями Котовского. Вторая жена, Кузьменко Галина Андреевна, вместе с дочерью были арестованы в 1945 году в Германии агентами НКВД, привезены в СССР, осуждены и содержались в ГУЛАГе” [2, с.119].

*М. И. Панфилова
(в девичестве
Коломиец-Шевченко).*

Кандидат искусствоведения, профессор Казахской национальной консерватории имени Курмангазы, заслуженный деятель искусств Республики Казахстан, дочь композитора, племянница оперной певицы Айсулу Байкадамовой, ученица прославленных педагогов Е. Брусиловского и Г. Жубановой, Балдырган Байкадамова, внучка генерала Панфилова — хранительница истории и связующее звено разных поколений казахских музыкантов, российских и украинских деятелей культуры и литературы. Бабушка Балдырган — Мария Ивановна — внучатая племянница Т. Г. Шевченко. Все пять дочерей Панфилова (сын Владлен был лётчиком-испытателем), по свидетельству Б. Байкадамовой, “унаследовали от его жены склонность к живописи и поэзии, идущую от великого кобзаря. Галина, Майя и Евгения имели художественное образование, а моя мама, как и бабушка, были художниками-любителями”

[2, с. 130]. Майя Ивановна ещё и поэтесса. И вновь удивительным образом переплетаются человеческие судьбы: “Дочь Майи Ивановны, Лена, ... вышла замуж за внука ... батьки Махно” [2, с. 131].

И читается удивительное издание, составленное из воспоминаний и выдержек из официальных документов, на одном дыхании. От страниц, за которыми судьбы людей и поколений, не оторваться. Они вновь и вновь возвращают к себе, потому что за ними история, трагическая, волнующая, невыдуманная. Много тёплых слов — в адрес казахского народа, благодаря гостеприимству которого украинцы чувствовали себя не чужими на казахской земле, хотя трудностей на долю народов выпало немало. Школьная учёба во время войны запомнилась дефицитом бумаги (писали в старых книгах и журналах в пространстве между строчек) и чернильницами-неразливайками.

Сборник объединил на своих страницах людей неравнодушных, для которых любовь к Казахстану и Украине — лейтмотив их жизни и трудового пути. Активный участник украинского культурного центра Б.В.Макаренко рекомендует “властям Украины обратить особое внимание на вопрос расширения познаний истории и культуры Украины в других странах посредством издания и распространения там литературных и прочих

изданий на эти темы не только на украинском, а, в первую очередь, на языках именно тех стран, где эти акции будут проводиться” [2, с. 145].

Изучению природы Казахстана всю свою жизнь посвятил доктор биологических наук, профессор, лауреат Государственной премии Казахстана А. Ф. Ковшарь, и.о. директора заповедника Аксу-Джабаглы, президент “Союза охраны птиц Казахстана”, зав. лабораторией орнитологии Института зоологии Национальной академии наук РК. Вырос будущий биолог на украинской классике, стихах и песнях Тараса Шевченко. “Любимым писателем для меня стал Гоголь, все произведения которого я прочитал до 5-го класса. Именно в этом возрасте они оставляют неизгладимый след в душе, поскольку нигде и ни у кого другого так не показана украинская природа и сельская действительность, разве что у Котляревского, Панаса Мирного и Нечуя-Левицкого... Я люблю хорошую литературу, — размышляет далее А. Ф. Ковшарь. — Обожаю Пушкина и Лермонтова, Есенина; преклоняюсь перед Достоевским; люблю Гюго, Дюма, Мопассана и многих других европейских писателей; с большим удовольствием уже в зрелом возрасте прочитал Габриэля Маркеса. Однако ничто из перечисленного не может сравниться с удовольствием от чтения Гюголя. Это родное и ни с чем не сопоставимое...” [2, с. 223].

Переживший в детстве войну и эвакуацию, закончив Харьковский государственный университет, Анатолий Фёдорович всю свою жизнь посвятил изучению природы Казахстана. Природа Западного Тянь-Шаня, степи, пустыни, полупустыни Казахстана, долины рек Эмба, Темир, Сагиз, Уил и Хобда в Актюбинской области. “И всё это настолько захватывающе интересно и красиво... Только за последние 25 лет мне посчастливилось поработать, — пишет Анатолий Фёдорович, — в таких удивительных местах, как Южное Прибалхашье и его горное обрамление в виде Джунгарского Алатау и Тянь-Шаня; пустыни Бетпак-Дала, Кызылкум, Муюнкум и Устюрт; леса и степи семипалатинского и павлодарского Прииртышья; Зайсанская котловина и Тарбагатайские горы; Южный Алтай; Кокчетавское поднятие, степи и озёра Кустанайщины; горы Мугоджары, долина Сырдарьи и Аральское море, в т. ч. и бывший остров Барсакельмес...” [2, с. 225].

Жизнь подарила ему встречи с интереснейшими личностями, включая и таких знаменитостей, как первый президент Академии наук Казахстана академик К. И. Сатпаев, М. О. Ауэзов, М. Д. Зверев и др.

Завершают уникальный сборник воспоминания Петра Ивановича Крепака, семнадцатилетним пареньком прибывшего на целину. Первый секретарь Экибастузского горкома, председатель Павлодарского обкома профсоюза строителей, министр труда РК и т. д. В настоящее время — директор программы академической практики студентов факультета социальных наук КИМЭП.

Потрясающие фотографии подобраны в сборнике, все они подписаны и пронумерованы. Между некоторыми снимками — годы, перевернувшие в жизни героев многое, если не всё. Снимок № 16. Н. И. Махно с дочерью Е. Михненко (Париж, 1925 г.). Отец сосредоточенно пишет за столом, улыбающаяся девочка с интересом смотрит в объектив. Следующий снимок — через 20 лет, из личного дела ссыльной Е. Михненко.

Снимок № 32. Главный врач районной больницы М. Грибанов с дочерью (с. Астраханка Новочеркасского района Акмолинской обл., 1958 г.).

На следующей фотографии Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев вручает орден «Курмет» ветерану Великой Отечественной войны М. Н. Грибанову (г. Алматы. 19 апреля 2005 г. Дворец Республики).

Думается, что у этого сборника — долгая дорога к читателям, неравнодушным, понимающим, сопереживающим, которые хотят понять и почувствовать, как жили, работали, любили их деды и отцы, бабушки и матери. Любовь к Украине и Казахстану завещали они своим детям и внукам.

г. Алматы.

Ирина МАТВЕЕВА

“Нет, не дремлет МОЛВА...”

Памяти Владимира Щукина

*Нет, не дремлет молва,
пусть она не всегда и права,
разберёшься едва,
а уже зеленеет трава...*

Это стихотворение звучит во мне, звучит, когда я иду через двор 17-й школы и зеленеет трава, или — не зеленеет, а лежит снег или падают осенние листья. Я прохожу свои полпути, мне остаётся пересечь этот школьный двор и перейти улицу на другую сторону и дальше направляться в редакцию, но я...

Что-то меня останавливает там, в этом школьном дворе, останавливают его строчки:

*Нет, ещё не до дна
чаша выпита в дружном кругу...*

Это строчки поэта — Владимира Даниловича Щукина.

Он выпил свою чашу до конца, он сделал свой выбор. А я — свой.

Нет его уже два года, и я теперь одна, в пустой квартире, и зимним вечером накануне его дня рождения, который он не встретит, пишу эти строки.

*Не успеешь понять,
а уже на пороге судьба...*

... Пресновка, 1995 год. Ему — 54. Мы едем на машине с Маратом Кинеевым, бывшим в ту пору директором СЕВНИИЖа, поздравлять. Жена, её две дочери готовят стол. 14 лет назад! Ему было 54, а сейчас было бы 68! В квартире тепло и уютно, её дочери говорят тосты “дяде Володе” — идиллия! Но через несколько лет всё рухнет. Кто виноват в этой трагедии: его болезнь, поведение дочерей, позиция жены?!

... Петропавловск. 2007 год. Его последний день рождения. Ему — 66, и жить остаётся 2 месяца. Метель. Автор детских стихов Кульбаршин Муканова готовит бешбармак, мы садимся за стол втроем. Никто не знает, что время уже начало свой отсчёт — не на годы, не на месяцы — на дни.

Тот десятый апрель, прожитый в городе, стал последним.

“Рассыпался льдинкой, не начавшись”.

“Последняя кровь, последний страх в синих глазах чёрного апреля!”.

Через это пришлось пройти, перешагнуть и пережить.

... Соколовка, 2005 год. Едем на встречу с соколовскими поэтами Альфредом Пряниковым и Владимиром Чуприной. Жив ещё Альфред

Пряников, жив Владимир Щукин — оба уйдут из жизни в один год. Этого ещё никто не знает.

А пока они беседуют о литературе, а затем мы выезжаем на Ишим — купаться. И нет ничего, только синее небо, беспокойные облака, солнечные искры на воде да песок на берегу. Там, на берегу, мои коллеги по перу — Владимир Чуприна и Валентина Сулова. И он, Владимир Данилович. Сильное течение реки сносит меня, я плыву вдоль берега и проплываю мимо них, как будто течением — не реки, течением жизни уносит меня всё дальше и дальше из этого безмятежного летнего дня навстречу испытаниям и скорбям.

*Испытанье может быть с цветами,
и когда прозренья час придёт,
кто-нибудь просить прощенья станет...*

... Пресновка. 2006 год. Мы, группа литераторов, счастливые и беспечные, едем на Шуховские чтения. Никому не известно, что ему суждено ехать по знакомой дороге, изъезженной до мельчайшей колеи, тысячи раз — последний раз — живым.

В следующий раз он поедет по этой дороге в гробу на легковой машине. Никто ничего не знает...

*Лишь в родной стороне —
где семь бед, там один лишь ответ...*

Там, в родной стороне, его последний приют, близ дороги и телеграфного столба, дороги, по которой едут равнодушные машины, дороги, которой всё равно, кто лежит там, чьи могилы и время когда-то сотрёт эту память.

Его архив — у меня в музее. Его записи в блокнотах лежат на полках. Он торопился жить, торопился успеть высказать наболевшее, то, что должно было прийти к людям. Он жил поэзией, ей он отдал всего себя. Строки — плод мучительных раздумий и бессонных ночей — ведь “счастливые стихов не сочиняют”. В стихах он был предельно откровенен, обнажал душу. Торопился печататься, издавать книги. А творческие вечера, которые собирали неизменно большую аудиторию! Здесь собирались неординарные люди, которые хорошо знали поэзию Владимира Даниловича. Песни на его стихи исполняли Юрий Зайберт, Николай Колокольчиков, Владимир Трусов, Виктор Денисенко, Ирина Шипулина, Айвар Шарипов.

Вспоминаю наши прогулки по городу, его негромкий голос, напевающий стихи. Он читал стихи нараспев — ему не нужна была мелодия. Написав новое стихотворение, делился радостью — и признавался: “Написал восемь строк, как будто вагон угля разгрузил”.

Он пел свои “Песни без нот” на берегу реки, на улице, в сквере, в квартире.

В его доме часто собирались друзья, устраивались небольшие застоля. Он стремился угостить всех, сам же спиртного в рот не брал.

Он вовсе не был трагикомичной фигурой, как считают некоторые. И отдавал себя людям — целиком, без остатка. Как отдавался поэзии, так же с душой он отдавался работе, обобщая свой многолетний журналистский опыт.

К сожалению, многим нынешним журналистам зачастую не хватает элементарной порядочности и не все из его учеников усвоили, что слово — бережный дар, Дар Божий, с которым обращаться необходимо внимательно и трепетно, опасаясь навредить, причинить боль человеку, а тем более человеку, который защитит себя сам уже не сможет..

Некоторые студенты сомневались в его профессионализме. Что ж, Бог им судья, как говорится.

Я знаю иное: как он писал планы своих лекций, тщательно продумывая каждое предложение, как принимал участие во всех мероприятиях кафедры.

Да, он был очень сложным человеком. Ранимым. А бывало, и ранил других — не желая этого.

*Не успеешь понять,
А уже на пороге судьба...*

Наши встречи не стали судьбой, мы ничего не поняли, или, наоборот, поняли всё. Судьба распорядилась по-своему.

*Мы с тобою лишь два отголоска
того эха, что вдаль унесло,
где видна только неба полоска,
но зато — будто птичье крыло.*

Увы, душевная болезнь прогрессировала и в конце концов оказалась несовместимой с жизнью.

*Я пойму, ты только отзовись
На дорогу, что длиною в жизнь...*

Эти строчки звучат для меня последними, для меня, последней видевшей его живым. Жизнь перелистнула томительные часы последней ночи, о которой никто не догадывался, а все спокойно спали — кроме него.

*Пусть опять и опять
Исцеляет нас чья-то мольба...*

Господи, прости его и помилуй! Пусть успокоится душа его там, в надзвёздной сфере, в том, лучшем мире.

г. Петропавловск.

Яркие приметы времени

Люди. Города. Время... Для многих эти отправные точки стали маяками при прохождении судьбоносных дорог. Во встречах с современниками, в поисках своей судьбы. Понимание жизни происходит в процессе собственных исследований как результат общения, изучения характеров, осознания сути происходящих событий. Своё ощущение от окружающего мира можно оставить в стихах, песнях, романах или картинах. Визуальные маяки — они ведь ближе, роднее, понятнее. И если всё отточено, прожито и осмысленно, то не остаётся недосказанного, а получается цельная характеристика времени, городов и людей. Таким исследователем можно считать и Василия Михайловича Мартынцева, посвятившего всего себя служению искусству и людям. Его художественные образы, объединяющие духовные и содержательные аспекты, обладают неисчерпаемой многозначностью и смысловой глубиной.

Василий Михайлович Мартынцев — один из старейших художников Павлодара. Он родился 28 декабря 1928 года в селе Дмитриевка Тамбовской области. Тяжёлое послевоенное время заставило его семью сорваться с родных мест и переехать в Кемеровскую область. Отсюда Василий Мартынцев ушёл в армию. После возвращения лишь в 1955 году поступил в художественное училище. О том времени живописец вспоминал: «Страна восстанавливалась после войны, жили тяжело. Художественных училищ было тогда мало. На весь Казахстан и Западную Сибирь — только в Алма-Ате. В нём учились новосибирцы, барнаульцы, омичи, кемеровчане». Алма-Атинское училище славилось своими педагогами и выпускниками. Учителями Василия Михайловича были А. М. Черкасский, А. М. Крутильников, Л. П. Леонтьев, А. Г. Галимбаева. Ещё в студенческие годы первые его произведения участвовали на республиканской выставке, посвящённой Международному фестивалю молодёжи в Москве (Алма-Ата, 1957). Профессиональный творческий путь Василия Мартынцева начинался в конце 50-х годов. Вместе с другими студентами Алма-Атинского художественного училища приезжая на сельхозработы, он помогал целинным хлеборобам в наших краях. Мир бескрайней степи, полноводной реки и богатого

Автопортрет.

Василий Михайлович МАРТЫНЦЕВ (1928—2001)

Живописец. Закончил Алма-Атинское художественное училище им. Н. В. Гоголя. С 1960 г. жил и работал в Павлодаре. В 1963–66 годах занимался педагогической деятельностью в изостудиях города. Участник областных, зональных и республиканских выставок. Творческие поездки: Подмосковье (1966), Сахалин (1968), Тобольск (1969), Псков, Новгород (1971), Томск (1978). Произведения находятся в Павлодарском областном художественном музее, в частных коллекциях в Казахстане и за рубежом.

Портрет старика.

Портрет металлурга.

края завоевал сердце молодого художника. В 1960 году, после окончания училища, Василий Мартынцев приехал в Павлодар, чтобы связать свою жизнь и посвятить творчество городу на Иртыше. Художественные и эстетические идеалы Василия Мартынцева развились и полностью принадлежали его поколению: молодости — 50-60-х годов, зрелости — 70-80-х. Способов реализации творческого и гражданского потенциала у художника было множество, но единственно возможным для себя Василий Михайлович считал отражение социально значимой, реалистической и высоко нравственной правды в искусстве. Прежде всего — это жанровый психологический портрет и героико-трудовая тема “сурового стиля” 60-х годов. Требование времени реализовалось в публицистической форме выражения через представление образов “людей трудных профессий”: павлодарских металлургов, судоремонтников, строителей с решительными, волевыми лицами, сосредоточенными взглядами. В его картинах всё “явь”, но при этом видны романтическая героизация, тяготение к монументализации. Произведения решены лаконично, просто и естественно. Цвета холодные, сдержанные, почти монохромные. Завершало композицию использование в качестве активного фона изображение “горячих” цехов, строительных площадок, бескрайних полей. Неизменным оставалось одно — подчеркнуть значимость труда и рабочего человека. Утверждая традиционные приёмы живописного мастерства, художник постоянно разрабатывал и расширял образные, пла-

стические и поэтические средства, грамотно выстраивал всё новые и новые приоритеты. “Эволюция колористических поисков Василия Мартынцева ярче всего раскрылась в пейзаже. Поездки и путешествия дали возможность художнику открыть десятки “вечных” уголков природы древних стен кремлей Пскова и Новгорода, увидеть монументальность в приглушённой серо-монохромной гамме кораблей Сахалина, обобщить эмоциональные состояния природы Одессы, Кисловодска, Пятигорска. Кажется, сам аромат морского воздуха витал в набросках, созданных в этих особенных природных уголках. Позже он переложил на холст при помощи цвета увиденные в старом Томске деревянные столетние срубы и запечатлел поэзию улиц родного Павлодара. Эти этюды — звучные и цельные по колориту, объединили в органичный альянс величественные природные и архитектурные комплексы, созданные природой и человеком”, — так характеризует творческие поиски художника искусствовед Павлодарского художественного музея Елена Дубовая. 80-90-е годы для Василия Мартынцева были наиболее плодотворны в развитии темы родного города. Ведущим жанром стал городской пейзаж. Особый интерес —

к жизни и истории Павлодара. Он много раз писал этюды причала судоремонтного завода, промышленную зону, городские улицы и виды Иртыша. Они пронизаны теплотой, любовью и нежностью к родным местам. Энергичная пастозная живопись завершает формирование пейзажного образа. Глубина цвета подчёркивает одухотворённость природы и эмоциональность её восприятия. Жизненной теплотой и любовью наполнены натюрморты художника. В обычных на первый взгляд вещах художником расставлены акценты значимости этого окружения для человека и раскрыта внутренняя красота материального мира.

В порту.

Самый значимый и трудный момент у художника — завершение работы на холсте. В этот момент обостряется чувство неудовлетворённости, необходимости добиться большего. Для живописца Василия Мартынцева такой момент был высшим смыслом существования.

Произведения Василия Михайловича Мартынцева регулярно экспонируются на выставках. 28 декабря 2008 года художнику исполнилось бы 80 лет. В Павлодарском областном художественном музее состоялась персональная выставка живописи и графики Василия Мартынцева. На ней было представлено 50 произведений художника из фондов музея и частных коллекций. Впервые зрители увидели графические эскизы и наброски, выполненные Мартынцевым в 60-х годах в поездках по сёлам Павлодарской области и подготовительные пастели, сделанные по фотографиям Д. П. Багаева о Павлодаре начала XX века. Более 30 произведений было передано художником в дар Павлодарскому областному художественному музею как знак уважения и признания трудов сотрудников музея, а также его причастности к истории края и творческой жизни города. Художник дарил свои картины друзьям, знакомым, и сейчас квартиры многих горожан украшают портреты и натюрморты, написанные Василием Мартынцевым. Мы очень дорожим произведениями, оставленными нашим живописцем. Его наследие ещё многие годы будет восхищать ценителей изобразительного искусства.

Ольга ПАШКО,
специалист-куратор выставок
Павлодарского областного художественного музея.

Клим ПЕРВУШИН

Свет и тени исторической родины

Путевые заметки

Кончался очередной отпуск. Не сказать, что он был проведён совсем бесполезно, но и ничего особенного за период отдыха не произошло. Сентябрь пролетел в привычных заботах: картошка, работа на даче, да тихая охота в поисках осенних и королевских опят. И всё-таки на душе оставалась какая-то неудовлетворённость. Пройдёт чуть больше недели — и нужно будет в сорок второй раз возвращаться из отпуска на работу.

Но судьба наша непредсказуема, вечером позвонил свояк Юрий Николаевич Перестенко:

— Ты не против съездить на пару дней в Троицкое под Барнаул, на пятидесятилетие моего двоюродного брата Виктора?

“Ну вот, — подумалось мне, — кажется, финал отпуска будет достойным”.

— С одним условием, — предупредил я, — мне нужно обязательно побывать в редакции журнала “Алтай”.

Как всякий пишущий человек, я всегда заинтересован в публикации своих опусов. И пусть в толстых журналах теперь редко платят гонорары, но увидеть свои стихи или прозу в таком издании тоже дорогого стоит. Тем более ещё с советских времён я с большим уважением относился к этому печатному органу писателей Алтайского края.

Юрий Николаевич был согласен на мои условия.

И вот дождливым октябрьским утром красная “Шкода” отправилась в далёкое путешествие. За рулём свояк, рядом я, а на заднем сидении две сестры Антонина и Надежда. Тусклый рассвет застал нас возле села Бутаково. Юрий то включал, то выключал “дворники”. Небесная влага периодически туманила лобовое стекло. До Секисовки доехали спокойно, а вот после поворота на Верх-Убу начались неприятности. Дорога и без того сложная, местами

Клим Семёнович ПЕРВУШИН

родился 22 марта 1947 года в селе Поперечное Восточно-Казахстанской области. Окончив среднюю школу, служил в армии. Работал корреспондентом газеты “Лениногорская правда”, редактором городского радио, электролибристом и художником-оформителем на цинковом заводе Лениногорского полиметаллического комбината. Двенадцать

лет трудился в Магаданской области.

Живёт в г. Риддере (бывший Лениногорск), работает художником-оформителем в АО “Казцинк”.

Публиковался в местной печати, в российских изданиях, в журнале “Простор”, в коллективных сборниках. Автор книг “Седая нить судьбы”, “Здравствуй, мир зелёный!”, “Река сомнений”, “Память сердца”, “Кукушкины слёзки” и т. д.

Постоянный автор “Нивы” с 2005 года.

была разбита вдрызг, и приходилось двигаться со скоростью конной повозки. Но, как и всё в нашей жизни, пятнистый асфальт закончился. После движения по синусоиде с увала на увал шоссе приобрело горизонтальное положение. Было пасмурно, но дождь перестал. Приближался первый на нашем пути город с названием Шемонаиха. Проплыла справа длинная, увенчанная скалистыми зубцами, гора Мохнатуха. Незаметно подъехали к мосту через реку Убу. Она поражала шириной и мощью. С полмесяца назад у истоков, в селе Поперечном, я перешел её вброд. Теперь, преодолев около четырёхсот километров и вбрав в себя сотни ручьёв и речек, пред нами предстала могучая, спокойная водная артерия, не уступающая Иртышу в районе Усть-Каменогорска. Промелькнул за окнами одноэтажный районный центр, знаменитый тем, что здесь родился большой советский писатель Анатолий Иванов. Один мой товарищ любит вспоминать к месту, что сидел за той же партией, что и его известный земляк. Тут же в Шемонаихе в конце 19-го века проходил свои университеты прозаик с мировым именем Георгий Гребенщиков. Юный Егор, работая в канцелярии лесничего и писарем у мирового судьи, пристрастился к чтению, а позднее и сам начал писать по ночам.

За городом дорога снова запетляла среди сопок. Вскоре на горе мы увидели шлагбаум и несколько зданий таможни. Подождав на пронизывающем ветру с полчаса, въехали на территорию. Машину загнали в ангар для досмотра. Не обнаружив недозволенных к вывозу вещей, нас отправили на проверку документов в недавно построенное современное здание. Формальности не заняли много времени. Напоследок нас заставили снять головные уборы и посмотреть в глазок видеокамеры. Закончив с этой процедурой, я решил пошутить:

— За фотографиями когда прийти?

И тут же получил довольно болезненный толчок в бок. Надежда прошептала мне на ухо:

— Ты с ними не шути, они юмора не понимают, — и рассказала, как один наш товарищ, назовём его Иваном, будучи в изрядном подпитии, на вопрос таможенника: “Оружие, наркотики везём?” — вместо водителя ответил: “Всё везём!”. За своё остроумие он жестоко поплатился. Машину задержали на целый день и в поисках контрабанды разобрали чуть ли не до винтика. Не помогли никакие уверения Ивана, что это была безобидная шутка.

Сразу после выезда с пропускного пункта грунтовая дорога круто уходила вниз, но вскоре выровнялась и снова зазмеилась между невысоких холмов. Через несколько километров подъехали к российской таможне. Здесь формальности перехода границы заняли ещё меньше времени, и вскоре наша “Шкода” понеслась по дорогам исторической родины в сторону конечной цели нашего путешествия. Мелькали мимо населённые пункты, со слышанными когда-то названиями: Третьяково, Староармейское. Приближался Змеиногорск, старший брат нашего родного города. Мы ехали по дороге, проторенной в конце 18-го века крестьянами сёл, стоявших на пути доставки сортированной руды с Риддерского месторождения в Кольвано-Воскресенский горный округ на Локтевский и Змеиногорский плавильные заводы. Из окна автомобиля многого не увидишь, но Змеиногорск показался мне уютным городком, застроенным частными домами, с редкими вкраплениями пятиэтажек. А, вспомнив его историю от Петра I и Акинфия Демидова о том, что маркшейдер Филипп Риддер в 1791 году работал в Змеиногорской конторе присутствующим по командной части,

понимаешь, как мы связаны невидимыми нитями с прошлым и как условны границы, разделяющие теперь нас.

Оторваться от мысленного путешествия в прошлое меня заставили ставшие появляться возле дороги причудливые скалы, напоминавшие животных и птиц. Приближалась деревня Савушка, в которую я влюбился с первого взгляда. Алтайские горы здесь заканчивались, но напоследок природа приберегла это нерукотворное чудо. Даже в пасмурный осенний день невысокие сопки, на вершинах которых можно было рассмотреть каменные замки и сказочных чудищ, да огромное зеркало озера у подножья свинцовой гладью подчёркивало берущую за душу красоту открывшегося пейзажа. Ограниченность во времени не дала нам до конца насладиться замечательной картинкой. Договорились на обратном пути сфотографироваться возле местных достопримечательностей. Без остановок мы мчались по всё более плоской равнине. Мимо проносились убранные поля пшеницы, разделённые на прямоугольники линиями лесополос, изредка попадались красные поляны нескошенной гречихи. После гор окружающий мир казался серым и однообразным, скучные октябрьские краски навевали уныние. Но такова уж человеческая натура — промелькнёт озерцо с зимними камышами или колок с не облетевшими ещё ярко-жёлтыми берёзами, и ты начинаешь понимать, что красота и природа неразделимы. Если чуть-чуть изменить строки песни, то получится “у природы нет плохих пейзажей”.

В районном центре Курья нам с Юрием грех было не покурить, женщины пробежали по близлежащим магазинам. И снова в путь. Через полсотни километров перед нами раскинулся большой населённый пункт, центр одноимённого района Пospelиха. Здесь пересекли железную дорогу и выехали на федеральную трассу. Я даже не подозревал, что дороги могут быть такими ровными и ухоженными, как на картинках в правилах дорожного движения. Всё соответствовало стандартам, и знаки, и разметка — настоящий немецкий автобан. Свояк наслаждался быстрой ездой. Но как это всегда бывает в жизни, после удовольствия следует неприятность. Возле поворота на Шипуново, взмахнув жезлом, нас остановил гаишник и попросил Юрия пройти в стоявший рядом милицейский “УАЗ”. Через некоторое время наш водитель хмурый вернулся за руль и показал нам штрафную квитанцию на 500 рублей. Оказывается, по новым правилам нужно было ехать с ближним светом, а у нас были включены подфарники. Выслушав несколько “ласковых” слов от жены, он нажал на газ.

Приближался город Алейск. В моём мозгу неожиданно всплыло двустипше “Два солдата из стройбата заменили экскаватор”. Здесь я оставил три года своей жизни. Как это сейчас странно ни звучит, об армии у меня остались только приятные воспоминания. Наш военно-строительный отряд строил ракетные площадки стратегического назначения и сопутствующую им инфраструктуру по всему Алтайскому краю, а ещё раньше Новосибирский Академгородок. За время службы я побывал во многих населённых пунктах от Алейска до Усть-Калманки на юго-востоке и на востоке до Усть-Чарышской пристани, которая запомнилась мне широкой Обью и тёплой гауптвахтой-временкой, где мне посчастливилось отсидеть 5 суток.

В дымке от труб котельных и выхлопных газов проплыл в стороне город моей армейской юности. Память воскресила молодые лица сослуживцев. Целый эшелон привезли нас из Восточного Казахстана. Бывало, приезжаешь в Усть-Каменогорск и обязательно встретишь армейского товарища. Сейчас же и в Риддере, и в областном центре напрасно всматриваюсь в

лица встречных мужчин, надеясь узнать посланца далёких шестидесятых. Но жизнь, к сожалению, проходит и нас становится всё меньше.

До Троицкого оставалось несколько десятков километров. Несмотря на отличное покрытие федеральной трассы, десятичасовая безостановочная езда утомила всех, особенно водителя. Мы пристально всматривались в мелькающие указатели, когда же появится нужный. Наконец, сделав большую петлю направо, мы въехали в Калманку и как будто вернулись к началу путешествия. Такие же, как у нас, неухоженные дороги с ухабами после ямочного ремонта. Но самое трудное испытание ждало нас на въезде в село Троицкое, являющееся как бы продолжением районного центра. Грунтовое полотно на видимое расстояние было наполовину засыпано кучами грунта, предназначенными для ремонта дороги. Свободной оставалась одна колея, залитая жирной алтайской грязью. Остановив машину, Юрий Николаевич с тоской смотрел на это, с позволения сказать, шоссе. Посоветовавшись, решили рискнуть. Изготовленная в Усть-Каменогорске “Шкода”, проваливаясь по ступицы, спокойно преодолела километровый участок бездорожья. Выехали на центральную улицу. Несколько двухэтажек, а остальное — частные кирпичные и рубленые дома с неизменной сиренью в палисадниках. Подъехали к большому зелёным воротам. Это были владения Виктора Григорьевича и Лидии Освальдовны Ракушиных. Хозяин ещё не пришёл с работы, поэтому встретила нас Лидия, которая к нашему приезду натопила баню. Отдохнув с дороги и напарившись, порозовевшие от целебных берёзовых веников, расселись в просторной кухне за вместительным столом. Виктор уже вернулся домой. Он был нашим земляком. Поэтому они с Юрием вспомнили своё детство, знойный Урджар, щедрый урожай арбузов и яблок, поездки с дедом на ишаке за сеном и по другим крестьянским нуждам. Потом судьба разбросала двоюродных братьев, одного в Риддер, другого в Троицкое. Но они сохранили связь и хотя бы раз в год навещают друг друга и перезваниваются по телефону. Виктор поинтересовался Леонидом Снеговским, который некоторое время был акимом нашего города, как выяснилось, они учились с ним в одном классе. Мы ничего вразумительного рассказать не могли. Очень уж недолгое время руководил городской администрацией его одноклассник.

Договорившись на завтра о праздновании юбилея и поездке в Барнаул, разошлись на ночлег по разным комнатам большого дома Ракушиных.

Погода на утро не радовала, опять моросил мелкий холодный дождь. На выдавших виды “Жигулях” хозяина отправились в пятидесятикилометровый путь до областного центра. Оставив в стороне ремонтируемую дорогу, по известному ему одному просёлку, Виктор объехал бездорожье, дырявые улицы Калманки и влился в поток машин на барнаульской трассе. Опять замелькали поля убранной пшеницы и ещё не скошенной гречихи.

— Слышал по радио, зерновые убраны на восемьдесят процентов, — сообщил Виктор, — если погода не подведёт, урожай будет неплохой.

Приближалась столица Алтайского края. Мимо проносились дачные участки, похожие на подобные строения по всему бывшему Советскому Союзу. Широкая полоса асфальта плавно повторяла все складки местности. То уходила вниз, то полого поднималась на очередную возвышенность. И вот с одной такой горки перед нами открылась грандиозная панорама Барнаула. В последний раз посещал его в 1995 году. Перемены были разительными. Контуры выросших многоэтажек сделали силуэт города неузнаваемым. Невольно напрашивалось сравнение с каким-то заморским мегаполисом, с закрывающими горизонт небоскрёбами.

В густом потоке машин выехали, наконец, на нужную нам улицу Короленко. Виктор прижал машину к обочине и, обернувшись ко мне, указал на длинную пятиэтажку с большими буквами по карнизу “Издательство”.

— Думаю, где-то здесь ты найдёшь нужную тебе редакцию.

Мы со свояком пересекли дорогу с проходящей посередине трамвайной линией и на стоявшем торцом здании обнаружили скромную вывеску “Редакция журнала “Алтай”. На первом этаже нашли дверь с таким же текстом на табличке, увы, она была закрыта. Продавщица находящегося в коридоре киоска “Роспечать” посоветовала обратиться на второй этаж в типографию. Встретившая нас женщина на мой вопрос, когда придёт редактор, ответила:

— Вторушин обязательно должен к обеду прийти, ему нужно посмотреть вёрстку последнего номера.

Мы с Юрием, переглянувшись друг на друга, едва не расхохотались. Сходство фамилии редактора и моей настраивало на хороший приём в журнале.

Усевшись в машину, мы рассказали о мистическом совпадении фамилий. Это развеселило всех. Нужно сказать, что за всю свою жизнь я не встречал ни одного Первушина, кроме родственников, разумеется. Тёзок по имени человека три видел, а вот однофамильцев только по телевизору, да однажды в титрах кинофильма.

Посоветовавшись с женщинами, пока суд да дело, решили съездить на рынок, посмотреть, что тут есть и почём. Интересующий нас объект находился недалеко. Припарковавшись на стоянке, разделились, я пошёл сопровождать женщин, а Виктор с Юрием остались в автомобиле. Посреди большой площади возвышалось двухэтажное строение с павильонами и администрацией, а вокруг нескончаемые торговые ряды с товарами, в большинстве своём, конечно, китайскими. В общем, рынок как рынок, похожий на наши базары в Риддере и Усть-Каменогорске, только цены повыше. Сыпал туманообразный дождь, пронизывал холодный ветер, и нам, одетым по-летнему, было довольно некомфортно. Сознаюся, я позавидовал дальновидности оставшихся в тёплой машине. Но вы попробуйте остановить женщину, попавшую в это сказочное обилие товаров. Наконец, купив внучке сапожки, а Надежде джинсы, околевшие, мы вернулись на автостоянку, где Юрий и Виктор докуривали по очередной сигарете. Время приближалось к двенадцати, пора было отправляться в редакцию. Доехав до улицы Короленко, влились в поток машин и, то и дело останавливаясь, двинулись вверх. Я с интересом рассматривал проплывавшие мимо постройки, где чередовались современные здания с большими деревянными купеческими домами позапрошлого века. Было видно, здесь с любовью относятся к своему прошлому. Развернувшись на перекрёстке, спустились к комплексу издательств, и через минуту я открыл заветную дверь. В комнате, похожей на все редакции серьёзных журналов от Санкт-Петербурга до Алматы и Усть-Каменогорска, меня встретила редактор отдела прозы Ольга Гришко. Рассказав о цели своего приезда, я подписал в подарок редактору и коллективу журнала “Риддерскую радугу” и “Кержацкий сфинкс”. Взяв мою книгу и взглянув на фамилию автора, она, улыбаясь, сказала:

— А мы всё думали Вторушин да Вторушин, когда же появится Первушин? Наконец-то дождались.

Посмеявшись, она мечтательно произнесла:

— Красивая у вас там природа, и горы, и леса, и реки все есть. Мы когда-то, ещё в советское время, часто приезжали к вам отдыхать, до сих пор

вспоминаем ваши края с добрым чувством. Вот только город очень загазован. Ну сейчас-то, наверное, предприятия стоят и воздух стал чистым.

Мне пришлось уверить её, что все заводы в городе работают, а благодаря отлаженной технологии, атмосфера в Риддере соответствует мировым стандартам.

К моему большому сожалению, выяснилось, что редактора Станислава Вторушина в этот день не будет. Я попросил несколько номеров журнала, чтоб представить их членом нашего городского литературного объединения, для знакомства с творческим процессом писателей соседнего региона. Ольга Гришко посетовала, что без редактора она не вправе этого сделать.

— А давайте попросим бухгалтера, чтобы она позвонила Вторушину и спросила разрешения.

В соседнем кабинете симпатичная женщина быстро разрешила мой вопрос. Позволив редактору, выяснила, что он меня знает и даже что-то печатал. Мы пересмотрели несколько книжек за 2008 год, но напрасно. Главное, мне разрешили взять журналы.

Попрощавшись, с кипой последних номеров я вернулся к своим спутникам по путешествию.

На выезде из города я посмотрел в заднее стекло автомобиля. Передо мной вновь предстал силуэт огромного города. Исподволь моё сознание возродило момент, когда мы с нашим поэтом, прозаиком и краеведом Михаилом Немцевым недавно рассматривали рисунок первого живописца Алтая Василия Петрова — вид Барнаула конца XVIII века, на котором у устья речки Барнаулки было изображено небольшое поселение, за двести с лишним лет превратившееся в большой город. Кстати, художник В. Петров за четыре года Риддера и рисунок пещеры возле Бухтарминской крепости по представлению императора Александра I в 1806 году был удостоен звания академика Российской академии художеств. Размышления о прошлом напомнили мне, что 1 мая 1786 года отряд Филиппа Риддера отправился в путь с Барнаульского сереброплавильного завода на поиски новых месторождений в горы Рудного Алтая. Свою миссию молодой горный офицер выполнил блестяще. Город его имени 223 года живёт в самом центре Евразии. Оторвавшись от размышлений, я глядел на мелькавшие прямоугольники полей и представил вереницу повозок и верховых, двигавшихся в сторону Змеиногорска. По этой же дороге или где-то рядом ехал небольшой отряд основателя нашего города сотни лет назад.

А мы, свернув в Калманку, вскоре вернулись к дому наших хозяев Ракушиных. Нам предстояло сегодня отпраздновать юбилей Виктора Григорьевича. В зале Лидия со снохой уже накрыли стол, мы попали, как говорится, с корабля на бал. Нас уже ждали. Приехали из Калманки сын Сергей с женой Леной и внуком Олежкой. Как полагается, было сказано много поздравлений в адрес юбиляра, подарены подарки, выпито достаточное количество фужеров вина и стопок водки. Среди веселья Лидия Освальдовна сказала:

— Хотите, я вас сейчас рассмешу? Наш Олежка в школе пустил слух, что у него в Риддере есть очень крутой дядя Юра — хозяин рудника, где добывают золото и другие металлы.

Мы долго смеялись, представив себе диспетчера Шубинского рудника в роли миллионера-капиталиста. Юного сочинителя можно было понять, грех не приукрасить своего дядьку, когда другие ученики хвастают богатыми и влиятельными родственниками.

Угомонились далеко за полночь. На следующий день сходили на кладбище, где покоятся родители Виктора Григорьевича. Могила находилась у ограды на высоком крутом берегу поймы сверкающей вдали Оби. Хозяева вспомнили последние дни жизни матери и отца. Помянули.

На обратном пути втроем решили зайти на бывший кабельный участок, которым до последнего времени руководил Ракушин. Пережив перестройку и развал, предприятие не выдержало эры новых технологий. Кабель, который оно обслуживало, соединял столицу с Дальним Востоком, но с появлением спутниковой связи оказался ненужным. Виктор провёл нас по кабинетам управления. Кажется, ещё вчера здесь работали люди, а сегодня везде царило запустение. Глядя на стойки с неработающими приборами, я вспомнил подземный штаб в городе Алейске, откуда велось управление ракетными площадками по всему Алтайскому краю, а мы занимались там покраской помещений. Я спросил у Виктора о судьбе шахтных установок, что строили в шестидесятых наш военно-строительный отряд и другие подразделения Сибирского военного округа.

— Взорвали, согласно договору о разоружении с заокеанскими партнёрами. Мы ведь и армию обслуживали, пока в девяностых стратегические ракеты не уничтожили, — грустно ответил Ракушин.

Сознаюсь, горько было слышать такое сообщение. Сколько труда было вложено в эти военные объекты, не говоря уже о деньгах и материальных ценностях. Если бы распорядиться этим с умом, миллионы долларов пополнили бы казну Алтая. Хотя в лихие девяностые, вполне возможно, эти деньги осели бы в карманах чиновников.

Вышли на улицу. Возле стоявшего поблизости цеха возвышалась куча металлической оплётки, в открытые ворота был видно, как человек десять раздельвают когда-то стратегический кабель.

— Вот видите, чем на старости лет приходится заниматься, — со вздохом сказал Виктор, — раз в неделю приезжает приёмщик металла, забирает продукцию и сразу же расплачивается наличными. Года на два кабеля хватит, а за это время что-нибудь придумаем.

Ракушин показал нам впечатляющих размеров агрегат для выемки кабеля из грунта.

— Вот наш кормилец, когда-то служил в сапёрных частях Советской Армии.

Вышли на центральную улицу. Виктор посмотрел на ряд двухэтажных домов.

— Всё это построено для связистов, вообще наш участок давал работу многим жителям Троицкого. Теперь кто мог, уехал, другие приспособляются к новым условиям. Да что говорить, был здесь богатый совхоз, всё развалили. Много квартир пустые стоят. “Мудрые” руководители решили селить здесь бездомных из Барнаула, не подумав, что для нормальной жизни нужны рабочие места, а у нас и своих безработных хватает. Поэтому приходится на ночь запираяться на много запоров. Пьянство и криминал в селе получили новый толчок.

На этой грустной ноте наш разговор закончился, мы подошли к усадьбе наших хозяев. Нужно было готовиться к отъезду, завтра утром нам предстоял неблизкий путь домой. На прощание сфотографировались вместе у яблони с крупными тёмно-красными плодами. Яблоки оказались сочными и сладкими. Вот тебе и матушка Сибирь!

Ранним утром, до рассвета, чтобы успеть на таможню до автобусов, мы отправились в обратную дорогу. “Шкода”, как лошадь по дороге к дому, двигалась заметно быстрее, а может быть, Юрий Николаевич сильнее давил на газ? Тем не менее, вскоре мы были уже в Курье, где немного размялись, посетив здешние магазины, и снова под наши колёса покати́лась свинцово-серая спина асфальта. Не останавливаясь, проехали мимо красот Савушки. На ходу из окна попробовал сфотографировать местные достопримечательности цифровым фотоаппаратом, но снимки не получились. Нужно в следующий раз брать с собой обыкновенный плёночный “Кодак”, у которого спуск и затвор работают одновременно.

На подъезде к Змеиногорску на левой стороне я увидел указатель “Рудовозово”, и мысли вновь вернулись в далёкое прошлое. Мы ехали по дороге, что очень долго связывала Рудный Алтай с Сибирью и далее с Уралом, Томском, Москвой и Санкт-Петербургом. А сколько знаменитых путешественников оставило на ней свой след! Вот только короткий перечень учёных с мировым именем: географы — Пётр Паллас, Пётр Семёнов-Тян-Шанский, Василий Сапожников, ботаник Карл Ледебур, зоолог Альфред Брем, естествоиспытатель Александр Гумбольдт, писатель Джорд Кенан. Проезжал здесь и генерал-губернатор Сибири Михаил Сперанский.

На российской таможне проблем не возникло, и вскоре мы свернули с гладкого асфальта, который обрывался возле стелы с надписью “Российская Федерация”. Повиляв среди сопок, поднялись по крутому подъёму, притормозили у шлагбаума и с тоской увидели подъехавший автобус рейса “Усть-Каменогорск — Барнаул”. Пришлось около часа ждать, пока обслужат пассажирский транспорт. Благодаря задержке, перекусили и вышли размяться на свежий воздух. Справа от таможни бульдозеры, погрузчики и большегрузные самосвалы вели трассу нового подъезда к таможне, минуя неудобный подъём. Видимо, новая дорога соединится с шоссе, что обрывалось на выезде из России. Долго ли, коротко, но через полтора часа мы въехали на территорию Казахстана.

Приближались родные места, и погода, словно по заказу, стала улучшаться. Иногда сквозь тучи даже проглядывало солнце. После Шемонаихи и Верх-Убы проехали знакомые увалы, кое-где дорога блестела новым асфальтом. Это вселяло надежду, хотя дорожники вряд ли к зиме управятся с ремонтом. Ближе к Секисовке на обочинах стали появляться стоявшие автомобили, а в лесополосах группы грибников, значит дождя не было с утра.

Родной город встретил нас покрытыми снегом белками и слухами о надвигающемся мировом финансовом кризисе.

Уже после приезда, размышляя о нашей поездке, я понял, насколько тесно связаны Рудный Алтай, да и весь Казахстан с моей исторической родиной. Наш путь из Риддера до Барнаула всё время напоминал об этом. Все мы варились в одном котле более двух с половиной веков, а особенно в советское время, поэтому наши радости и горести так похожи. У всех национальностей, не только у русских, но и у казахов, татар, немцев в России живут родственники, друзья, существование без которых мы не можем себе представить. И когда у северного соседа дела идут хорошо, мы с надеждой смотрим на него, зная, что и у нас будет так же. Хочется верить, что когда в будущем исчезнут войны, нищета, наркотики, контрабанда, границы станут не нужны. Но это уже забота будущих поколений.

г. Риддер

Восточно-Казахстанской обл.

Владимир ТРЕТЬЯКОВ

Туча

Повесть

Глава 1

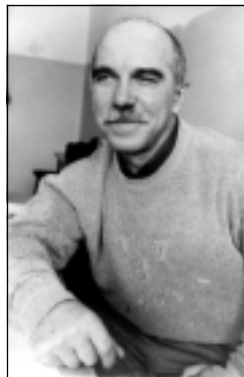
Над городом Колдобином бушевала гроза. Но, если сказать, что это был обычный акт непогоды, характерный для летнего времени, значит не сказать ничего. Огромная свинцово-серая туча внезапно сгустилась в небесах, и спустя несколько минут из неё низверглись водные потоки, соизмеримые разве что с тропическим ливнем. Чудовищной силы молнии одна за другой распарывали вечернее небо снизу доверху и со страшным грохотом ударялись в землю. Поднявшийся ветер с невероятной силой ломал деревья как спички, срывал все плохо закреплённые предметы и уносил их прочь неведомо куда. Оцепеневшие от первобытного ужаса, знакомого их далёким предкам, бессильным некогда перед подобными природными катаклизмами, жители города наблюдали за невиданной бурей из окон своих домов. Те же горожане, которые были застигнуты разбушевавшейся стихией врасплох, стремились побыстрее найти себе убежище в ближайшем подъезде, опасаясь оставаться на открытом пространстве или в автомобиле. Не отставали от людей и животные, стремясь забиться в какую-нибудь щёлочку, и там, прикрыв глаза, в трепете ожидать окончания этого кошмара. Удивительнее же всего было то, что ещё накануне никакие народные приметы не предвещали ничего страшного. И местный метеоцентр, которому иногда всё же можно верить, сулил “солнечную и безветренную погоду” без малейших намёков на какие-либо, даже ничтожные, осадки. Но природа в очередной раз преподнесла неприятный сюрприз и теперь, как бы издеваясь над всеми живыми существами, всю веселилась в своём адском танце.

Всё происходящее очень напоминало пресловутый конец света, и некоторые наиболее богобоязненные старушки уже начали было класть земные поклоны за спасение своих душ, как вдруг, ровно в четыре часа ночи, гроза неожиданно прекратилась. Причём это произошло как по мановению волшебной палочки, словно кто-то там, на небесах, вдоволь натешившись, закрутил огромных размеров водопроводный кран и вырубил электрический рубильник.

Перепуганные донельзя всем происшедшим горожане, поняв, что конец света откладывается, начали понемногу успокаиваться и укладываться спать.

**Владимир
Владимирович
ТРЕТЬЯКОВ**

родился в 1955 году в Кокчетаве. По образованию историк. В 1994 году увлёкся журналистикой. Сотрудничал с городскими и областными газетами. Тогда же начал публиковать первые рассказы. Некоторые из них были опубликованы в журналах “Нива” и “Ай”. В настоящее время работает в кокшетауской городской газете “Любимый город”. В последние годы является постоянным автором нашего журнала. С 2004 года в “Ниве” увидели свет его повести “Исчезновение”, “Беспокойство”, “Росаот”, “Блуждающий форвард”, а также юмористические рассказы.

В их числе, конечно же, были и жители дома номер 47 по улице Возрождения, пожалуй, самого знаменитого в Колдобине. Уже давно люди с воображением заметили, что в этом городе довольно часто происходят события, которые принято называть невероятными. Нельзя сказать, что в других населённых пунктах планеты не бывает ничего подобного, того, что не могло бы привлечь внимания научных кругов и общественности, но всё же количество подобных случаев, происходящих в Колдобине, превосходит все пределы случайного. Данный феномен чрезвычайно заинтересовал одного столичного учёного, который, побывав здесь в командировке, сделал открытие, выходящее за пределы традиционной физики. Профессор, произведя необходимые измерения и вычисления, выяснил, что старинный город находится идеально точно в географическом центре огромной страны и, похоже, что данное обстоятельство концентрирует в этом месте невидимые и пока ещё плохо изученные силовые поля, а те, в свою очередь, способствуют проявлению всевозможных редких событий. А уже упомянутый дом под номером 47 по улице Возрождения располагался как раз в самом центре Колдобина, и именно с его жителями и происходила львиная доля всего очевидного и невероятного. Случившаяся буря, прошедшая вопреки всем прогнозам, была событием хоть и не рядовым, но всё же не самым интересным. В Колдобине порой происходят дела покруче.

Спустя два часа после того как стихия утихомирилась, а горожане уже спали тревожным, но крепким сном, случилось и первое пробуждение. Гражданин Чекушкин, сорока пяти лет от роду, разведённый, в недавнем прошлом рабочий завода по разливу знаменитой минеральной воды “Колдобинская”, а ныне безработный, проснулся в собственной постели, а вернее, пришёл в чувство после загула, которые с ним за последние пару лет случались довольно часто. В принципе, Вася Чекушкин был человеком неплохим, а знавшие его близко друзья и коллеги по работе характеризовали как очень доброго, отзывчивого, бескорыстного, всегда готового помочь знакомым, малознакомым и вообще незнакомым людям. Руки у него были поистине золотыми и любая работа в них буквально горела. Одно слово, слесарь высшей квалификации. Правда, отмечалась и редкостная бесхребетность Василия, слабохарактерность и неумение отстоять собственную точку зрения. Через эти отрицательные черты характера он и был после десяти предупреждений сокращён на родном заводе, да и супруга, уставшая бороться с мужем, забрав с собой двух детей, ушла от него. Падение Васи, начавшееся уже давно, с некоторых пор стало напоминать сход снежной лавины. Правда, до дна пропасти было ещё далеко, и в этом процессе случались остановки. Чекушкин брался за ум, ухватывая предлагаемый ему “калым” и выполняя работу по привычке аккуратно и в срок. Но появление у слесаря денег всегда притягивало к нему собутыльников, которые слетались с разных сторон как мухи на мёд, и пока в Васиных карманах оставалась хоть малая толика наличности, падение снежного кома продолжалось.

Итак, Чекушкин очнулся у себя в постели и некоторое время лежал, пытаясь вспомнить, как же развивались события в предыдущие дни и какое сегодня вообще число и какого месяца. Так и не приведя свои воспоминания в порядок, Вася постарался оценить состояние своего здоровья. Как ни странно, но все признаки похмельного синдрома отсутствовали, а сама мысль о продолжении банкетирования показалась нашему герою где-то даже противной и идущей в разрез с его понятием о человеческом достоинстве.

Почесав давно не мытую голову и в последний раз сладко потянувшись, Василий решил, что хватит уже валяться, пора вставать и заниматься чем-то полезным, как, например, приведением собственного жилища в более-менее божеский вид, и дальнейшим самосовершенствованием, а для этого, как минимум, надо сделать зарядку и умыться.

Это был даже не каприз избалованной души, а именно потребность, но в тот момент Чекушкин не ощутил этой разницы, а послушно, как и всегда, когда получал чье-то распоряжение, принялся осуществлять намеченную подсознанием программу, не отклоняясь от неё ни на микрон, но в то же время творчески переосмысляя. К примеру, объединив в единое целое уборку жилого помещения и зарядку. В самом деле, какой смысл без толку дрыгать руками и сгибать туловище, если и без того фронт работ велик, а все действия потом придётся так или иначе повторять? Сказано — сделано. Вася собрал в большое мусорное ведро остатки былых пиршеств, состоявшие из заплесневелых корок, пустых консервных банок и стеклотары, утрамбовал всё это поплотнее и направился к выходу. Он жил на верхнем пятом этаже дома, и данное обстоятельство пробудило в нём ещё одно желание — попрыгать по ступеням лестницы на одной ноге, дабы тем самым продолжить зарядку собственного организма. Всё также находясь под властью скорее чувств, чем разума, он, не задумываясь, начал беззаботно прыгать вниз, иногда даже допуская некоторую лихость, перескакивая не через одну, а сразу две ступени. Всё это доставило Чекушкину неопишемое удовольствие. Когда-то в молодости он занимался спортом, но уже давно забросил это дело, и теперь, чувствуя, что ноги ещё кое-что помнят, невольно заулыбался.

Выйдя из подъезда, Вася не мог не обратить внимания на последствия прошедшей бури, а так как он не являлся очевидцем страшных событий по причине нахождения в алкогольной нирване, то увиденное поразило его до глубины души. Старый клён, посаженный ещё первыми жильцами дома номер 47, оказался сломанным какой-то неведомой, но по всему видно, страшной силой. При падении дерево разрушило беседку, где по вечерам резались в карты пенсионеры, а по ночам целовались влюблённые парочки. Объект особой любви женщины возраста, идущего сразу за бальзаковским, — цветочная клумба с астрами, гладиолусами и анютиными глазками превратилась в страшное грязное месиво. Не лучше выглядел и тот угол двора, где на небольшом пустыре располагались мусорные контейнеры. Они были перевернуты и разбросаны рукой неведомого гиганта-хулигана в разные стороны, а лежавшие в них отбросы рассеяны по значительной территории. Одним словом, уютный и любимый с самого раннего детства дворик изменился до неузнаваемости, и ощущение от этого вида создавалось неприятное.

Вася несколько минут обозревал всё это безобразие и решительно не понимал, как такое могло случиться и почему для него всё увиденное стало сюрпризом. Так и не найдя ответов на свои же вопросы, он, тщательно обходя лужи, дошёл до ближайшего бака, придал ему искомое положение и высыпал туда содержимое ведра.

Но ещё большее потрясение Чекушкин испытал, когда, повернув обратно, машинально бросил взгляд на окна собственной квартиры. На привычном месте угла пятого этажа зияло... пустое пространство. Тут уж было от чего оторопеть. Ведь только что человек вышел с мусорным ведром из дверей собственного жилья, а спустя каких-то пару минут обнаружил, что его квартиру у него нагло спёрли из-под самого носа. Вася стоял в нерешительности, не зная, что же ему предпринять. Наконец, решив, что всё это не более чем плод больного воображения и что таким образом организм мстит его хозяину за неумеренное пьянство, Чекушкин помотал головой и скорым шагом направился в подъезд, желая убедиться изнутри в правильности своих чувств.

Чем выше он поднимался по лестнице, тем медленнее становилась его поступь и тем сильнее колотилось сердце в груди. Понятное дело — терять крышу над головой за просто так всегда тяжело, а особенно, если нет никакой перспективы взамен получить другую.

Вот и пятый этаж. Тут Вася ещё раз, но теперь уже приятно, удивился. Дверь квартиры находилась на прежнем месте. Она была слегка приоткрыта, а вместо зияющей пустоты, которую всё же можно было ожидать, ясно виднелся кусочек интерьера до мелочей знакомой и родной прихожей.

Чекушкин, всё ещё находясь в состоянии душевного трепета, осторожно раскрыл дверь, на цыпочках прошёл на кухню, поставил на место ведро и бес- сильно опустил на стоявший в уголке табурет. “Допился, — подумал он с горечью. — Уже всякая ерунда мерещится. И не мудрено, что жену пропил вместе с детьми. Друзей, опять же настоящих, не осталось — так, хмыри всякие. Если и дальше продолжать в таком духе, то скоро здесь черти зелёные строем начнут маршрутировать. Нет, пора завязывать”.

Теперь, имея ещё большее желание изменить свою жизнь к лучшему, Вася поднялся, но тут же решил ещё раз спуститься вниз, чтобы посмотреть на собственную квартиру с улицы. Чуть ли не бегом он спустился вниз, поднял глаза... Квартиры на месте не было. Вновь пробежка на пятый — там всё в порядке. Вниз — квартиры нет. И только после третьего рейса изрядно запыхавшийся Чекушкин разглядел, что пустота на месте его жилья на самом деле таковой не является. Что-то там всё же присутствовало и по своему виду Оно напоминало лёгкое, почти прозрачное облачко, с одной стороны непонятным образом скрывавшее розовую штукатурку дома, а с другой не мешавшее видеть кусок голубого неба. Правда, приглядевшись повнимательнее, Вася обнаружил одну интересную деталь. Небо в облаке выглядело заметно ярче, чем вне его. Но ломать голову над подобным пустяком ему совершенно не хотелось — впечатлений и без того хватало. Главное, что квартиры никто не спёр, а облако... со временем рассеется.

Успокоенный этой мыслью, Чекушкин вернулся домой, прошёл в комнату, которую у нас принято называть залом, и направился к окну с намерением привести его в порядок. Он посмотрел на стекло, которое уже давно не соприкасалось с тряпкой, и внезапно похолодел. Вместо знакомого до мелочей пустыря с мусорными контейнерами, привычного за годы жизни в этом доме пейзажа в окне теперь виднелось нечто совсем другое — всё пространство рамы заполняли огромные зелёные листья какого-то невиданного доселе растения. Такого преобразования окружающей действительности, данной ему в ощущениях, ослабевший от предыдущих потрясений организм Васи уже не выдержал и, отпустив сознание погулять на волю, сам грохнулся в обморок.

Глава 2

Очнулся Чекушкин небыстро. Когда же это произошло, то ещё некоторое время Вася пытался осмыслить ситуацию. Может, он сейчас в плену Морфея, и эта буйная зелень за окном ему снится? Да нет же, традиционный в таких случаях проверочный тест в виде щипка за нос дал отрицательный результат, убедив Чекушкина в том, что он бодрствует и находится в нормальном состоянии.

Вася ещё немного посидел на полу, окончательно приходя в себя, а затем встал, решительно подошёл к окну и, открыв щекотки, распахнул настежь обе створки. В тот же момент ему в лицо ударила волна тёплого влажного воздуха, наполненного какими-то неведомыми доселе запахами и звуками. Пахло болотом, а где-то совсем рядом раздавалось равномерное бульканье, потом прозвучал крик, напоминающий птичий, но только более пронзительный и с неприятным, режущим слух скрежетанием. Затем издали донеслись тяжёлые удары, как будто в землю забивали тяжёлые сваи. А может, это шёл какой-то гигант?

Создавалось полное ощущение того, что находишься рядом с лесом, но не привычным с детства сосновым или берёзовым, а каким-то совсем другим.

“Неужели это тропики? — подумал Вася. — Но, чёрт возьми, откуда, каким образом они здесь появились? Ведь я только что был во дворе и из всей растительности, заслуживающей хоть какого-то внимания, видел там только старый клён, да к тому же ещё и сломанный!”

Вася потянулся к ближайшему листу и не без дрожи в руках оборвал его. Он оказался на ощупь очень упругим и в то же время каким-то мясистым, а своим видом напоминал папоротник, только очень большого размера. Немного поколебавшись, Чекушкин всё же решился и попробовал его на вкус. Пожевав кусочек листа, он понял, что не ошибся. Это действительно был папоротник, но своими размерами значительно превышавший своих собратьев, растущих в обычных лесах.

Резкий звонок в двери, раздавшийся неожиданно и прозвучавший подобно пистолетному выстрелу, вывел Васю из раздумий по поводу всего происходящего и напугал настолько, что сорванный листок сам собой выпал у него из рук, а от макушки до пяток пробежал неприятный холодок. Коротко ругнувшись, Чекушкин пошёл открывать. На пороге стоял Шура Наливайко, сосед и старинный приятель, живущий этажом ниже. Они оба выросли, живя в этом доме, вместе ходили в школу. Но в отличие от Васи Саша Наливайко был более цельной натурой, не подверженной вредным привычкам. Он много читал специальной литературы, стремясь направить полученные знания на благо своей семье. О таких говорят, что они прекрасные хозяева. Сейчас же на его лице ясно читалась озабоченность.

— Фу, слава богу, — сказал он, вытирая со лба капельки пота. — Может быть, хоть ты объяснишь мне, что произошло в городе?

— А что такое?

— Я, понимаешь, позавчера на мотоцикле своих в деревню к сестре увёз, а сейчас возвращаюсь и не узнаю родных мест. На улицах всё кувырком, деревья поломаны, лужи стоят, не объехать, и ни души, как будто все вымерли. А ведь восьмой час уже, пора бы и просыпаться. Подъезжаю к дому нашему, а он какой-то не такой. Плянул и собственным глазам не поверил: твоей квартиры нет. Думал, может, какая беда стряслась.

— Ты это, проходи, не стой в дверях, — Вася сделал рукой приглашающий жест.

Шура вошёл, потоптался на месте и, заметив небольшую табуреточку, опустился на неё.

— Жарковато что-то с утра, — констатировал он и ещё раз вытер пот со лба. — Так что тут у вас?

— Сейчас, — ответил Вася, доставая из кармана пачку “Примы” и закуривая сигарету. — Ты знаешь, если честно, сам ни черта понять не могу. Я ведь уже несколько дней как... того. Ну вот, просыпаюсь утром, а последствий гудежа — никаких. Свеженький, как молодой огурчик. Ну, то есть, желания поправляться нет и в помине. Бодренько так встал, даже зарядку хотел сделать, но потом одумался и решил ограничиться одной уборкой. Вышел с ведром во двор, смотрю, и тоже ничего не могу понять, как будто ураган прошёл. Неужели я так крепко спал, что ничего не слышал? А ведь грохот, если судить по разрушениям, был приличным.

— А что с квартирой?

— Тут ещё хуже. Поначалу думал, что глюк поймал. Потом разглядел, что тот кусок дома, где находится моя квартира, окружён какой-то пеленой, и понял, что я ещё в порядке. Но самый обалдёж начался, когда я посмотрел в окно комнаты. Пройди, ты сейчас тоже в осадок выпадешь.

— Ну-ка, ну-ка, — оживлённо сказал Шура, встал с табуреточки и направился вслед за хозяином. — Интересно, что тут у тебя?!

С минуту он молча рассматривал буйную зелень за окном, а затем глубоко-мысленно произнёс:

— М-да, не хреново. Я, пожалуй, на твоём месте также засомневался бы насчёт состояния собственной психики. Такое с перепою увидеть — хоть кому дурно станет.

Он приблизился к окну, потрогал папоротники, а потом слегка подпрыгнул и, перевесившись через подоконник, констатировал:

— Слышь, Василий, а ведь стены-то дома нет. Мы в воздухе висим.

Чекушкин подошёл к нему и с опаской также посмотрел вниз.

— Точно, нет, — произнёс он упавшим голосом. — Ё-п-р-с-т.. Ну и где же тогда, по-твоему, мы сейчас находимся?

— А кто его знает, — ответил Шура. — Такое ощущение, что за этим окном совсем другой мир, но чтобы всё понять, надо слазить туда, посмотреть, пощупать. Хотя, чувствую нутром, что эта прогулка может быть не самой безопасной. Слышишь, какие звуки?

За окном опять раздались тяжёлые удары и тот же скрежещущий крик, заставлявший мурашек бежать по спине на максимальной скорости.

— Интересно, а это кто или что? — спросил Чекушкин без всякой надежды получить ответ.

— Ну, не знаю я. Пошли, вспомним детство и поиграем в разведчиков, — отозвался Наливайко. — А? Или, может быть, ты струсил?

— Ничего я не струсил, — хмуро отозвался Вася, стараясь не показать, как же ему не хочется лезть в неизвестность и тем самым подвергать опасности свою жизнь, которую он только что начал с чистого листа. — Просто думаю, как мы с такой высоты спускаться будем. Чтоб ты знал: парашюта у меня нет, да он ведь только в одну сторону работает, а как нам потом обратно забираться? Нет, тут нужно какую-то лестницу придумать.

— А чего её придумывать, — Шура взял у соседа из рук сигаретную пачку и задымил "примину", выпуская дым в открытое окно. — У меня в гараже целая бухта верёвки. Сейчас принесу, навяжем петель, будет тебе лестница.

— А что у тебя там за верёвка, уж не бельевая ли? — с опаской спросил Вася. — А то как не выдержит?

— Ты что, бельевая, скажешь тоже, — возмутился Шура. — Самый настоящий нейлоновый трос. Да на нём отсюда слона спускать можно.

— Ладно, давай, — неожиданно для себя решил Вася. — Отчего бы и не посмотреть.

— Я только домой заскочу, посмотрю, всё ли там в порядке, — сказал Шура и поспешил к выходу.

Оставшись один, Чекушкин решил немного подкрепиться перед предстоящим рейдом. Он быстренько вскипятил чайник и к возвращению соседа уже заканчивал немудрёный завтрак, состоявший из последнего куса зачерствевшего хлеба, посыпанного солью, и стакана чая без сахара.

— Ну вот, смотри! — Шура сбросил на пол здоровенную бухту троса. — Тут метров сто, наверное. Хватит на три такие лестницы. Сейчас я тебе покажу, как нужно правильно ступеньки делать, а сам ещё раз домой схожу, поем маленько.

Он присел на корточки и начал споро перебирать трос, через каждый метр увязывая на нём особым способом петли-ступеньки.

— Ловко у тебя получается! — восхищённо сказал Вася. — Прямо как у настоящего альпиниста. Ты случайно не баловался этим делом?

— Мы всем немножко баловались, — рассеянно ответил Шура. — Вот так, значит, они делаются, ничего сложного нет. Понял?

Вася вместо ответа лишь мотнул головой в знак согласия, присел рядом, перехватил трос и старательно, хотя и медленно, навязал первую петлю.

— Нормально, — одобрил его работу Шура. — Ладно, продолжай в том же духе, а я скоро вернусь.

Он отсутствовал минут тридцать, а когда вновь появился, Вася, войдя во вкус, уже навязал много лишнего.

— О, заканчивай, самородок! — осадил его Наливайко, снимая с плеча рюкзак, в котором звякнуло что-то металлическое. — Разогнался... Всё, хватит, тут даже с запасом. — Он присел на табурет и закурил ещё одну сигарету из соседской пачки. — Там уже народ появился. Такое про вчерашний вечер рассказывают! Говорят, страшная буря здесь прошла, света белого не видно было. Но я всё равно ничего понять не могу. Ездил ведь всего-то на двадцать километров, а там всё было тихо — ни ветерка, ни капли. Блин, мистика какая-то. — Шура затушил в пепельнице окурочек, взял в руки увязанный конец троса и начал проверять качество петель.

— Кстати, — сказал он. — Там, я говорю, уже народ на улице появился.

— Ну и что?

— Да ничего. Просто смотрят наверх и интересуются насчёт твоей квартиры.

— А кто там интересуется?

— Кто? Да хоть бы наш участковый, капитан Полищук.

— Ну и что ты ему сказал?

— Да ничего. Постоял, языком поцокал, да в гараж пошёл.

— А он?

— А что он? Ничего. Сказал, что сейчас устал после дежурства, а когда отдохнёт, так обязательно зайдёт тебя попроведать.

— Пусть заходит. Я окно шторой завешу, и пусть он на них пялится, сколько ему влезет. А может, и дальше порога его не пушу: это моя квартира и я сам выбираю, кто может в неё войти, а кто — нет.

— Ну-ну! — с сомнением сказал Шура. — Ты, видать, ещё плохо Полищука знаешь. Этот вроде того Анискина, всюду пролезет и что нужно вынюхает.

Он закончил проверку троса, затем взял конец с петлями и начал травить его вниз. Когда тот достиг земли, Шура привязал второй конец к батарее под окном и сказал:

— Так, у меня всё, можно начинать штурм неведомого.

— Ну что же, тогда поехали, — вздохнув, пробормотал Вася.

Глава 3

Едва ноги путешественников коснулись земли, как под ними зачавкала грязь.

— Что-то никак не пойму, куда же мы с тобой попали? — пробормотал Шура и, потянув носом воздух, добавил: — Сыровато здесь. Да и запахок того...

— Да, похоже, что мы рядом с болотом, — вторил ему Вася опасно. — Не вляпаться бы...

— Эт точно... Опасно тут без страховки ходить. Надо бы нам жерди выломать, чтобы почву щупать.

Шура огляделся по сторонам и не нашёл ничего подходящего: огромные папоротники не подходили для нужной цели. Наливайко на несколько секунд задумался и, наконец, нашёл решение проблемы. Он снял с плеч рюкзак, достал из него остаток троса и огромным охотничьим ножом отхватил от него изрядный кусок.

— На, обвяжи вокруг пояса, — сказал Шура, протягивая один конец приятелю. — Будем идти на манер альпинистов, в связке.

Вася понимающе кивнул и, обернув трос вокруг талии, завязал крепким узлом. То же самое проделал со своим концом Шура.

— Готово, — сказал он. — Потопали.

— А куда? — спросил Вася.

— Туда, — махнул рукой Шура, показывая направление.

— Туда? — переспросил Чекушкин опасливо. — А почему именно туда?

— Ну ведь нужно же куда-то идти, — резонно заметил Наливайко. — Пусть будет туда. Не всё ли равно...

— Слышь, а как мы найдём обратную дорогу? — всё тем же слегка дрожащим голосом спросил Вася.

— Вот как! — тоном бывалого искателя приключений произнёс Шура, обнажая запястье правой руки. — Я ведь догадался захватить с собой компас. Ты что думаешь, я жизни не знаю?

— Ничего я не думаю, — обиженно ответил Вася. — Просто проверить тебя решил. Слушай, дай мне твой нож.

— Это ещё зачем?

— Да так, — нарочито безразличным голосом, в котором ясно прослушивалось опасение за собственную жизнь, сказал Вася. — На всякий пожарный... Мало ли...

Наливайко внимательно на него посмотрел и с некоторым колебанием всё же протянул клинок. Себе же он достал из рюкзака внушительный топорик, заткнул его за пояс и осторожным шагом, щупая ногой почву, двинулся вперёд. Вася поплёлся следом за ним, время от времени взмахивая ножом как мачете и срубая им побеги папоротника. Он не особенно доверял компасу и старался оставить заметки, по которым возможно было найти обратную дорогу, и, как потом выяснилось, делал это не напрасно.

Пробираться сквозь заросли гигантских папоротников было достаточно сложно. Да к тому же влажный горячий воздух, который жарил не хуже чем в сауне, быстро сделал своё дело. Вскоре с обоих путешественников сошло немало пота, и они изрядно притомились.

— Шура, давай привал, — хриплым голосом взмолился Василий, — больше не могу...

Шедший первым Наливайко остановился, некоторое время молчал, переводя дух, а затем вынужден был согласиться с предложением.

— Давай, посидим маленько.

Они выбрали место посуше и уселись, опершись спинами о толстый побег папоротника и прислушиваясь к идущим со стороны болота булькающим звукам.

— Есть хочешь? — спросил напарника Шура.

— Не, — ответил тот, едва ворочая языком. — Попить бы...

Наливайко достал из рюкзака флягу, отпил несколько глотков и протянул другу.

— На, только не увлекайся, — сказал он. — А то ведь неизвестно, сколько нам ещё топтать.

— Да я бы уже и вернулся, — едва слышно пробормотал Вася, делая большой глоток. — Ничего интересного здесь нет и наверняка не будет.

— Что, вернуться в самом начале пути!? — воскликнул Шура. — Ты же сам хотел посмотреть...

— Расхотел что-то...

— Ну, знаешь! Так, брат, дела не делаются. Я, понимаешь, только во вкус начал входить, а ты отвалить решил. С чего ты взял, что тут ничего интересного нет. Вон, посмотри!

Шура показал пальцем в сторону. Вася посмотрел в указанном направлении и, увидев там какое-то мерцание, напоминающее сияние кристаллов, сразу же оживился.

— Точно, что-то блестит, — почти прошептал он. — Айда, глянем.

— Ну вот, совсем другое дело, — удовлетворённо хмыкнул Шура. — Давно бы так. А то развёл, понимаешь, нюни... “Не хочу я каши манной! Мама, я хочу домой!”. Тут, может быть, алмазы и золотые слитки на каждом шагу валяются, а он... Пошли посмотреть, чего там для нас мать наша природа приготовила.

Они поднялись и направились к замеченному сиянию. На этот раз Вася шёл первым и в его глазах ясно виднелся алчный блеск, присущий всем авантюристам, когда-либо отправлявшимся на поиски сокровищ.

Таинственный предмет был уже рядом. Он лежал на почти идеально ровном поле, казалось, манил, приглашал подойти поближе и взять его в руки. Вася, позабыв про усталость, почти бежал и тащил за собой привязанного к нему приятеля. Канат мешал, а потому, не думая о возможных последствиях, Чекушкин рванул узел, освободился и устремился к находке ещё быстрее. До кристалла оставалось сделать всего несколько шагов. Вася наступил на поле, и тут же земля ушла у него из-под ног, и он по грудь провалился в вязкую трясины.

— А-а-а... — что есть мочи завопил Чекушкин. — Шура, помоги!

Одновременно с этим он сделал попытку выбраться на твёрдое место, но провалился ещё глубже. Жуткое оцепенение охватило его, из глотки вырвался даже не крик, а вопль, который издаёт смертельно раненный зверь, чувствующий свою близкую кончину.

— Держи! — услышал Вася. В его раскрытую ладонь упал конец каната, за который он тут же крепко ухватился.

Рывок, другой, руки касаются твёрдой поверхности, спасительный глоток воздуха...

— Уф, — перемазанный донельзя Вася сплюнул комок грязи и опрокинулся на спину. — Я уже думал всё, больше мы в этой жизни не увидимся, — сказал он через пару секунд.

Пока едва не сгинувший в трясины Чекушкин лежал на земле, приходя в себя, его спаситель при помощи верёвочной петли пытался достать коварный кристалл. Но, несмотря на все старания, тот никак не желал цепляться, вытягиваться и становиться добычей людей. Аркан скользил по поверхности “цветка” и срывался с него. Болото никак не желало отдавать людям свою красоту.

— Брось, хватит, ну его к лешему, — попытался урезонить приятеля Вася. — Пойдём, хватит на наш век богатств.

— Сейчас, дай ещё раз попробую, — с мальчишеским азартом возразил Шура. — Всё, последняя попытка.

Очередной бросок закончился ничем, после чего Наливайко с плохо скрываемым разочарованием отошёл от края топи.

— Ладно, пошли, не судьба видать... — хмуро сказал он, протягивая конец троса напарнику. — На, обвяжись и больше не развязывайся. В другой раз спастись не стану. Хочешь тонуть — тони.

Вася внимательно на него посмотрел, восстановил связку и лишь после этого сумел найти слова благодарности:

— Шур, ты это, не обижайся на меня. Я, честное слово, не знаю, как оно со мной получилось. Как-то само собой... Я больше не буду, правда.

Последняя фраза получилась настолько трогательной, что Наливайко даже рассмеялся.

— Да ладно, ты ещё начни целоваться со мной, Квазимодо...

Вася внимательно себя осмотрел, потом понюхал и сказал:

— Такое чувство, что я провалился в сортир.

— М-да, — поморщившись, сказал Шура. — Запашок от тебя действительно того... Ну что, может, развернём оглобли обратно домой? Как-то здесь опасно...

Последняя фраза прозвучала с едва заметной хитрецей.

— А вот хрен тебе, дорогой сосед, — неожиданно взвился Чекушкин. — Пока не отмоюсь, никуда я отсюда не уйду.

— Отмываться нужно в чистой воде, да где ж её тут взять, — резонно заметил Шура.

— Будем искать, — Вася был полон решимости.

— Ну-ну... — покивал головой Наливайко, шагая следом. — Ищущие да обрящут.

Искатели приключений вновь двинулись через заросли папоротников и через какую-то сотню метров увидели в них просвет и вскоре вышли на открытое пространство. Глазам их предстала холмистая равнина, на которой то тут, то там росли группы невысоких кустарников. Вдалеке виднелся горный массив, от которого в небо поднимался столб дыма, имевшего явно вулканическое происхождение. А где-то совсем рядом слышалось журчание водного потока.

— Это там, — произнёс Шура, указывая рукой в сторону едва заметной низинки. — Сейчас ты сможешь смыть с себя это дерьмо.

Они спустились вниз. Идти по невысокой ярко-зелёной траве было удивительно приятно. Она пружинила под ногами, словно приглашая снять обувь и пройтись по ней босиком. Чекушкин так и поступил. Он сбросил свои выдавшие виды кроссовки и с видимым удовольствием прошёлся по изумрудно-зелёному ковру, а потом несколько раз подпрыгнул.

— Давай, давай, попрыгай... — сказал Шура с усмешкой. — Сейчас какая-нибудь мелкая мерзость тебе попрыгает. Куснёт и привет-прощай... Тут тебя и похороню. Вот только музыки не будет.

— Да ну тебя с такими шуточками, — обиделся Вася, но кроссовки всё же обул и, не завязывая шнурков, широко расставляя ноги и низко наклонив голову, как бы высматривая что-то на земле, устремился к ручью.

Он уже сбрасывал одежду, но внезапно где-то высоко в небе раздался едва слышный шорох, а вслед за ним уже знакомые противные скрежещущие звуки. Как будто провели наждачной шкуркой по стеклу. Друзья подняли глаза и обомлели. Прямо на них с высоты пикировало страшное крылатое чудовище. Первым опомнился Шура. Сбив Василия с ног под растущий на берегу кустарник, он также упал и откатился в противоположную сторону. Страшная "птица", промахнувшись, жалобно заверещала столь громко, что даже ушам стало больно. Поняв, что добыча от неё ускользнула, она коротко разбежалась, вновь поднялась в воздух. Сделав ещё один короткий вираж, химера приземлилась неподалёку от людей, сложила огромные кожаные перепончатые крылья и короткими прыжками начала приближаться к Васе. Вид у этой двухметровой и лишённой всякого оперения махины был очень угрожающий.

— Ты это чего!? — испуганно закричал Чекушкин на "птицу", заползая подальше в кустарник. — Вали отсюда, несъедобный я! Проспиртованный я, отравишься!

Однако хищника такой довод совсем не убедил. Похоже, он имел намерение во что бы то ни стало пообедать, несмотря на столь серьёзное предупреждение. Вот он приблизился к кустикам вплотную, занёс для разящего удара свой

страшный клюв... Вася сжался и от ужаса закрыл глаза, но вдруг услышал глухой удар, после которого "птица" как-то удивлённо вякнула и отпрянула в сторону. Разомкнув веки, Вася понял, что его спас камень, брошенный меткой рукой Шуры и попавший в голову хищнику. Придя в себя, он развернулся и устремился было на нового врага, но второй камень, брошенный ещё точнее первого и попавший прямо в глаз, окончательно отрезвил агрессора. Расправляя на ходу крылья, "птица" разбежалась и устремилась подальше от места, где ей оказали столь решительный отпор.

— Фу! — сказал Шура после того как угроза миновала. — Я уж было думал, что всё, трандец тебе пришёл. Долбанёт, подхватит и потащит тебя на прокорм своих детушек гадских.

— Я тоже уже с жизнью попрощался, — поддакнул Вася, обессиленно сидевший на траве. — Спасибо, сосед, второй раз ты меня от верной смерти спас. Не забуду, сколько жив буду.

Он поднялся на трясущиеся ноги и кое-как поплёлся к ручью.

— Слышь, чего-то мне совсем расхотелось дальше здесь гулять, — донёсся до Шуры едва слышный голос. — Сейчас, я только ополоснусь маленько, одежду постирну и двинем обратно. Ждать, пока высохнет даже не будем. Тепло здесь, можно и нагишом пройтись. Всё равно подглядывать здесь за мной, кажется, некому.

— Ты поосторожнее там, — предупредил товарища Наливайко. — Кто его знает, чего в том ручье плавать может. Может, крокодилов кишмя кишит. Ухватит за ручонку и утащит.

— Да нет, — отозвался Вася. — Вроде чисто. Рыба какая-то большая плавает, а крокодилов не видеть.

— С рыбой тоже аккуратнее. Хрен её разберёт тутошнюю живность.

Вася, вошедший было в ручей по колено, опасливо отошёл обратно к берегу, зачерпывая там ладонями воду и смывая с себя болотную грязь. Покончив с этим, он собрал одежду в охапку и начал ею болтать в ручье, не особенно заботясь о капитальности стирки.

— Кажется, я понял, куда мы попали, — внезапно произнёс Наливайко едва слышно. — Смотри.

Вася оглянулся, посмотрел в ту сторону, куда показывал сосед, и едва не опрокинулся в ручей. Из близлежащего папоротникового леса величаво и плавно выходило несколько огромных животных. Росту в них было добрых метров десять, если считать до непропорционально маленькой — относительно огромного туловища, головы, сидящей на длинной мощной шее. Гиганты передвигались на четырёх мощных, как колонны, лапах, помогая себе при этом длинным и мощным хвостом. Гордо и независимо, не оглядываясь по сторонам и изредка наклоняясь до самой земли, чтобы отправить в пасть очередную порцию травы, они двигались вперёд.

Мгновенно присев, Шура приблизился к кустарнику и залёг там рядом с Василием.

— Оперный бабай! — прошептал он одними губами. — Ни черта не понимаю.

— Чего ты не понимаешь? — так же шёпотом ответил Вася. — В прошлом мы. И в таком прошлом, что лично мне даже страшно подумать, в каком мы сейчас году торчим. А это динозавры. Недавно фильм по телевизору шёл про таких же.

— Но как...

— Пёс его знает. Как-то, помнится, я читал, что в принципе такой провал в старину возможен. Наверное, это как-то буря повлияла. Ладно, потом разберёмся что к чему. А сейчас линять надо отсюда. Не хочу я погибать в чёрт его знает каком году, под лапой зверя, который наступит и даже не заметит.

— А может, минуют? Вид у них вполне мирный. Давай переждём, нас ведь здесь не видно. Когда ещё такое доведётся увидеть!

— Может, и минуют. Если только эти зверушки пить внезапно не захотят. В нём одном веса, как в хорошем грузовике. Ты хочешь умереть задолго до своего рождения?

— Нет, не хочу, — Шура начал было отползать подальше от места возможного водопоя, но в тот же миг ужас вынудил его остановиться. На открытое место мгновенно и внезапно, как черти из табакерки, один за другим выскочили ещё три ящера. Внешне они здорово отличались от длинношеих, передвигались только на нижних конечностях, да и ростом были не столь велики. Но то, что это были хищники, а не травоядные, видно было сразу. На короткой шее сидела огромная голова, большую часть которой занимала пасть с острыми, как кинжалы, зубами, предназначенными для того, чтобы рвать и терзать живую плоть. Троица моментально оценила обстановку, выбрала жертву — молодого и неопытного динозавра и приступила к охоте. Двое начали кружить возле взрослых травоедов, отвлекая их внимание, а третий набросился на юнца и, не давая ему опомниться, подпрыгнул, вцепился в шею и, увлекая своим весом, опрокинул. Фонтаном взметнулась кверху струя тёмной крови, беспомощно застучал по земле мощный, но уже бесполезный хвост, и началась агония.

Увидев, что цель охоты достигнута, оба хищника оставили стадо в покое и утратили внимательность. Один из них тут же поплатился за беспечность. Удар хвоста самого рослого травоеда, скорее всего, вожака, хлестанул его наотмашь и отбросил далеко в заросли папоротников. Раздался хруст ломаемых стеблей, пронзительный и короткий визг, на который участники схватки, впрочем, не обратили особого внимания. Стадо устремилось подальше от опасного места, а оставшиеся там охотники принялись пировать. Они отрывали от туши огромные куски и, не пережёвывая их, жадно проглатывали целиком. Насытились хищники быстро. Они одновременно оторвались от своей жертвы, шумно понюхали воздух и, наклонив окровавленные морды к земле, как это делают охотничьи собаки, неспешно потрусили вслед за безжавшими с поля боя травоедами.

Некоторое время друзья, до этого боявшиеся пошевелиться, лежали молча. Наконец Вася пришёл в себя.

— Всё, уходим отсюда и быстрее, — прошептал он. — Что-то мне не хочется быть чьим-то завтраком.

— погоди минутку, — ответил Шура. — Я сейчас...

Он выхватил из рюкзака топорик и, пригнувшись так, как обычно передвигаются пехотинцы под огнём противника, бегом направился к лежавшей недалеко туше. Вернулся он быстро, держа на вытянутых руках кусок филе килограммов на пять весом.

— А вот теперь рванули! — крикнул он, запихивая мясо и своё оружие в рюкзак.

Друзья развили такую скорость, что обратный путь не занял у них много времени. Очень помогли зарубки, оставленные Васей, так что на сей раз приключений удалось избежать.

Перевалившись через подоконник, они некоторое время отдыхали. Потом Шура вытащил из кармана пачку "Примы", пошарил в ней пальцем, выудил сигарету, прикурил её и с видимым удовольствием вдохнул ароматный дымок.

— Последняя... — констатировал он, тем самым давая понять приятелю, что он может рассчитывать лишь на несколько последних затяжек.

— Оставишь чуток, — отозвался тот по давней, ещё армейской, привычке. — Хотя, не надо. Я, если честно, жрать хочу страшно. Только дома не осталось ни крошки.

— Ха, ни крошки!? — воскликнул Шура. — Да у нас же офигенный кусок мяса в рюкзаке. Сейчас мы его поджарим и наедемся до отвала.

Вася внимательно посмотрел на рюкзак, вспомнил, как хищники рвали это мясо, и поморщился.

— Чего ты морду воротишь? — усмехнулся Наливайко.

— Да ну его, — махнул рукой Чекушкин, стараясь скрыть неприятные ощущения. — Вдруг отравимся...

— Мясо как мясо, — пожал плечами Шура, развязывая верёвку на рюкзаке. — С какой стати им травиться?

Он достал кусок, бросил его на стол и понюхал.

— Нормальное мясо, — повторил Наливайко. — Чем-то похоже на курятину, только костей нет. Пять кило сплошного филе! Давай, кончай бабиться, нарежай пока, а я сейчас вернусь.

Пока Чекушкин, сдерживая тошноту, управлялся с мясом, Шура смотался домой и притащил оттуда растительного масла, хлеба и здоровенную головку лука.

— Всё, хорош! — остановил Наливайко Васю. Нарезанные куски он бросил на раскалённую сковородку, а остатки мяса уложил в холодильник. Вскоре по кухне распространился аппетитный запах, от которого у друзей помимо воли началось повышенное слюноотделение. Впрочем, снимать пробу никто из них не рвался. Наконец Василий не выдержал голодной пытки.

— А, будь что будет! — махнул он рукой и, подцепив вилкой приличный кусок, отправил его в рот. — Ни-и-во, — произнёс он напевно, одновременно пережёвывая горячее мясо. — Па-дёт!

Шура наблюдал за его действиями с плохо скрытым ужасом, видимо, ожидая, что вот-вот у Чекушкина начнутся судороги, он брякнется с табурета и в страшных мучениях отдаст концы. Однако ничего не происходило. Вася спокойно прожевал первый кусок, подцепил вилкой следующий. Тут и Шура не выдержал, прекратил созерцать и принялась торопливо нагонять упущенное.

— М-да, действительно неплохо, — согласился он с товарищем. — Лично я ничего подобного до этого не едал. Не знаю какой вкус у страусятины, но почему-то мне кажется, что он должен быть именно таким.

— Блин горелый, а я знаешь, о чём подумал? — перебил его Вася. — Вот мы сидим здесь, кушаем жаркое из филе доисторического зверя, который погиб много миллионов лет тому назад. Парадокс, да и только...

— Слушай, я всё никак не могу понять, каким образом мы очутились в тех временах? — спросил Шура, продолжая торопливо есть.

— Да не мы, — поправил его Вася. — Тут, брат, сложная конструкция вырисовывается. Два времени как бы совместились, или соприкоснулись, если хочешь. Такое, говорят, бывает. Природа способна на всевозможные чудеса, и понять их все просто невозможно. Давай-ка мы лучше сейчас обмозгуем одну чисто практическую вещь.

— Какую?

— В тридцати минутах ходьбы от нас валяется совершенно бесхозный кусок мяса весом в несколько тонн. Хотя бы часть его просто необходимо доставить сюда.

— Зачем, холодильник и так ломится.

— Да, не умеешь ты думать перспективно, — притворно вздохнул Вася. — У меня есть несколько знакомых шашлычников, так что растолкать товар между ними по нормальной цене — это пара пустяков. И все будут довольны. Поставки можно сделать постоянными, а наш заработок стабильным. Я так чувствую, что охота друг на дружку у этих монстров в порядке вещей, можно сказать, как на конвейере. Ну как?

— Заманчиво, — откликнулся после небольшой паузы Шура. — Вот только...

— Что ещё?

— Да таскать тяжело.

— Я и об этом подумал. Можно, в принципе, технику поднапрячь.

— Твой мотоцикл? — догадался Шура.

— Точно так, — подтвердил Вася. — На нём мы этого мяса гораздо больше сможем увезти. Ночью втянем его в квартиру, спустим в окно — и давай. “Вперёд, комсомол!” на крейсерской скорости. Ездить по тамошней местности вполне можно. А если так случится, что придётся удирать, так за моей машиной ни одна тварь не угонится.

На том приятели и порешили. Дождавшись, когда ночная тьма скроет новоявленных предпринимателей от посторонних глаз, они спустились во двор, выкатили из гаража мотоцикл, предварительно отсоединив от него коляску, и, стараясь действовать как можно тише, покатали его к подъезду. Дальше дело пошло тяжелее. Пыхтя и отдуваясь, Вася и Шура преодолевали одну ступеньку за другой, не позволяя себе ни секунды отдыха. Ну вот последний лестничный марш преодолен, мотоцикл поставлен в прихожей и появилась возможность передохнуть.

— Тяжёлый, зараза, — хрипло произнёс Шура, тяжело дыша.

— Ничего, своя ноша не тянет. Главное — справились.

Остаток ночи был посвящён устройству на подоконнике спускаемого механизма. Он состоял из нескольких блоков, через которые перебрасывался крепкий нейлоновый трос. Проверка конструкции показала, что мотоцикл она выдержит. С рассветом “железный конь” начали спускать на землю другого измерения.

Глава 4

Неторопливо преодолев трудный болотистый участок, мотоцикл выбрался на открытое пространство. Здесь Наливайко на минутку остановился.

— На, держи, — сказал он и протянул Васе армейскую ракетницу, которую вытащил из внутреннего кармана ветровки. — Она у меня ещё со службы осталась, — пояснил он.

— А зачем? — спросил Чекушкин, осторожно беря ракетницу двумя пальцами.

— Что значит зачем, — удивился Шура. — Следи за воздухом. Если там появится что-то летящее и угрожающее нам — стреляй без предупреждения. Пользоваться-то умеешь?

— Не-а...

— О-х... — вздохнул Шура. — Ладно, смотри.

Наливайко дал рассчитанный на молодого бойца короткий урок стрелковой подготовки, проверил качество его усвоения, после чего приятели продолжили путь.

Довольно быстро они добрались до речки, где накануне стали свидетелями битвы динозавров. Но здесь их ждало жестокое разочарование: от вчерашней туши остался лишь гладко отполированный костяк. Скорее всего, в эту ночь местный животный мир не испытывал недостатка в пище, пожирая своего собрата.

— Сволочи! — с особым чувством произнёс Шура. — Всю малину нам обгадили!

— Д-а-а, — упавшим голосом подтвердил Вася. — Чего делать-то теперь будем?

— Чего? Поехали дальше. Может, найдём ещё что-нибудь подходящее.

Некоторое время они колесили по окрестностям, но никаких результатов это не принесло. Местность, где ещё накануне живности было хоть отбавляй, теперь полностью опустела. Внезапно, когда Наливайко уже начал вслух выражать своё недовольство, Чекушкина осенило.

— Стой, Шура! — воскликнул он. — У меня идея.

— Что такое?

— Мы с тобой два идиота!

— Не понял!?

— Всю нашу задачу можно решить одним махом. Угадай с трёх попыток как.

— Слушай, давай без загадок. Мне сейчас не до них. — Шура озабоченно постучал пальцем по топливомеру. — Бензоколонок здесь я что-то не заметил. Кончится горючее, что тогда делать станем?

— Ладно, — согласился Вася, — даже не знаю... Короче, эти твари плодятся ведь не так как мы.

— Серьёзно!? — не без иронии прервал эту реплику Наливайко. — Ты ещё способен плодиться и размножаться?

Чекушкин посмотрел на него долгим и тяжёлым взглядом.

— Не ожидал... — пробормотал он едва слышно. — Обидел ты моё мужское достоинство.

— Обидел?! Но ведь не задел. Тогда бы уж точно... Ладно, хватит дуться. Как девочка, ей-богу!

— Извинись, — упрямо процедил Вася. — А то хрен я тебе расскажу свою идею. Так и умрёшь в неведении.

— Ой, прости, прости... — Шура дурашливо пошлёпал себя по губам. — Язык мой...

— Ладно, принято, — милостиво улыбнулся Вася. — Слушай, я где-то слышал, уже и не вспомню где... Ну, одним словом, якобы динозавры эти рожали детёнышей не напрямую, а вроде наших куриц откладывали яйца и потом высиживали их.

— Намёк понял! — радостно воскликнул Наливайко. — Молоток! Такую важную вещь вспомнил! А я уж было грешным делом подумал, что ты совсем угас. Нет, в тебе по-прежнему клокочет творческая мысль, подобно лаве в том вулкане. Точно, нужно найти подходящую кладку, взять оттуда несколько яиц, а уж потом, вернувшись домой, устроить ферму по выращиванию динозавров. Вот это, я понимаю, бизнес так бизнес! Всё просто, как всё великое, но вот почему я сам до этого не дошёл?

— Дошёл бы, — великодушно произнёс Вася. — Ты ведь недурнее меня. Рано или поздно додумался бы и ты.

— Хорошо, — пропустив последнее замечание мимо ушей, сказал Шура, — а где же нам искать её, подходящую кладку?

— Я думаю, что они закапывают яйца в тёплый песок, как это делают черепахи и крокодилы. А это значит, что нам нужно ехать к тому озеру. — Вася вытянул руку в сторону вулкана, у подножия которого действительно виднелся достаточно большой водоём. — До него вёрст десять или что-то около того.

— Десять туда да десять обратно... — озабоченно пробормотал Наливайко. — Должны вписаться... вот только сопочка эта сегодня дымит гораздо сильнее, чем вчера. И мне данное обстоятельство совсем не нравится. Ладно, была не была, авось проскочим...

Он надавил на газ, и мотоцикл понёсся вперёд на максимально допустимой в условиях здешнего бездорожья скорости. На пути друзьям не встретилось никаких препятствий, и вскоре они уже стояли на берегу озера. Здесь запах дыма, исходивший от вулкана, чувствовался вполне ощутимо.

— Давай, ты налево, а я — направо, — распорядился Шура. — Только смотри, осторожнее там...

Они разошлись в разные стороны и вскоре их поиски были вознаграждены. Кладку обнаружил Чекушкин. Он поднял яйцо над головой и радостно заорал:

— Эй, я нашёл, давай сюда!

Наливайко бросил своё занятие, скорым шагом подошёл к нему и осмотрел находку.

— Больше двух пока брать не стоит, — сказал он. — И везти их нужно будет осторожно, чтобы не взболтать.

Взяв из кладки ещё одно яйцо, они направились к мотоциклу. Драгоценный груз положили в вещмешок, предварительно обмотав тряпками, которые там находились. Можно было отправляться в обратный путь. Но тут, как назло, везение закончилось. Мотоцикл, несмотря на все усилия, предпринимаемые Шурой, категорически отказывался заводиться. В сердцах плюнув, он начал осматривать двигатель, пытаясь понять причину каприза. Внезапно гудение, исходившее от вулкана, начало нарастать и вскоре превратилось в зловецкий гул. От этого мощного по силе звука по спинам исследователей побежали мурашки. Из вулкана тем временем вырвался клуб густого дыма, от которого через минуту стало трудно дышать.

— Кажись, влипли! — тревожно прокричал Вася, пытаясь перекричать гул вулкана. — Ну как там у тебя?

Концовку этой фразы он сам не смог расслышать, потому что в этот момент земля под ногами зашаталась, прогремел мощный взрыв, и из жерла вулкана высоко вверх выплеснулся столб пламени. Василий с ужасом взирал на него, не в силах пошевелиться. А вот Шура держался молодцом. Он торопливо установил на место последнюю свечу, вскочил и ударил ногой по педали стартера. Лишь сизоватый дымок, вырвавшийся из выхлопной трубы, дал понять, что машина готова к движению — шума двигателя не было слышно. Шура толкнул Чекушкина в плечо, выведя из состояния оцепенения, и спустя секунду они уже сидели в седле набиравшего ход мотоцикла.

Грохот вулкана подстёгивал водителя, но ехать на предельной скорости ему мешала дрожавшая, как в лихорадке, земля. Василий оглянулся и с ужасом увидел, как в их сторону стремительно летит огромный, объятый пламенем шар.

— Ходу! — что было сил проорал он на ухо товарищу. — Сейчас накроет.

Шура не мог видеть того, что их могло накрыть, но инстинктивно прибавил скорости. Однако местное бездорожье сыграло с мотоциклом злую шутку. Переднее колесо угодило в ямку, предательски вильнуло, и руль вырвался из рук Наливайко. Удар о мягкую землю, впрочем, не причинил особого вреда. Шура первым перевернулся с живота на спину и потому смог увидеть, как огромная вулканическая бомба прочертила в воздухе дымный след и гулко бухнулась впереди, точнёхонько по их курсу. Не случись заноса мотоцикла, огненная глыба накрыла бы обоих путешественников.

Вася, пришедший в себя после удара, прищурившись, посмотрел на пылавший нестерпимо ярким пламенем валун, что-то прошептал и истоиво перекрестился.

Извержение вулкана всё продолжалось. Из него полезли потоки раскалённой лавы, которые огненными языками спускались по склону горы и, падая в озеро, поднимали вверх клубы пара. Друзья некоторое время наблюдали за разгулом стихии, но отравленный дымом воздух заставил их убраться подальше от опасного места.

На этом приключения не закончились. Вначале Чекушкин и Наливайко долго не могли найти нужную им тропинку, ведущую к окну в их мир,

и основательно поплутали. На компас в этом мире надежды не было. Он действовал так же, как мигалка гаишника: то работал, то не работал.

— Бензин кончается, — тоскливо заметил Шура, глуша двигатель. — А выхода всё нет... Он где-то здесь, чувствую, что рядом, но кататься взад-вперёд в его поисках себе дороже. Встанет, потом вести придётся. Не бросать же его здесь. Выхода нет — придётся идти в пешую разведку, искать нашу тропу.

— Хорошо, посиди пока, отдохни, — сказал Вася, слезая с седла. — Я сам прогуляюсь. Если что, стрельну вверх, подам сигнал.

Он подбросил на ладони ракетницу и двинулся вдоль кромки папоротникового леса. Прошло десять минут, двадцать, полчаса... Шура забеспокоился. Напряжённо вслушиваясь, он пытался различить голос приятеля сквозь отдалённый гул продолжавшего рокотать вулкана. Не выдержав тоски одиночества, Наливайко начал кричать — вначале негромко, а затем в полный голос.

Чекушкин появился неожиданно, словно вынырнул из-под земли. Но двигался он как-то странно: согнувшись в три погибели, словно человек, несущий тяжкую ношу, или боец, идущий в опасную атаку.

— Васька, где тебя черти носят?! Я тут весь издёргался, сижу как на иголках, — заорал было обрадованный и одновременно возмущённый Шура.

— Т-с-с, — прошипел в ответ Чекушкин. — Тихо!

— Что там опять за фигня? — сразу же понизив голос до минимума, спросил Наливайко.

Подбежавший к нему Вася некоторое время пытался отдышаться и не в силах был произнести даже слово. Наконец он пришёл в себя.

— Там люди, — проговорил он, показывая рукой в ту сторону, откуда пришёл.

— Люди, — удивлённо переспросил его Шура. — Откуда они тут, кто такие?

— Скорее всего, местные, — замялся Вася. — Да и, в общем, это не совсем люди...

— Что значит, не совсем?

— Да эти, как их... первобытные, короче... на обезьян похожи.

— И где они?

— Да как раз в том месте, где наш проход. Расположились, видимо, надолго, сидят кружком и чего-то жрут.

— Е-е-е...

— Чего делать-то будем?

— Погоди, дай осмыслить.

Шура на некоторое время принял позу Чапаева — думающего, а потом спросил:

— А это точно наше место?

— Точнее не может быть. Я подобрался поближе и зарубку на папоротнике увидел.

— А обойти их никак нельзя?

— Слева там, ты сам знаешь, болото, а справа — густота. Мотоцикл там не пройдёт.

— Выхода нет, — сказал Шура решительно. — Придётся применить старое испытанное средство — психическую атаку. Будем прорываться. Далеко до них?

— Метров триста, — ответил Вася, но тут же, засомневавшись, поправился, — а может, и больше...

— Значит, так, — сказал Шура и взялся за руль мотоцикла. — Придётся его катить, а когда сблизимся с противником, я резко дам по газам, а ты пальни из ракетницы в самую серёдку. Тогда точно прорвёмся.

— А зачем из ракетницы? — с опаской спросил Вася. — Может, без этого обойдёмся?

— Нет, не обойдёмся, — серьёзно посмотрел на него Шура. — Пальнуть придётся. Это на тот случай, если они глухими окажутся. Рёв мотора их не пугает, так ракета своё дело сделает. Психическая атака должна быть всеохватывающей.

— Хорошо, если бы они ещё слепыми не оказались, — пробурчал себе под нос Чекушкин, а вслух сказал:

— Хорошо, если нужно пальнуть, то я пальну.

На сближение с первобытными людьми они шли, соблюдая предельную осторожность. Вася двигался впереди, готовый в любой момент подать сигнал, а чуть поодаль Шура тащил за “рога” своего “железного коня”. Последний этап — небольшой холмик, скрывающий от них аборигенов, Чекушкин проделал ползком. Взобравшись на высоту, он с минуту оценивал обстановку, а затем призывно махнул рукой Шура. Тот не стал ждать повторного приглашения. Тяжело кряхтя, он втащил мотоцикл на холм, поставил на тормоз, а сам ползком подобрался к Васе. Картина, представшая его взору, впечатляла. У самого подножия высоты кружком расположилась группа существ, которых скорее можно было назвать огромными обезьянами, чем людьми. Даже с расстояния в сорок метров друзья без труда рассмотрели, как под густой шерстью, которая покрывала гигантов от макушки до пяток, перекачиваются могучие мускулы. Наверняка в порыве гнева или в предчувствии опасности такие существа плохо контролировали эмоции и способны были одним ударом решить в свою пользу исход любой схватки с обычным человеком.

Стадо питалось, а вернее сказать, пожирало пищу, коей служила туша какого-то животного. В центре группы сидел самый крупный самец, вероятно, вожак. Он отрывал от жертвы куски мяса и степенно раздавал их сидящим рядом. Но самым интересным было то, что вождь разделял тушу не вручную — в огромной лапе он держал нечто блестящее, весьма напоминающее металлический нож.

— Смотри, — чуть слышно прошептал Вася. — У них тесаки имеются.

— Вижу, — также одними губами подтвердил Шура. — Блин, опасно.

— А где проход?

— Вон отметка на стволе, — показал Чекушкин пальцем.

— Вижу.

Этот короткий диалог был произнесён его участниками столь тихо, что не мог заглушить даже шелеста травы. Но вождь внезапно поднял голову и начал внимательно осматриваться по сторонам и морщить нос, словно бы принюхиваясь. Его галдящие сородичи тут же умолкли и тревожно насторожились. Шура резко рванул напарника назад и жестом указал на мотоцикл. Дальнейшие события происходили настолько быстро, что позже оба путешественника могли воспроизвести их ход лишь фрагментарно. Ревущий мотоцикл, летящий на полной скорости с холма, оскаленные от изумления и страха морды дикарей, вскочивших на ноги и готовых вступить в схватку с неизвестными зверями. Выстрел из ракетницы, внёсший в стан неприятелей панику и заставивший их разбегаться в разные стороны.

Финиш путешественников был бурным, и остановиться их заставил лишь вид висящего в пространстве окна.

Окончание в следующем номере.

Сергей ТЮНЁВ

День бегуна

В пятницу утром в офисе вывесили жуткое объявление: “Завтра — международный День бегуна. Кросс по пересечённой местности. Покажем нашу фирму с лучшей стороны! Сбор в 12 часов у стадиона. Явка обязательна!”.

Работа встала. Все ходили с немым собачьим вопросом в глазах: “За что?”. Бодрее всех держались двое. Мозякин, имевший конькобежное прошлое, оживлённо двигал конечностями. Наконец-то все увидят его ноги! Пять лет жизни на них выброшено, бугрятся под брюками, а показать, кроме зеркала, некому. Вахтёр Поповский, бравый старичок, которому до пенсии оставалось две недели, горячо шевелил челюстями: “Это что! Вот я в Маньчжурии с полной выкладкой по степям бегал, как суслик. А здесь — центр города, цивилизация, буфет рядом, “скорая помощь” опять же под боком. Хоть забегайся!”.

Остальные зловеще молчали. Спортиструктор Резвых, повесивший объявление, забаррикадировался в туалете, откуда кричал: “Прогульщикам премии не видать!”. Все ждали прогноза погоды. Наиболее оптимистичные предсказывали ураган, ливень и разлом земной коры. К радиоприёмнику припали, как к родному. Диктор ехидно прокурлыкал, что синоптики обещают плюс 27, безоблачно, штиль. Ничего чудовищнее он сообщить не мог. Мужчины бережно, словно прощаясь, поглаживали пивные животики. Женщины жарко шептались: “Ну в чём я побегу, они себе думают? В чём мать родила? Больше не в чем!”. После этих слов мужская половина решила, что, в общем-то, пробег не так ужасен, как казалось поначалу.

К обеду справку о беременности принесли пятнадцать женщин и Коровин. Поняв, что племянница-медсестра впопыхах написала не то, он держался молодцом: “Наверное, ошиблись. Но рисковать не стоит. Подожду, что покажут повторные анализы”. Совершенно неожиданно сломал ногу бухгалтер Тютюхин. Причём сломал удачно — в двух местах. Ну он же сидячий, ему проще. Встал, быстро прошёлся и готово. Срочно захотели в отпуск семеро сотрудников, но спортиструктор Резвых с боями прорвался из туалета и договорился, чтобы дезертиров попрдержали до понедельника. Потому что кросс любит массовость.

Ночью те, кому не удалось отмазаться, почти не спали. Бедолагам мерещились недостижимый, как линия горизонта, финиш и спортиструктор Резвых, самолично открывающий им второе дыхание.

Наутро к стадиону потянулись траурные процессии бегунов поневоле. Бывший конькобежец Мозякин горделиво выгуливал свои ноги в стрингах. Сильно постаревший за ночь вахтёр Поповский рассказывал матерные анекдоты и отчаянно хорохорился. Остальные жались друг к другу на старте, с лицами приговорённых к расстрелу из стартового пистолета. Спортиструктор Резвых обривал дистанцию: рванули по беговой дорожке, спустились в пойму реки, обогнули лыжную базу и с улыбками вернулись на стадион.

От хлопка стартового пистолета брякнулся наземь без пяти минут пенсионер Поповский. Его быстренько унесли, и бегуны отправились в путь, предчувствуя недоброе. По стадиону потрусили под жалобные стоны из задних рядов: “Так и скотину не мучают!”. Спортиструктор Резвых издевался в радиомикрофон: “Упавших не бросать!”. Уже на спуске в пойму реки мужики прокляли сигареты, пиво и телевизор, а спортиструктора предали анафеме во веки веков. Женщины, одетые в элегантные спортивные костюмы, теряли человеческий облик буквально на глазах. Начальник отдела продаж Корзьева споткнулась наверху и, колом скатившись вниз, уютно обвила берёзу. Подчинённые злобно пронесли мимо.

К лыжной базе темп упал до минимума. Бегуны отваливались от общей группы с хрипом загнанных лошадей. Пойма реки была усеяна телами офисных работников. Впереди, подкидывая красивые колени, мчался бывший конькобежец Мозякин. Секретарша Стульчакова, ухватившись за мозякинские стринги, волочилась сзади, виновато хлопала ресницами, но пальцев не разжимала. Мозякин удивлённо напрягал каменеющие мышцы и вскоре начал позорно заплетать обворожительные ноги. Он рухнул перед самым стадионом, вдавив Стульчакову в утоптанную землю.

Спортиструктор Резвых, прождав на стадионе два часа, сел писать докладную директору о саботаже международного Дня бегуна. Но так и застыл с повисшей в воздухе рукой, только сейчас осознав весь ужас намёков начальника отдела продаж Корзяевой о грядущем Дне донора.

О полноте

Валентина Борисовна ни с того ни с сего начала полнеть. Как переехали из центра в пригород, так что ни день, то новый килограмм, а то и два. Она и раньше-то не была хлипкой конструкции, а теперь и вовсе стала принимать формы довольного судьбой тюленя.

Через две недели дочери Алиса и Лариса встали на дыбы:

— Мама, что вы нас перед людьми позорите?! В народе говорят: “Хочешь узнать, какой станет твоя жена — посмотри на тещу”. Мама, на вас уже собаки оглядываются. Имейте какую-нибудь совесть! Иначе в девках засидимся, а нам уже не по тридцать пять. Сделайте же что-нибудь с собой, мама!

А что тут сделаешь? Ест Валентина Борисовна, как птичка, а отдача — лошадиная! Каждый перекус находит в теле живой отклик. Навернётся сосисок, ну совсем чуть-чуть, через день глядь — они уже по бёдрам мелкой рябью пошли. Насладишься холодцом — наутро он вторым подбородком кольхается. Батон с маслом умнёшь — и через неделю меняй гардероб. Казалось бы, неприятно. А Валентина Борисовна только улыбается.

Сосед её в подъезде остановил, говорит:

— Совсем вы стыд потеряли, что ли? Вон вас как разносит неаккуратно. Не время сейчас. Вы посмотрите в новостях, что в мире творится!

Посмотрела Валентина Борисовна. Действительно, творится. И прибавила пару сантиметров в груди. Через месяц уже и есть перестала, а вес всё растёт и растёт. И что интересно, повысят тарифы на электричество — у Валентины Борисовны пять кило прибавки. Газы в атмосферу выбросят — ещё восемь килограммов. Уже за двести перевалило, и останавливаться Валентина Борисовна не собирается.

Если мир вокруг — дрянь, хочется заполнить его хорошей собой.

Шампусик

Вмятина в подвесном потолке. Залитый дорогуший диван. Жена в пене. Дети в восторге: “Папа открыл шампусик!”. Ёлка в углу качает ветками, едва сдерживая смех. Настина улыбка, как машина времени, уносит в прошлое.

Годы, лица...

Дрожащие пальцы не знают, как вырвать пробку из этой проклятой бутылки. Моё первое открытие. Мгновение назад Эмма Викторовна грудным... нет, полногрудым голосом заявила: “Хочу шампусика! Молодой человек, обслуживайте даму!”.

В гостиную набились все жильцы нашего восьмиквартирного дома. Каждый со своей табуреткой. И новые соседи сверху. Их дочь зовут Настя. Самое лучшее в мире имя. Недовольная теснотой ёлка колет кого попало.

— Попробуйте голубцы, я вас умоляю, с восьми утра за плитой...

— Закусывай, ирод! Я тебя домой понесу? Марина, давай нашу: “За что вы, девушки, красивых...”

— Верочка, в следующем году, я чувствую, у вас будет такой урожай малины! Если я прибавлю к своему “Запорожцу” мешок сахара, вы-таки выйдете за меня замуж?

Чёртова пробка.... Пальнуть бы ею в эту любительницу шампанского, да разве попадёшь с первого раза.... Попал. Это у меня наследственное. Дед — белке в глаз, отец — начальству в ухо, я — соседке в лоб. Вырожденец. Но всё равно приятно. Эмма Викторовна навзничь. Зычный крик: “Убили!”. Такую убьёшь.... Бросились поднимать всем домом. Успокоили, отпоили. Настя неслышно для всех мне аплодирует.

Бьют куранты. Ну, уж этот год будет, только держись! Звон бокалов, смех. А снегопад какой за окном!.. Медленный танец. Голос Насти откуда-то из космоса: “А что будет со страной, если умрёт Брежнев?”. Я не помню, кто это — её волосы касаются моей щеки... В загс, как и везде, всем домом...

Годы, лица...

Без пяти двенадцать. Вся семья в сборе. Я, старый пенёк, во главе стола. Внуки радостно тянут ко мне руки: “Деда, деда, открой шампусик!”...

Вереница шампанского по жизни, как верстовые столбы. Что между ними? Счастье...

Эпидемия

Сержант милиции Василий Кузякин заступил в ночное дежурство в 20.00. Посидев полчаса перед окошком, он решил как-то разнообразить работу. Смяв из листа бумаги шарик, Василий стукнул его об стену и поймал отскок ртом. Кузякину понравилось. Покидав шарик минут десять, он внёс в удовольствие нотку азарта. Для чего составил турнирную таблицу из футбольных сборных и начал полноценный чемпионат мира. Не поймал шарик ртом — гол, поймал — нет гола. Поначалу Россия проигрывала, но Кузякин хитро подмигнул своему отражению в зеркале, и нашим попёрло! Во время финального матча Россия — Бразилия при счёте 17:0 в нашу пользу в отделение влетел всклокоченный мужичок с курткой в руках.

— Что надо? — недобро пробурчал Василий, забыв вынуть изо рта бумагу.

— Вы понимаете, я не виноват! — пропищал заморыш, тиская куртку.

— Наркотики, попрошайничество, проституция? — выдвинул версии Кузякин.

— Другое, — заволновался мозгляк, наполняя комнату ароматом белого вина. — Я сегодня купил в магазине куртку. На этикетке было написано, что материал — дерматин. Принёс домой, жена посмотрела, говорит — натуральная кожа. Это же раз в пять дороже, если не больше!

— Ну? — не понял Кузякин.

— Получается, что я как бы обманул магазин! То есть, они сами себя обманули, но я-то в какую историю влип!

— В детстве не роняли? — поинтересовался блюститель порядка.

— Куртку?

— Тебя.

— Вроде нет. Хотя не помню.

— Шёл бы ты лучше... в магазин.

— Так он закрыт — я к вам.

Кое-как убедив заморыша дотерпеть до утра, когда откроется магазин, Кузякин вытолкал мужичка за дверь. “Началось дежурство”, — вздохнул Василий и включил чайник, но попить растворимого кофейку с домашними пирожками не дали. В окошко протиснулась топорно бритая голова, от которой порядочно разило самогоном.

— Газеты читаешь?

— Ну, — соврал Кузякин.

— Читал про маньяка, который насильовал манекены в бутиках?

— А то, — гнул свою линию Василий.

— Так это я, — созналась голова, и в окошко пролезли руки. — Надевай наручники.

Василий повёл маньяка в камеру, чувствуя, как приятно тяжелеют погоны. Вскоре в “обезьяннике” было не протолкнуться. Народ ринулся виниться. В отделении стоял тяжёлый дух винокуренного завода. Косяком пошли малолетки со своими битами и чужими мобильниками. Куча конфискованного росла, навевая Кузякину мысли об открытии небольшого магазинчика. Вскоре чистосердечно признались 20 дебоширов, 17 карманников, 12 алиментщиков и один педофил, которому тут же в камере поменяли сексуальную ориентацию. Кузякин трудился в поте лица.

В час ночи к отделению весь в мигалках подъехал мэр с братками.

— Здравствуйте, гражданин начальник, — сказал глава города.

Тонкий нос Кузякина уловил запах французского коньяка, кубинских сигар, хохочущих девиц, бюджетных растрат и... Более принохиваться Кузякин не стал.

— Здравствуйте, Евгений Михайлович, — насторожился Василий.

— Вору из бюджета, аки сволочь, — доверительно сообщил мэр.

Кузякин оказал сопротивление. Но братки быстро уложили его лицом вниз и заперлись с градоначальником в камере, выгнав наружу всех её обитателей.

Немного погодя зазвонил кузякинский сотовый телефон. “Жена, — ахнул Василий, — и эта туда же!”. От греха подальше он утопил телефон в чайнике и, вздохнув, потянулся к банке пива...

В три часа ночи в кабинете, где отдыхал капитан Зямин, раздался вкрадчивый стук. Зямин с трудом разлепил один глаз.

— Кто?

— Товарищ капитан, — начал Кузякин, — я это... в прошлое дежурство... так вышло... в общем, прихватил карандаш-с... случайно... но обещаю — сегодня же верну.

Чем хорош сапог — так тем, что в умелых руках этот нехитрый продукт обувной промышленности с лёгкостью превращается в грозное метательное оружие с наконечником-каблуком. А Зямин попадал в горящие объекты даже с закрытыми глазами. Полёт сапога капитан сопровождал рёвом медведя-боблыя:

— Пошёл вон!

Кузякин кубарем преодолел лестницу, ворвался в “обезьянник” и с помощью мата, чередующегося с диким воплем “Пошли вон!”, пинков и вида отпечатавшейся на лбу набойки выгнал всех обитателей камеры на улицу. Спешно покидая помещение, те всё же умудрились прихватить с собой конфискованное, а также кое-что из милицейского инвентаря, и через пару минут отделение опустело. Кузякин сел перед окошком, поскучал полчаса и начал сворачивать бумажный шарик. Так происходило каждую пятницу. Раскрываемость преступлений в районе по вине капитана Зямина была безобразно низкой.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.
Телефон/факс: (7172) 39-38-06.
Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.
Сайт: www.niva-kz.narod.ru
E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 04.11.2009 г.

Подписано к печати 04.12.2009 г. Формат 70 x 100 1/16.

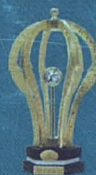
Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 6613.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

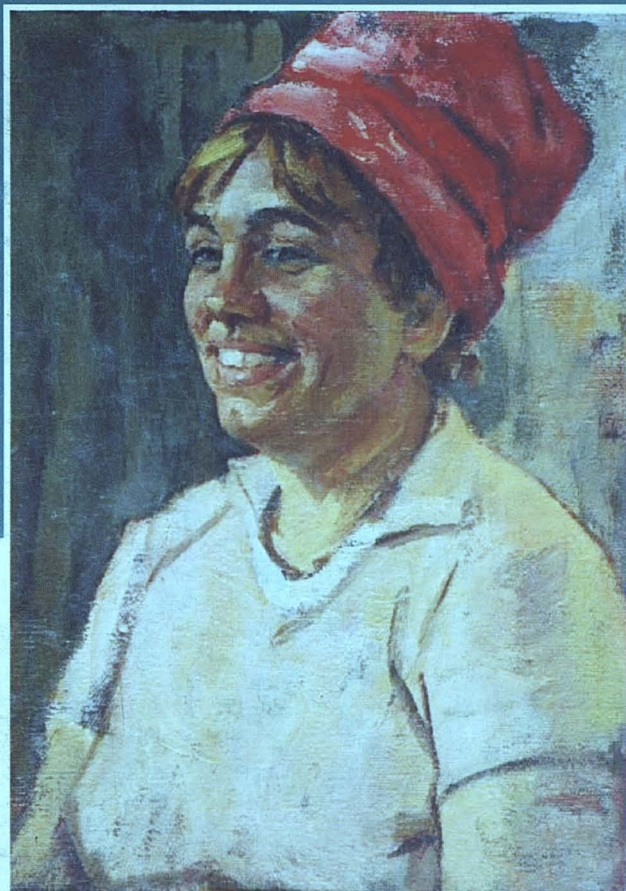
Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.

Индексы $\frac{75775}{25775}$

НИВА

№1, 2010

Уважаемые читатели!

Продолжается подписка на 2010 год.

Журнал «Нива» - к вашим услугам.

«Нива» - для истинных любителей литературы.
Солидное издание для интеллигентных людей.

Мы нужны друг другу!

Подписаться на «Ниву» можно в филиалах АО «Казпочта»,
ТОО «Эврика-пресс», ТОО Агентство «Евразия-пресс»,
ТОО СП «Аргументы и факты. Казахстан» и агентстве «Press.kz».

Индексы журнала:

для индивидуальных подписчиков - **75775**,
для предприятий и организаций - **25775**.